ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Серія VI № 9.

Джорджъ Беркли

ТРАКТАТЪ О НАЧАЛАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЗНАНІЯ,

въ которомъ изслѣдуются главныя причины заблужденія и трудности наукъ, а также основанія скептицизма, атеизма и безвѣрія.

По порученію Философскаго Общества при СПБ. университетѣ переведено Е. Ѳ. Дебольскою

подъ редакціею

Н. Г. Дебольскаго

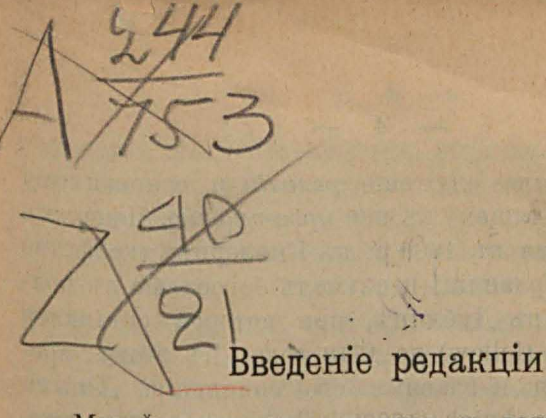
Издательство О. Н. Поповой.
Спб., Невскій, 54.—1905 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 мая 1905 г.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1956г.
12							173/1401	

Б

Введеніе редакціи

Метафизика, эта основная и важнѣйшая часть философіи, представляетъ собою въ историческомъ своемъ развитіи рядъ послѣдовательно возникавшихъ гипотезъ *о сущемъ*, или, если распространить терминъ „сущее“ и на то, что имѣетъ бытіе зависимое или условное, о *первомъ* или *безусловномъ сущемъ*. Изъ числа мыслителей, посвящавшихъ свой трудъ изслѣдованіямъ этого рода, тѣ, которые создавали дѣйствительно новыя гипотезы о сущемъ, т. е. были творцами дѣйствительно новыхъ философскихъ началъ, пріобрѣли тѣмъ самымъ право именоваться *первоклассными философами*, и Джорджъ Беркли занимаетъ мѣсто среди этихъ отборныхъ умовъ, этой умственной аристократіи человѣчества. Такъ какъ предлагаемый нынѣ вниманію русскихъ читателей трактатъ названнаго мыслителя есть главное изъ его сочиненій, то тѣмъ самымъ достаточно объясняется и оправдывается появленіе этого трактата въ русскомъ переводѣ.

Философское ученіе Беркли представляетъ собою нѣчто весьма цѣлостное и вполнѣ сосредоточенное на единствѣ темы; и такою же цѣлостностью и сосредоточенностью на одной цѣли проникнута и жизнь этого мыслителя. Ея сферою и господствующимъ

интересомъ было служеніе *религіи* и основанному на ней и приводящему къ ней *просвѣщенію*. Джорджъ Беркли родился въ 1685 г. въ Киллеринѣ (графство Килкени въ Ирландіи) и изучалъ богословіе въ коллегіи Троицы въ Дублинѣ, при которой оставался стипендіатомъ (fellow) до 1713 года. Къ этому времени относятся и главныя его сочиненія: „Опытъ новой теоріи зрѣнія“ (1709), „Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія“ (1710) и „Три діалога между Гиласомъ и Филонусомъ“ (1713), обнаружившія въ молодомъ богословѣ, кромѣ сильнаго философскаго дарованія, основательное математическое и вообще научное образованіе и близкое знакомство съ трудами древнихъ и новыхъ философовъ. Время съ 1713 г. по 1721 г. было для Беркли временемъ образованія литературныхъ знакомствъ и поѣздокъ во Францію и Италію въ качествѣ капелана, секретаря и педагога. Съ 1721 г. по 1728 г. онъ былъ деканомъ въ Дерри. Въ 1728 г. Беркли оставилъ эту должность и отправился въ Америку съ цѣлью основанія коллегіи для распространенія христіанскаго просвѣщенія; но, потерявъ значительную часть своего состоянія и обманувшись въ ожиданіи правительственной поддержки, долженъ былъ въ 1731 г. вернуться въ Англію. Къ двумъ послѣдующимъ годамъ относится изданіе его сочиненій: „Альсифронъ или малые философы“ (1732) и „Теорія зрѣнія или зрительной рѣчи, показывающая непосредственное присутствіе и провидѣніе Божества, какъ защищенныя и объясненныя“ (1733). Съ 1731 г. по 1752 г. Беркли былъ епископомъ въ Клойнѣ въ Ирландіи и за это время написалъ нѣсколько сочиненій по различнымъ во-

просамъ, не увеличившихъ, но и не уменьшившихъ его философской репутаціи. Онъ скончался на покоѣ въ Оксфордѣ въ 1753 году.

Главная задача Беркли, какъ писателя (что видно и изъ самаго названія важнѣйшаго его сочиненія), есть опроверженіе скептицизма, атеизма и безвѣрія. Какъ философъ, онъ находитъ возможнымъ осуществить эту задачу путемъ установленія *ученія имматеріализма*, т. е. совершеннаго отрицанія бытія *матеріи*, понимаемой, какъ субстанція внѣ духа. Къ такому взгляду Беркли приходитъ, вращаясь въ кругу міровоззрѣнія Декарта и Локка, въ развитіи взглядовъ, обоснованныхъ которыми, ученіе Беркли образуетъ собою необходимую и въ высшей степени цѣнную ступень.

Декартъ (1596—1650) установилъ, что наше познаніе сносится съ вещами не иначе, какъ посредствомъ *идей*, т. е. состояній *души*. Отсюда уже для этого мыслителя возникли два капитальныхъ вопроса, попытки разрѣшенія коихъ обусловили собою дальнѣйшее движеніе метафизики. Первый вопросъ состоялъ въ томъ, какой мы имѣемъ критерій *истины* идей, т. е. какимъ путемъ можемъ мы убѣдиться, что идея, будучи состояніемъ души, сходна съ дѣйствительною вещью. Второй вопросъ касался *происхожденія* идей. Но первый вопросъ очень скоро поглотился вторымъ, ибо совершенно понятно, что отъ того, какую мы примемъ гипотезу происхожденія идей, будетъ зависѣть нашъ взглядъ и на соотвѣтствіе идеи и дѣйствительности. Если мы скажемъ: „источникъ идей намъ совершенно не извѣстенъ“, то должны будемъ придти къ тому скептическому

выводу, что намъ совершенно не извѣстно и то, соотвѣтствуетъ ли идея дѣйствительности. Съ другой стороны, если мы признаемъ, что идеи производятся въ душѣ Богомъ или дѣйствіемъ вещей природы, то тѣмъ самымъ заранѣе припишемъ себѣ достовѣрное, хотя бы и ограниченное, знаніе о Богѣ и вещахъ природы и, слѣдовательно, въ этомъ знаніи найдемъ искомый критерій истины. Для того, чтобы получило сколько нибудь значительное вліяніе на умы скептическое рѣшеніе этого вопроса, тогдашняя мысль не была еще достаточно зрѣла, ибо она не исчерпала еще возможнаго круга его догматическихъ рѣшеній. Что же касается послѣднихъ, то они естественно сосредоточились около двухъ предположеній: или идеи возникаютъ въ душѣ дѣйствіемъ вещей, стало быть, въ концѣ концовъ дѣйствіемъ матеріи (ибо душа съ душою не можетъ сноситься непосредственно), или же дѣйствія вещей, т. е. матеріи, на душу, собственно говоря, нѣтъ, но душа устроена такъ, что въ ея идеяхъ или по однажды навсегда установленному общему порядку существуетъ, или же въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заново возникаетъ согласіе съ мыслимыми въ идеяхъ вещами. По духу картезіанства, отразившемуся и на его отвѣтвленіяхъ, преобладаніе должно было получить второе мнѣніе, ибо, считая душу и матерію двумя разнородными субстанціями, или, какъ Спиноза (1632—1677), двумя аттрибутами, неизвѣстнымъ для насъ образомъ соединенными въ единой субстанціи, мы, конечно, можемъ усмотрѣть между ними не взаимодѣйствіе, а лишь соотвѣтствіе. Притомъ, такъ какъ свойство матеріи полагалось единственно въ *протяженіи*, т. е.

въ ней отрицалась всякая дѣятельная сила, то являлось непонятнымъ, какимъ образомъ вообще матерія могла бы дѣйствовать на что бы то ни было. Что касается способа происхожденія сказаннаго соотвѣтствія между матеріею и душою, то по этому предмету существовало троякое мнѣніе: по основанному Гейлинксомъ (1625—1669) ученію *окказіонализма* Богъ установляетъ въ каждомъ единичномъ случаѣ состоянія души *по поводу* состояній матеріи и наоборотъ. Спиноза училъ, что ряды явленій въ мысли и въ протяженіи, будучи обнаруженіями единой субстанціи, изначала протекаютъ въ двухъ параллельныхъ соотвѣтствующихъ рядахъ. Мальбраншъ (1638—1715) полагалъ, что Богъ есть единственный предметъ нашего знанія, такъ что всѣ вещи мы созерцаемъ въ немъ.

Вопреки господствовавшему въ тогдашней философіи взгляду на матерію, только какъ на протяженную, Джонъ Локкъ (1632—1704), безъ сомнѣнія, въ значительной степени подъ вліяніемъ ученія Ньютона, призналъ за матеріею *дѣятельную силу*, слѣдовательно, способность быть *дѣйствующею причиною*. Съ другой стороны, онъ пришелъ къ тому убѣжденію что въ душѣ нѣтъ *врожденныхъ идей*, но что всѣ идеи получаются изъ опытныхъ источниковъ—*ощущенія* и *рефлексіи*, изъ коихъ первое имѣетъ предметомъ внѣшнее матеріальное дѣйствіе, а вторая — дѣйствія и состоянія самой души; при чемъ рефлексія является актомъ вторичнымъ, могущимъ воспослѣдовать лишь послѣ возникновенія ощущеній. Такимъ образомъ, по Локку, первоисточникомъ познанія оказалось непосредственное воздѣйствіе матеріальнаго міра на душу,

возбуждающее въ душѣ ощущенія или *простыя идеи*. При этомъ Локкъ, въ духѣ картезіанизма, сохранилъ различіе между такими идеями, которыя суть вѣрныя копіи матеріальной дѣйствительности, и такими, которыя, хотя и вызываются воздѣйствіемъ матеріи, но не имѣютъ сходства съ ея собственными состояніями. Содержаніе первыхъ онъ именуетъ *первичными качествами* (математическія, геометрическія и механическія свойства вещей), содержаніе вторыхъ—*вторичными качествами* (свѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ, теплота).

Тотъ и другой способъ разрѣшенія вопроса о взаимоотношеніи между идеями и матеріальными вещами приводитъ въ концѣ концовъ къ слѣдующему, въ сущности одинаковому выводу. Если воздѣйствія матеріи на душу вовсе нѣтъ, но духовныя существа заключены въ ряды и группы идей, лишь соотвѣтствующихъ состояніямъ матеріи, то спрашивается, для чего послѣдняя вообще нужна въ составѣ мірозданія? Коль скоро идеи сочетаются и слѣдуютъ одна за другою въ такомъ постоянствѣ, какое требуется для нуждъ жизни духовъ, то послѣдніе могутъ существовать и дѣйствовать совершенно безразлично къ тому, есть или нѣтъ матерія, ибо съ нею собственно они никогда не сносятся. Обращаясь, въ частности, къ ученію Мальбранша, утверждающаго, что мы познаемъ все въ Богѣ, мы неизбѣжно приходимъ къ вопросу, для чего же въ такомъ случаѣ нуженъ еще какой-то матеріальный міръ, и теоретически, и практически совершенно намъ чуждый и недоступный? Словомъ, съ этихъ точекъ зрѣнія матерія оказывается совершенно излишнимъ двойникомъ чисто-духовныхъ существованій. Къ та-

кому же отрицательному результату въ отношеніи бытія матеріи приходимъ мы и на почвѣ ученія Локка. Прежде всего воздѣйствіе матеріи на душу, коль скоро оно совершается извѣстными намъ первичными качествами матеріи, для насъ непонятно, такъ какъ мы не усматриваемъ, какимъ образомъ матеріальное движеніе можетъ превратиться въ идею. Поэтому сказанное воздѣйствіе предполагаетъ *невѣдомыя намъ* силы матеріи. Съ другой стороны, и отчасти въ связи съ этимъ же соображеніемъ, различеніе первичныхъ качествъ матеріи, какъ присущихъ ей самой, отъ вторичныхъ, какъ существующихъ лишь въ ощущающей душѣ, является произвольнымъ. Говоря строго, мы должны признать, что свойства матеріи *въ себѣ*, какъ источника нашихъ ощущеній, намъ совершенно не извѣстны. Итакъ, утверждая, что идеи возникаютъ черезъ дѣйствіе матеріи на душу, мы утверждаемъ собственно, что онѣ возникаютъ черезъ *невѣдомое дѣйствіе невѣдомаго нѣчто*. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ, *возможно ли* и *нужно ли* предположеніе бытія этого невѣдомаго нѣчто. Не есть ли это „нѣчто“ лишь прикрытое особымъ названіемъ „ничто“? И не проще ли и не законнѣе ли даже съ точки зрѣнія эмпиризма мыслить существованіе только духовъ, въ коихъ, безъ всякой матеріи, по волѣ Божіей возникаютъ и смѣняются въ закономѣрномъ порядкѣ группы и ряды идей?

Итакъ, мы видимъ, что оба теченія возбужденнаго Декартомъ философскаго движенія, и раціоналистическое, и эмпиристическое, приводятъ къ гипотезѣ чистаго спиритуализма, отрицающей матеріальную субстанцію и оставляющей бытіе лишь за духами и

ихъ идеями. И дѣйствительно, мы усматриваемъ почти одновременное появленіе этой гипотезы въ настоящемъ трактатѣ Беркли, опирающагося на Локка, и въ трактатѣ священника Артура Колльера (1680—1732), исходящаго отъ Мальбранша *. Если философская слава Колльера совершенно заглушена славою Беркли, то независимо отъ другихъ возможныхъ причинъ это обстоятельство, въ значительной степени, зависѣло отъ того, что трактатъ Колльера былъ напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и что (особенно въ Великобританіи) ученіе Локка было не въ примѣръ популярнѣе ученія Мальбранша.

Гипотеза чистаго спиритуализма развивается въ трактатѣ Беркли въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Философскій методъ Беркли состоитъ въ самонаблюденіи, которое, по его мнѣнію, одно способно засвидѣтельствовать, *что именно* дано намъ въ нашихъ идеяхъ; и къ этому свидѣтельству онъ въ концѣ концовъ безапелляціонно сводитъ всѣ философскіе споры. Онъ излагаетъ то, что онъ *самъ* находитъ въ своей душѣ, предлагаетъ и читателямъ сдѣлать то же самое и неоднократно изъявляетъ готовность отказаться отъ своихъ положеній, если самонаблюденіе читателей приведетъ ихъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ его собственное самонаблюденіе. Прилагая этотъ методъ къ изслѣдованію содержанія идей, Беркли прежде всего наталкивается на тотъ

* „Всеобщій ключъ или новое изслѣдованіе объ истинѣ, содержащее доказательство несуществованія или невозможности внѣшняго міра“ 1713. Первоначальное изложеніе ученія Колльера „О зависимомъ отъ духа существованіи видимаго міра“ относится къ 1708 г.; но оно осталось ненапечатаннымъ.

господствующій взглядъ, будто идея можетъ быть *отвлеченною*, т. е. будто наше мышленіе можетъ раздѣлить въ ней на части то, что нераздѣльно соединено въ ней на опытѣ. Безъ сомнѣнія, мы можемъ дѣлить на части сложныя или составныя идеи, напримѣръ, мыслить голову человѣка отдѣльно отъ туловища; но лишь потому, что и на опытѣ голова можетъ быть отдѣлена отъ туловища. Тѣ же идеи, составъ которыхъ на опытѣ представляется нераздѣльнымъ, не могутъ быть раздѣляемы мыслью. Напримѣръ, мы не можемъ мыслить треугольникъ, какъ таковый, который не былъ бы большимъ или малымъ, равностороннимъ или разностороннимъ, прямоугольнымъ или косоугольнымъ, т. е. не можемъ отдѣлить идею треугольника отъ ея частныхъ опредѣленій, короче, имѣть *отвлеченную* идею треугольника. По тѣмъ же основаніямъ, мы не можемъ имѣть отвлеченную идею *пространства*, *времени*, *движенія*, которыя не были бы *такими-то*, съ такими-то конкретно представимыми признаками. Мысля пространство, мы мыслимъ нѣкоторую протяженную фигуру; мысля время, мыслимъ конкретную послѣдовательность своихъ состояній; мысля движеніе, мыслимъ *движущееся* по конкретному пути и направленію и съ конкретною скоростью. Отвлеченныхъ же или *чистыхъ* пространства, времени, движенія и т. д. для нашей мысли не существуетъ.

Отрицая возможность *отвлеченныхъ* идей, Беркли не отрицаетъ возможности ихъ *общности* въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Поскольку идеи сходны, онѣ въ мѣрѣ своего сходства закрѣпляются общими *названіями*, что даетъ намъ возможность разсуждать,

напримѣръ, о треугольникѣ *вообще*; но не потому, чтобы мы могли имѣть *идею* треугольника *вообще*, который ни косоуголенъ, ни прямоуголенъ, ни великъ и ни малъ, а потому, что многія свойства всякаго частнаго треугольника принадлежатъ и всѣмъ другимъ частнымъ треугольникамъ, что и выражается словесно въ общей теоремѣ при помощи общихъ терминовъ или названій. Названіе заступаетъ здѣсь въ нашей мысли *не отвлеченную* идею треугольника, а множество частныхъ конкретныхъ идей треугольниковъ, т. е. является сокращеннымъ для нихъ значкомъ. Въ этомъ польза для мышленія; но тутъ же и источникъ того заблужденія, будто есть отвлеченныя идеи. Такъ какъ предполагается, что каждое названіе обозначаетъ какую нибудь идею, то люди думаютъ, что и общимъ названіямъ „треугольникъ", „человѣкъ", „добро" соотвѣтствуютъ особыя идеи, въ которыхъ отвлечено отъ частныхъ признаковъ, данныхъ на опытѣ „треугольниковъ", „людей", „хорошихъ вещей", т. е. идеи отвлеченныя. Поэтому, по мнѣнію Беркли, здравая философія должна остерегаться обмана словъ, но по возможности обращаться къ самымъ идеямъ, изслѣдуя ихъ дѣйствительное содержаніе.

Ясны метафизическія послѣдствія отрицанія того мнѣнія, будто существуютъ отвлеченныя идеи. Отвлеченнѣйшая изъ идей есть идея *бытія*, образуя которую, люди отбрасываютъ всѣ конкретные признаки сущихъ предметовъ, въ частности и тотъ признакъ, что всякое бытіе внѣшнихъ предметовъ есть бытіе *въ воспріятіи*, т. е. бытіе *идей*. Никакое иное бытіе этихъ предметовъ намъ не дано, стало быть, не мыслимо, такъ какъ доказано, что отвлекать мысленно

отъ тѣхъ признаковъ, которые неизмѣнно даны на опытѣ, мы не въ состояніи. *Быть* для внѣшняго предмета есть то же, что *быть воспринимаемымъ* (esse = percipi), и, отвлекая отъ бытія его воспринимаемость, мы уничтожаемъ самое бытіе. Если же такъ, т. е. если бытіе всякаго внѣшняго, матеріальнаго предмета сводится къ бытію воспринимаемыхъ нами идей, то предполагать въ этомъ предметѣ нѣкоторую матерію, какъ субстанцію, сущую внѣ воспринимающаго духа, значитъ совершать ложный, воспрещаемый здравою философіею, актъ отвлеченія. Итакъ, матеріи, какъ таковой, нѣтъ, или, иначе, матеріальный міръ разлагается цѣликомъ на воспринимаемыя душою идеи. Этотъ выводъ одинаково остается въ силѣ, понимаемъ ли мы матерію, какъ субстанцію протяженную и подвижную, вообще съ такъ называемыми первичными качествами, или же совершенно отвлеченно, какъ нѣчто невѣдомое. Въ первомъ случаѣ мы упускаемъ изъ виду, что первичныя качества суть также наши идеи, слѣдовательно, не имѣютъ бытія независимо отъ воспріятія. Во второмъ случаѣ мы доводимъ злоупотребленіе отвлеченностью до крайнихъ его предѣловъ и, совершенно опустошая идею бытія, превращаемъ его въ „ничто“.

Нашему автору нѣтъ большого труда доказать, что практическіе интересы жизни нисколько не пострадаютъ отъ принятія его ученія, такъ какъ весь порядокъ испытываемыхъ нами на опытѣ состояній со всѣми ихъ послѣдствіями останется совершенно тотъ же самый, признаемъ ли мы матеріальную субстанцію или отринемъ ее, если только останется тѣмъ же составъ нашего опыта. Но болѣе затрудненій

представляется ему при переходѣ на теоретическую почву спеціальной науки и философіи. Оставляя въ сторонѣ разсужденія Беркли о естествознаніи и математикѣ и въ частности его полемику противъ ученія о безконечно-малыхъ (что можно сдѣлать съ тѣмъ большимъ правомъ, что никакого вліянія на развитіе названныхъ наукъ эти разсужденія не имѣли), мы обратимъ вниманіе лишь на философскія послѣдствія изложенныхъ выше началъ. Ученіе Беркли представляется намъ покуда въ своей отрицательной фазѣ, именно какъ отрицаніе субстанціальности матеріи. Но оно приводитъ затѣмъ къ вопросамъ, требующимъ и положительнаго рѣшенія. Матерія со всѣми ея качествами сводится къ идеямъ. Но идея есть состояніе духа, и потому идеи не составляютъ всего сущаго, а послѣднее состоитъ изъ двухъ составныхъ частей—*идей* и *духовъ*. Духъ уже не разлагается на идеи; это видно изъ того, что идея есть нѣчто совершенно пассивное, неспособное дѣйствовать и производить. Духъ же есть начало *дѣятельное*, такъ какъ мы видимъ на насъ самихъ, что онъ обладаетъ *волею*, которая можетъ измѣнять идеи.

Итакъ, та дѣятельная субстанція, которую обыкновенно ищутъ въ матеріи, есть духъ; онъ есть субстанція, ибо онъ есть постоянный носитель идей, и субстанція дѣятельная, ибо способенъ дѣйствовать на нихъ. Но духъ не есть только мой индивидуальный духъ или духъ другого, подобнаго мнѣ, ограниченнаго существа. Наша воля способна дѣйствовать на идеи, но она не можетъ ихъ производить, и самое измѣненіе ею идей ограничено извѣстными предѣлами; поэтому она не есть источникъ идей. Та-

кимъ источникомъ долженъ быть признанъ другой, всемогущій творческій Духъ или Богъ. Онъ создаетъ и насъ, и природу для насъ, т. е. вызываетъ въ насъ идеи въ такихъ постоянствѣ и порядкѣ, какіе требуются для того, чтобы онѣ представились намъ тѣмъ, что мы называемъ внѣшнимъ міромъ, а также связываетъ воспріятіе этихъ идей съ извѣстными практическими результатами, руководящими нашею жизнью черезъ посредство страданій и удовольствій. Сама по себѣ идея есть состояніе бездѣятельное; она есть лишь знакъ, который данъ намъ въ руководство Богомъ, какъ бы рѣчь, посредствомъ которой Богъ говоритъ съ нами черезъ являющуюся намъ природу. Такимъ образомъ міръ есть совокупность духовъ подъ верховенствомъ Бога; и въ этомъ выводѣ, который Беркли считаетъ несомнѣнною и очевидною истиною, находитъ онъ окончательное опроверженіе скептицизма, атеизма и матеріализма.

Таковъ остовъ изложеннаго въ настоящемъ трактатѣ философскаго ученія Беркли. Мы видѣли, съ какою логическою неизбѣжностью возникло оно на почвѣ предшествовавшихъ ему ученій. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ оно съ такою же логическою послѣдовательностью отразилось на дальнѣйшемъ движеніи философіи. Это указаніе является и руководящимъ началомъ для критической оцѣнки сказаннаго ученія. Задача философской критики состоитъ въ обнаруженіи *относительной истины даннаго ученія;* и разрѣшенною эта задача оказывается тогда, когда мы поймемъ, съ одной стороны, въ чемъ оно исправило предшествовавшія ученія, а съ другой — въ чемъ оно само подверглось исправленію

со стороны ученій послѣдующихъ. Это пониманіе есть пониманіе *историческаго положенія* даннаго ученія, пониманіе того, какую именно ступень составило оно въ прогрессѣ философской истины, т. е. *справедливая критическая оцѣнка* этого ученія.

Благочестивый и достопочтенный епископъ клойнскій испыталъ бы, вѣроятно, искреннее огорченіе, еслибы при выходѣ въ свѣтъ своего трактата увидѣлъ воочію, прогрессу какой именно философіи послужатъ его труды. Нельзя не усмотрѣть ироніи судьбы въ томъ обстоятельствѣ, что ученіе, имѣвшее цѣлью утвержденіе истинъ религіи и конечное опроверженіе скептицизма, явилось переходною ступенью и орудіемъ къ возникновенію самой сильной и вліятельной изъ когда либо появлявшихся скептическихъ теорій. Если достовѣрно, что въ познаніи матеріальнаго міра мы безусловно ограничены конкретными идеями, никакое возвышеніе надъ которыми путемъ мысленнаго отвлеченія невозможно, то, конечно, самобытность этого міра упраздняется. Но засимъ возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ остается прочнымъ самобытность или субстанціальность духа, какъ носителя и въ концѣ концовъ первопричины идей. По заявленію Беркли органъ познанія духа уже не есть идея. Но какимъ органомъ познается духъ,—этого онъ не выясняетъ. Въ одномъ мѣстѣ второго изданія своего трактата онъ склоняется къ тому, чтобы именовать этотъ органъ *понятіемъ* (notion), но не даетъ сколько нибудь отчетливаго объясненія этого термина. Съ другой стороны, главнымъ основаніемъ, по коему Беркли не находитъ возможнымъ признать идеи за единственно-

сущее, служитъ тотъ фактъ, что идея *ничему не можетъ служить причиною*; причиною можетъ быть лишь нѣчто дѣятельное, и это нѣчто дѣятельное есть духъ. Стало быть, спиритуализмъ Беркли находитъ себѣ метафизическую опору въ *понятіи причинности*. Но этого понятія Беркли *не изслѣдуетъ*, и потому для насъ остается неубѣдительнымъ мнѣніе его, что понятію причинности можно приписывать метафизическое значеніе, т. е. что мы вправѣ заключать къ *субстанціи* (духу), какъ причинѣ *явленій* (идей). Итакъ, открывается необходимость разобраться въ этихъ вопросахъ обстоятельнѣе, чѣмъ то сдѣлалъ Беркли, т. е., во-первыхъ, посмотрѣть, болѣе ли прочно стоитъ *субстанціальность духа*, чѣмъ отрицаемая этимъ мыслителемъ субстанціальность матеріи, а, во-вторыхъ, выяснить, что такое *причинность*, къ которой прибѣгаютъ метафизики, какъ къ средству найти для данныхъ опыта сверхъопытную основу. Такое завершеніе ученія Беркли предпринимаетъ Давидъ Юмъ (1711—1776). Высоко цѣня отрицательную часть выводовъ Беркли и руководствуясь такимъ же методомъ самонаблюденія, Юмъ приходитъ къ тѣмъ скептическимъ выводамъ, что духъ, также какъ и матерія, есть не субстанція, а совокупность воспринимаемыхъ состояній, и что, слѣдовательно, субстанція есть вообще понятіе мнимое; а также, что понятіе причинности есть не болѣе, какъ понятіе привычнаго слѣдованія явленій, не заключающее въ себѣ никакого указанія на дѣятельную силу и не имѣющее никакого сверхъопытнаго примѣненія. Спиритуализмъ Беркли превращается тѣмъ самымъ въ скептицизмъ, субстанція и

(дѣйствующая) причина признаются за пустыя фикціи мысли, и послѣдняя оказывается въ своемъ познаніи ограниченною лишь группами и рядами субъективныхъ состояній. Положительная часть ученія Беркли, какъ таковая, лишается самостоятельнаго значенія для дальнѣйшаго движенія философіи. Правда, она находитъ себѣ и въ новѣйшее время нѣсколькихъ единичныхъ послѣдователей и отчасти принимается во вниманіе и нѣмецкимъ идеализмомъ; но вообще берклеянизмъ трактуется, лишь какъ неполный скептицизмъ, и въ этомъ качествѣ подвергается и критикѣ шотландскихъ философовъ.

Еслибы скептицизмъ Юма представлялъ собою конечную стадію развитія философской мысли, т. е. *окончательную истину* философіи, то при такомъ условіи и наша критическая оцѣнка ученія Беркли представлялась бы исчерпанною. Но исторія философіи показываетъ, что положительная метафизика не была убита Юмомъ, а продолжала свое развитіе отчасти въ полемическомъ съ нимъ состязаніи, отчасти въ попыткахъ превзойти и растворить скептицизмъ въ высшемъ началѣ. При этомъ выяснилось, что главною твердынею скептицизма должна считаться столь рѣзко и отчетливо установленная Беркли *теорія идей* въ ея крайнемъ субъективизмѣ и эмпиризмѣ. Поэтому критическая оцѣнка ученія Беркли должна показать, какимъ представилось самое начало этого ученія въ свѣтѣ послѣдующей философіи.

Изученіе философіи Юма привело Томаса Рида (1710—1796) къ тому заключенію, что скептическіе выводы этой философіи послѣдовательно вытекаютъ

изъ того предположенія, будто познаніе вещей совершается посредствомъ идей, т. е. будто душа сносится съ познаваемыми вещами не непосредственно, а черезъ свои собственныя состоянія. Принявъ такое предположеніе, мы естественно должны признать, что о вещахъ внѣ насъ мы не можемъ составить никакого сужденія. Но правильно ли это предположеніе? Кто уполномочилъ философовъ вопреки естественному убѣжденію человѣчества ставить между нами и вещами какія-то *идеи*, о которыхъ никто не знаетъ, ни что онѣ такое, ни гдѣ находятся, ни какъ возникаютъ. Очевидно, что для искорененія, какъ предразсудка, того, въ чемъ всѣ люди были постоянно и твердо убѣждены, требуется болѣе глубокое изслѣдованіе природы познавательныхъ силъ. Подъ наименованіемъ „идей", въ первоисточникѣ послѣднихъ, Беркли и Юмъ разумѣютъ, собственно говоря, *ощущенія*, высказывая такимъ образомъ взглядъ, что всякое познаніе начинается съ ощущеній. Но это невѣрно. Познаніе начинается съ *воспріятія* (perception), для котораго ощущеніе служитъ лишь представителемъ *вещей*. Ощущенія знакомятъ насъ съ вторичными качествами этихъ вещей, которыя дѣйствительно совершенно субъективны. Воспріятіе же имѣетъ дѣло съ первичными качествами, которыя съ непосредственнымъ и совершенно неискоренимымъ убѣжденіемъ приписываетъ самимъ вещамъ. Такимъ образомъ, уже изъ акта чувственнаго познанія мы выносимъ знаніе не идей, а вещей.

Далѣе и Беркли и Юмъ принимаютъ за аксіому предположеніе Локка объ отсутствіи въ душѣ прирожденныхъ началъ. Но это предположеніе также

не доказано, такъ какъ обнаружить чувственный источникъ такихъ понятій, какъ причинность, субстанціальность матеріи и духа, бытіе Бога и т. п., этимъ мыслителямъ не удалось. Поэтому Ридъ утверждаетъ, что: 1) наше чувственное познаніе въ актѣ воспріятія имѣетъ дѣло съ дѣйствительными вещами, и 2) намъ свойственны извѣстныя несомнѣнныя начала знанія, не проистекающія изъ чувственности.

Ученіе Рида, получившее широкое распространеніе между шотландскими философами (Битти 1735—1803, Дюгальдъ Стюартъ 1753—1828, Мэкинтошъ 1765—1832, Уилльямъ Гамильтонъ 1788—1856), въ той своей части, которая удостовѣряетъ реальность предметовъ воспріятія (хотя безъ приписанія этой реальности всѣмъ первичнымъ качествамъ), нашло себѣ въ новѣйшее время защитника въ лицѣ скончавшагося недавно Герберта Спенсера (1820—1903). Какую силу представляетъ собою это ученіе по отношенію къ юмовскому эмпиризму вообще, въ разрѣшеніе этого вопроса намъ нѣтъ надобности теперь вдаваться. Но если сопоставить критику Рида собственно съ ученіемъ Беркли, то нельзя не придти къ тому выводу, что съ ея точки зрѣнія въ этомъ ученіи открываются уязвимыя мѣста. Идея по взгляду Беркли есть состояніе пассивное, воспринимающій же идею духъ есть субстанція дѣятельная. Если это такъ, то духъ, конечно, дѣятеленъ и въ актѣ воспріятія, т. е. воспріятіе идей не можетъ ограничиваться однимъ ихъ пассивнымъ созерцаніемъ, но должно быть нѣкоторымъ духовнымъ дѣйствіемъ надъ ними. Другими словами, въ ощущеніе внѣш-

няго міра духъ непремѣнно вноситъ нѣчто съ своей стороны, т. е. чувственное познаніе этого міра слагается не просто изъ „идей“, но изъ идей, видоизмѣненныхъ дѣйствіемъ духа. Этого чисто-духовнаго апріорнаго элемента познанія внѣшняго міра Беркли не выясняетъ, да и не можетъ выяснить, ибо отдѣленіе этого элемента отъ содержанія идеи было бы актомъ отвлеченія, а всякое отвлеченіе строго воспрещено. Поэтому съ точки зрѣнія Беркли остается невыясненнымъ и невыяснимымъ, вноситъ или не вноситъ духъ въ воспріятіе вещей то непосредственное убѣжденіе въ ихъ реальности, о которомъ говоритъ Ридъ. Другими словами, Ридъ переноситъ вопросъ на такую почву, на которой мы съ точки зрѣнія Беркли не въ силахъ за нимъ слѣдовать, и, стало быть, съ этой точки зрѣнія ученіе Рида остается хотя не оправданнымъ, но и не опровергнутымъ. Очевидно, поэтому, что положеніе Беркли о невозможности отвлеченія, дѣлая невозможнымъ элементарный анализъ чувственнаго знанія, дѣлаетъ въ сущности невозможнымъ и рѣшеніе вопроса о его метафизическомъ значеніи. Беркли говоритъ, что идея существуетъ въ духѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляетъ ее отъ духа въ нѣчто для послѣдняго непроницаемое и неизслѣдимое. Онъ утверждаетъ, что данное въ идеѣ содержаніе, поколику она въ духѣ, не можетъ существовать внѣ духа; но это положеніе остается совершенно произвольнымъ, такъ какъ полная отрѣшенность идеи отъ духа и ея, какъ сказано, неизслѣдимость не даютъ намъ права утверждать такое необходимое сродство ея содержанія *только* съ духомъ, которое рѣшительно препятствовало бы этому содер-

жанію находиться гдѣ либо и внѣ духа. Но если, съ одной стороны, отрицаніе отвлеченнаго мышленія дѣлаетъ для насъ невозможнымъ опредѣленіе метафизическаго значенія акта воспріятія идей, то затѣмъ въ ученіи Беркли о духѣ отвлеченности, изгоняемыя изъ области матеріальнаго міра, подносятся намъ полными горстями. *Идеи* о духѣ мы не имѣемъ; какимъ органомъ познаемъ мы духъ, остается неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ не посредствомъ ощущеній, стало быть, какимъ-то непосредственнымъ и вмѣстѣ сверхчувственнымъ путемъ; такимъ же путемъ, очевидно, познаемъ мы *причинность* и *субстанціальность*, ибо для нихъ также нѣтъ мѣста среди идей. Что это все такое, какъ не отвлеченности? Правда, Беркли могъ бы намъ возразить, что онъ отрицаетъ только *отвлеченныя идеи*, здѣсь же идетъ рѣчь уже не объ идеяхъ. Но это возраженіе было бы, очевидно, игрою въ слова, ибо ничто не препятствуетъ отвлеченную мысль объ идеѣ уже не называть болѣе идеею и такимъ образомъ возстановить всѣ такъ называемыя отвлеченныя идеи подъ другимъ названіемъ. Какъ бы то ни было, ясно, что положенія Беркли о духѣ, субстанціальности и причинности, поскольку они проистекаютъ не изъ чувственнаго источника, весьма родственны тѣмъ прирожденнымъ началамъ, которыя находитъ въ душѣ Ридъ. Послѣдній только поступаетъ послѣдовательнѣе, такъ какъ, признавъ, что понятія причинности и субстанціальности прирождены душѣ, онъ не находитъ, и совершенно правильно, основанія не распространять ихъ и на матеріальный міръ.

Нужно имѣть въ виду, что Беркли наноситъ

ударъ собственному своему эмпиризму не только въ примѣненіи къ духу и его субстанціальности и причинности, но отчасти и въ примѣненіи къ матеріальному міру. Первичныя качества онъ считаетъ такими же идеями духа, какъ и вторичныя. Но происхожденіе *пространства* онъ объясняетъ такъ, что оно, собственно говоря, не можетъ считаться идеею въ его смыслѣ слова. Пространство по Беркли возникаетъ въ насъ вслѣдствіе необходимости *согласовать наши зрительныя и осязательныя ощущенія*, слѣдовательно, какъ нѣчто происходящее не изъ ощущеній, а лишь *по поводу* ихъ, и, очевидно, происходящее дѣйствіемъ духа, такъ какъ иной производящей силы нѣтъ. Здѣсь намъ открывается уже предположеніе, родственное ученію Канта (1724—1804) *. Затѣмъ, по мѣрѣ изложенія своихъ взглядовъ Беркли все болѣе и болѣе чувствуетъ узкость тѣхъ границъ, въ которыя втѣсняется дѣятельность познанія его теоріею идей; и въ концѣ своего трактата, во второмъ его изданіи, прямо заявляетъ, что, кромѣ идей, есть еще *понятія*. Онъ не разъясняетъ ближе, что такое понятіе, но, очевидно, въ этомъ органѣ познанія опять-таки должна проявляться не пассивность чувственности, а производящая сила духа, т. е. мы находимъ тутъ также переходъ къ Канту.

Когда вышла въ свѣтъ „Критика чистаго разума“

* Новый эмпиризмъ считаетъ ученіе Беркли о пространствѣ родственнымъ ассоціаціонной теоріи происхожденія пространства. Но нужно имѣть въ виду, что ассоціація предполагаетъ одно изъ двухъ: или взаимодѣйствіе ощущеній (идей), или дѣятельную силу связующаго ихъ ума. Беркли можетъ говорить лишь о послѣдней, такъ какъ для него идея совершенно пассивна; а это мнѣніе уже ближе къ Канту, чѣмъ къ эмпиризму.

Канта, то нѣкоторыми изъ рецензентовъ этого сочиненія было указано на сродство излагаемыхъ въ немъ взглядовъ съ ученіемъ Беркли. Самъ Кантъ возражалъ противъ этого сужденія въ своемъ (прибавленномъ во 2-мъ изданіи „Критики") „Опроверженіи идеализма". По Канту идеализмъ Беркли (называемый имъ „догматическимъ") признаетъ вещи въ пространствѣ за произведенія нашей фантазіи, между тѣмъ какъ его, Канта, ученіе утверждаетъ, что мы имѣемъ *опытъ* о внѣшнихъ вещахъ, а не простыя фантазіи. Но въ данномъ случаѣ Кантъ, очевидно, несправедливъ къ Беркли, такъ какъ послѣдній ясно различаетъ фантазію отъ опыта и *опытную* реальность внѣшнихъ вещей оставляетъ столь же незыблемою, какъ и Кантъ. Нисколько не въ ущербъ репутаціи Канта я полагаю, что сродство съ нимъ Беркли гораздо ближе, чѣмъ то признаетъ кенигсбергскій мыслитель, и что во многихъ отношеніяхъ Беркли можетъ быть названъ недоразвившимся Кантомъ. Рѣзкій дуализмъ *чувственности* и *ума* вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ томъ, что эта отдѣльная и непроницаемая для ума чувственность находится въ умѣ; взглядъ на пространство, какъ на представленіе, возникающее въ умѣ *по поводу* чувственности; намекъ на понятіе, какъ на особый, отличный отъ представленія (идеи), органъ познанія,—все это чисто-кантовскія черты ученія Беркли, хотя данныя еще въ зачаточномъ видѣ. И потому я нахожу возможнымъ вполнѣ присоединиться къ слѣдующему мнѣнію Куно Фишера: „оно (ученіе Беркли) есть въ нѣмецкой философіи со времени Канта продолжающій вліять въ ней элементъ" (Francis Bacon

und seine Nachfolger. 2-е изданіе 1875 г., стр. 701). Въ качествѣ такого элемента оно подлежитъ критикѣ, имѣющей предметомъ всю нѣмецкую философію, возникшую на почвѣ ученія Канта, критикѣ, вмѣстѣ и оправдывающей, и отрицающей и Беркли, и Канта, какъ необходимыя историческія предыдущія своихъ послѣдующихъ. И въ общемъ результатѣ этой критики оказывается еще одно сходство Беркли и Канта. Оба они достигли обратнаго тому, чего желали: Беркли желалъ ниспровергнуть скептицизмъ и между тѣмъ послужилъ ему, Кантъ желалъ ниспровергнуть сверхъопытное употребленіе познанія и между тѣмъ послужилъ ему. Оба они отдали такимъ образомъ дань той ограниченности человѣческой природы, отъ которой не свободны и величайшіе человѣческіе умы.

Редакція настоящаго перевода исполнена по тексту, который напечатанъ въ полномъ собраніи сочиненій Беркли, изданному Фрезеромъ подъ заглавіемъ: „The works of George Berkeley, D. D., formerly Bishop of Cloyne; including many of his writings hitherto unpublished. With prefaces, annotations, his life and letters, and an account of his philosophy, by Alexander Campbell Fraser, M. A., professor of logic and metaphysics in the university of Edinburg“. In four volumes. Oxford 1871. Предлагаемый нынѣ трактатъ Беркли помѣщенъ въ первомъ томѣ стр. 113—238. Этотъ трактатъ, какъ сказано, былъ изданъ въ 1710 году подъ заглавіемъ: „A treatise concerning the principles of human understanding. Part. I. Wherein the chief causes of error and difficulty in the sciences, with the ground of scepticism, atheism, and irreligion, are inqui-

red into". Изъ заглавія видно, что авторъ имѣлъ въ виду изданіе и второй части трактата. Это предположеніе осталось невыполненнымъ.

Второе изданіе при жизни автора послѣдовало въ 1734 г. и въ немъ на заглавномъ листѣ опущено указаніе на первую часть (хотя оно сохранено въ текстѣ). Опущено оно и въ заглавіи настоящаго перевода. Такъ какъ второе изданіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнено сравнительно съ первымъ самимъ Беркли, то для удобства сравненія въ переводѣ эти измѣненія вездѣ указаны.

Главною заботою при исполненіи какъ перевода, такъ и редакціи его была передача текста оригинала настолько близко къ подлиннику, насколько то позволяютъ особенности русскаго языка сравнительно съ англійскимъ, хотя бы даже въ ущербъ изяществу и гладкости изложенія. Лишь при такомъ условіи читатель, не владѣющій языкомъ оригинала, можетъ пользоваться переводомъ не только для бѣглаго прочтенія, но и для ближайшаго изученія предмета. Написанный популярно, какъ большая часть англійскихъ философскихъ сочиненій, трактатъ Беркли не представляетъ, впрочемъ, особыхъ затрудненій для переводчика. Лишь два часто встрѣчающихся въ трактатѣ термина могутъ, при переводѣ, привести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Слово „mind" авторъ употребляетъ такъ, что мѣстами приходилось его переводить словомъ „духъ", мѣстами же—словомъ „умъ". Другое затрудненіе представляетъ слово „senses". Редакція затруднилась переводить его словами „чувства" или „чувственность", первое потому, что слово „чувства" выражаетъ собою не познавательныя, а

эмоціональныя состоянія, второе—потому, что „чувственность“ обнимаетъ и дѣятельность рефлексіи (самонаблюденія), а слово „senses“ употребляется авторомъ исключительно въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ знанія. Поэтому терминъ „senses“ вездѣ переводился словомъ „ощущенія“, что иногда вызывало необходимость, при точномъ сохраненіи мысли автора, измѣнять буквальный строй выражающей ее фразы.

Посвященіе

Высокородному Томасу, графу Пемброку * и пр., кавалеру благороднѣйшаго ордена Подвязки и одному изъ членовъ высокопочтеннаго тайнаго совѣта ея величества.

Милордъ.

Вы, быть можетъ, удивитесь тому, что неизвѣстное лицо, которое не имѣетъ чести быть знакомымъ вашему лордству, беретъ на себя смѣлость обратиться къ вамъ такимъ образомъ. Но что человѣкъ, написавшій нѣчто съ намѣреніемъ подвинуть впередъ полезное знаніе и религію, избираетъ ваше лордство своимъ покровителемъ, не покажется страннымъ никому, кому не неизвѣстно современное положеніе церкви и науки, а слѣдовательно и то, какимъ великимъ украшеніемъ и опорою вы являетесь той и другой. Но ничто не могло бы побудить меня представить вамъ этотъ плодъ моихъ слабыхъ усилій, еслибы я не былъ ободренъ къ тому тою прямотою и тою природною добротою, которыя составляютъ столь блестящую сторону въ характерѣ ва-

* Томасъ Гербертъ, графъ Пемброкъ и Монтгомери, род. въ 1656, ум. въ 1733, въ 1707 г. былъ назначенъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи. Онъ былъ другомъ Локка, который посвятилъ ему свое главное сочиненіе.

шего лордства. Я могу прибавить, милордъ, что чрезвычайная милость и благосклонность, которую вамъ угодно обнаружить къ нашему обществу *, позволяютъ мнѣ надѣяться, что вамъ не будетъ нежелательно поддержать занятія одного изъ его сочленовъ. Эти соображенія побуждаютъ меня повергнуть настоящій трактатъ къ стопамъ вашего лордства, тѣмъ болѣе, что я полагаю свое честолюбіе въ доведеніи до вашего свѣдѣнія, что въ виду той учености и той добродѣтели, которымъ свѣтъ столь справедливо удивляется въ вашемъ лордствѣ, я пребываю съ истиннымъ и глубочайшимъ уваженіемъ,

милордъ,

вашего лордства покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою,

Джорджъ Беркли.

---

* Коллегія Троицы въ Дублинѣ.

Предисловіе автора

То, что я теперь выпускаю въ свѣтъ, послѣ долгаго и тщательнаго изслѣдованія, представляется мнѣ очевидно истиннымъ и небезполезнымъ для познанія—въ особенности тѣмъ, кто зараженъ скептицизмомъ или испытываетъ отсутствіе доказательства существованія и нематеріальности Бога, равно какъ природнаго безсмертія души. Правъ ли я или нѣтъ, въ этомъ я полагаюсь на безпристрастную оцѣнку читателя; ибо я не считаю себя самого заинтересованнымъ въ успѣхѣ написаннаго мною въ большей степени, чѣмъ то согласно съ истиною. Но, дабы она не пострадала, я считаю нужнымъ просить читателя воздержаться отъ сужденія до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ вполнѣ чтенія всей книги съ тою мѣрою вниманія и размышленія, какихъ, повидимому, заслуживаетъ его предметъ. Ибо хотя въ ней есть нѣкоторыя мѣста, сами по себѣ весьма способныя (этому пособить нельзя) породить большія недоразумѣнія и показаться приводящими къ нелѣпѣйшимъ выводамъ, которые однако при полномъ прочтеніи окажутся невытекающими изъ посылокъ, также точно, хотя бы чтеніе и было вполнѣ доведено до конца, при бѣглости его все же весьма вѣроятно, что смыслъ сказаннаго мною можетъ быть не понятъ;

но я льщу себя надеждою, что для мыслящаго читателя онъ окажется совершенно яснымъ и понятнымъ. Что же касается характера новизны и оригинальности, который, какъ можетъ показаться, свойственъ нѣкоторымъ изъ нижеизложенныхъ понятій, то я надѣюсь, что какая либо апологія въ этомъ отношеніи будетъ съ моей стороны излишня. Несомнѣнно, что весьма слабъ, или весьма мало знакомъ съ науками тотъ, кто отринетъ истину, допускающую доказательство, лишь потому, что она появилась заново или противорѣчитъ человѣческимъ предразсудкамъ. Вотъ все, что я считаю нужнымъ сказать заранѣе, дабы предупредить, если возможно, скороспѣлыя порицанія со стороны того сорта людей, который слишкомъ склоненъ осуждать то или иное мнѣніе прежде, чѣмъ правильно его пойметъ.

Введеніе автора

1. Такъ какъ философія есть не что иное, какъ стремленіе къ мудрости и истинѣ, то можно бы было ожидать по разумнымъ основаніямъ, что тѣ, которые посвятили ей всего болѣе времени и труда, должны наслаждаться бо̀льшими спокойствіемъ духа и веселостью, большею ясностью и очевидностью знанія и менѣе терзаться сомнѣніями и затрудненіями, чѣмъ прочіе люди. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что невѣжественная масса людей, которая слѣдуетъ по широкой тропѣ обычнаго здраваго смысла и руководствуется велѣніями природы, по большей части бываетъ довольна и спокойна. Ничто обыденное не представляется ей необъяснимымъ или труднымъ для пониманія. Она не жалуется на недостатокъ очевидности своихъ ощущеній и находится внѣ опасности впасть въ скептицизмъ. Но какъ только мы уклонимся отъ руководства ощущеній и инстинкта, чтобы слѣдовать высшему началу—разуму, размышленію, разсужденію о природѣ вещей, въ нашихъ умахъ немедленно возникаютъ тысячи сомнѣній относительно тѣхъ вещей, которыя ранѣе казались намъ вполнѣ понятными. Предразсудки и обманы ощущеній обнаруживаются со всѣхъ сторонъ передъ нашимъ взоромъ, и, пытаясь исправить ихъ при по-

мощи разума, мы незамѣтно запутываемся въ странныхъ парадоксахъ, затрудненіяхъ и противорѣчіяхъ, которые умножаются и растутъ по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся далѣе въ умозрѣніи, пока мы наконецъ, послѣ скитанія по множеству запутанныхъ лабиринтовъ, не находимъ себя снова тамъ же, гдѣ мы были ранѣе, или, что еще хуже, не погрузимся въ безвыходный скептицизмъ.

2. Полагаютъ, что причины сказаннаго заключаются въ темнотѣ предмета или въ естественныхъ слабости и несовершенствѣ нашего ума. Говорятъ, что наши способности ограничены и самою природою предназначены служить для сохраненія жизни и наслажденія ею, а не для изслѣдованія внутренней сущности и строенія вещей. Притомъ, такъ какъ человѣческій разумъ конеченъ, то не удивляются тому, что, трактуя о вещахъ, причастныхъ безконечности, онъ впадаетъ въ невѣрности и противорѣчія, изъ которыхъ ему невозможно высвободить себя, ибо безконечное по самой природѣ не можетъ быть постигнуто тѣмъ, что конечно.

3. Однако мы, можетъ быть, слишкомъ пристрастны къ самимъ себѣ, относя погрѣшности къ нашимъ способностямъ, а не къ неправильному ихъ употребленію. Трудно предположить, чтобы правильные выводы изъ истинныхъ началъ могли когда либо привести къ слѣдствіямъ, которыхъ нельзя поддержать или привести къ взаимному согласію. Мы должны вѣровать, что Богъ относится къ сынамъ человѣческимъ настолько благостно, чтобы не внушать имъ сильнаго стремленія къ такому знанію, которое Онъ сдѣлалъ для нихъ совершенно недости-

жимымъ. Это не согласовалось бы съ обычными милостивыми путями Провидѣнія, Которое, коль скоро Оно поселило въ своихъ созданіяхъ извѣстныя склонности, всегда снабжаетъ ихъ такими средствами, какія, при правильномъ употребленіи, не могутъ не удовлетворить этихъ склонностей. Короче, я склоненъ думать, что не въ примѣръ большею частью, если не всѣми тѣми затрудненіями, которыя до сихъ поръ занимали философовъ и заграждали путь къ познанію, мы всецѣло обязаны самимъ себѣ, что мы сначала подняли облако пыли, а затѣмъ жалуемся на то, что оно мѣшаетъ намъ видѣть.

4. Я намѣренъ поэтому попытаться, не могу ли я открыть тѣ начала, которыя были причиною этихъ сомнительности, невѣрности, нелѣпостей и противорѣчій въ различныхъ школахъ философіи въ такой мѣрѣ, что самые мудрые люди сочли наше невѣдѣніе неисцѣлимымъ, полагая, что оно зависитъ отъ естественной слабости и ограниченности нашихъ способностей. И, конечно, можетъ считаться дѣломъ, вполнѣ стоющимъ нашихъ трудовъ, произвести полное изслѣдованіе относительно первыхъ началъ *человѣческаго знанія*, изучить и разсмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ, главнымъ образомъ потому, что есть нѣкоторыя основанія подозрѣвать, что тѣ препятствія и затрудненія, которыя задерживаютъ и отягощаютъ духъ въ его поискахъ за истиной, проистекаютъ не отъ темноты или запутанности предметовъ или отъ природнаго недостатка ума, а скорѣе отъ ложныхъ началъ, на которыхъ люди настаиваютъ и которыхъ можно бы было избѣгнуть.

5. Какою бы затруднительною и безнадежною ни

могла казаться эта попытка, если сообразить, сколько великихъ и необыкновенныхъ людей предшествовало мнѣ въ томъ же намѣреніи, я всетаки не лишенъ нѣкоторой надежды, основываясь на томъ соображеніи, что самые широкіе виды не всегда бываютъ самыми ясными, и что тотъ, кто близорукъ, принужденъ разсматривать предметы ближе и въ состояніи, можетъ быть, при близкомъ и тѣсномъ изслѣдованіи различить то, что ускользало отъ лучшихъ глазъ.

6. Чтобы приготовить умъ читателя къ лучшему пониманію того, что будетъ слѣдовать, умѣстно предпослать нѣчто путемъ введенія относительно природы рѣчи и злоупотребленія ею. Но этотъ предметъ неминуемо заставляетъ меня до извѣстной степени предвосхитить мою цѣль, упомянувъ о томъ, что, повидимому, главнымъ образомъ сдѣлало умозрѣніе труднымъ и запутаннымъ и породило безчисленныя заблужденія и затрудненія почти во всѣхъ частяхъ науки. Это есть мнѣніе, будто умъ обладаетъ способностью образовать *отвлеченныя идеи* или понятія о вещахъ. Тотъ, кому не вполнѣ чужды писанія и споры философовъ, долженъ допустить, что немалая часть ихъ касается отвлеченныхъ идей. Спеціально предполагается, что онѣ составляютъ предметъ тѣхъ наукъ, которыя называются логикою и метафизикою, и вообще тѣхъ наукъ, которыя считаются самыми отвлеченными и возвышенными отраслями знанія. Едва ли найдется въ нихъ какой нибудь вопросъ, трактуемый такимъ способомъ, который не предполагалъ бы, что отвлеченныя идеи существуютъ въ умѣ, и что онъ съ ними хорошо знакомъ.

7. Всѣми признано, что качества или состоянія

вещей въ дѣйствительности никогда не существуютъ порознь каждое само по себѣ, особо и въ отдѣльности отъ всѣхъ прочихъ, но что они всегда соединены, какъ бы смѣшаны между собою по нѣскольку въ одномъ и томъ же предметѣ.) Но, говорятъ намъ, такъ какъ умъ способенъ разсматривать каждое качество въ отдѣльности или отвлекая его отъ тѣхъ прочихъ качествъ, съ которыми оно соединено, то тѣмъ самымъ онъ образуетъ отвлеченныя идеи.) Напр., зрѣніемъ воспринимается предметъ протяженный, окрашенный и движущійся; разлагая эту смѣшанную или сложную идею на ея простыя составныя части и разсматривая каждую саму по себѣ, съ устраненіемъ остальныхъ, умъ образуетъ отвлеченныя идеи протяженности, цвѣта и движенія. Не въ томъ дѣло, чтобы было возможно для цвѣта или движенія существовать безъ протяженія; но умъ можетъ образовать для себя посредствомъ *отвлеченія* идею цвѣта съ устраненіемъ протяженія и идею движенія съ устраненіемъ какъ цвѣта, такъ и протяженія.

8. Далѣе, такъ какъ умъ наблюдаетъ, что въ отдѣльныхъ протяженіяхъ, воспринятыхъ чрезъ ощущеніе, есть нѣчто общее и сходное во всѣхъ и нѣчто другое частное, напр., та или иная фигура или величина, отличающаяся одна отъ другой, то онъ отдѣльно разсматриваетъ или выдѣляетъ само по себѣ то, что обще, образуя тѣмъ самымъ наиболѣе отвлеченную идею протяженія, которое не есть ни линія, ни поверхность, ни тѣло, не имѣетъ никакой фигуры ниже величины, но есть идея, совершенно отрѣшенная отъ всего этого. Точно также, отбросивъ отъ отдѣльныхъ, воспринятыхъ въ ощущеніяхъ, цвѣтовъ

то, что отличаетъ ихъ одинъ отъ другого, и, сохранивъ лишь то, что обще всѣмъ имъ, умъ образуетъ отвлеченную идею цвѣта, который ни красенъ, ни синь, ни бѣлъ, и вообще не есть какой либо опредѣленный цвѣтъ. И равнымъ образомъ, черезъ разсмотрѣніе движенія отвлеченно не только отъ движущагося тѣла, но и отъ описываемаго имъ пути и отъ всѣхъ частныхъ направленій и скоростей, образуется отвлеченная идея движенія, соотвѣтствующая одинаково всѣмъ частнымъ движеніямъ, какія только могутъ быть воспринимаемы въ ощущеніяхъ.

9. И подобно тому, какъ умъ образуетъ для самого себя отвлеченныя идеи качествъ или состояній, онъ достигаетъ, чрезъ такое же разобщеніе или мысленное раздѣленіе, до отвлеченныхъ идей болѣе сложныхъ вещей, содержащихъ въ себѣ различныя сосуществующія качества. Напримѣръ, наблюдая, что Петръ, Яковъ и Иванъ сходны между собою въ извѣстныхъ общихъ свойствахъ фигуры и другихъ качествахъ, умъ исключаетъ изъ сложной или составной идеи, которую онъ имѣетъ о Петрѣ, Яковѣ и какомъ либо иномъ частномъ человѣкѣ, все то, что свойственно каждому изъ нихъ, сохраняя лишь то, что обще всѣмъ, и такимъ путемъ образуетъ отвлеченную идею, которая одинаково присуща всѣмъ частнымъ, совершенно отвлекая и отсѣкая всѣ тѣ обстоятельства и различія, которыя могутъ опредѣлить ее къ нѣкоторому отдѣльному существованію. И такимъ-то образомъ, говорятъ, достигаемъ мы отвлеченной идеи человѣка или, если угодно, человѣчества и человѣческой природы, въ которой, правда, содержится цвѣтъ, такъ какъ нѣтъ человѣка, лишен-

наго цвѣта, но этотъ цвѣтъ не можетъ быть ни бѣлымъ, ни чернымъ, ни вообще какимъ либо частнымъ цвѣтомъ, потому что нѣтъ такого частнаго цвѣта, который принадлежалъ бы всѣмъ людямъ. Точно также въ ней содержится ростъ, но это не есть ни большой, ни среднiй, ни маленькiй ростъ, а нѣчто отъ всего этого отвлеченное. И то же вѣрно относительно прочаго. Болѣе того,—такъ какъ существуетъ большое разнообразiе другихъ созданiй, соотвѣтствующихъ сложной идеѣ *человѣка* въ нѣкоторыхъ, но не во всѣхъ частяхъ, то умъ, отбрасывая всѣ тѣ части, которыя свойственны только человѣку, и удерживая лишь тѣ, которыя общи всѣмъ живымъ существамъ, образуетъ идею *животнаго*, которая отвлечена не только отъ всѣхъ единичныхъ людей, но и отъ всѣхъ птицъ, четвероногихъ, рыбъ и насѣкомыхъ. Составныя части отвлеченной идеи животнаго суть тѣло, жизнь, ощущенiе и произвольное движенiе. Подъ тѣломъ подразумѣвается тѣло безъ опредѣленнаго образа или фигуры, такъ какъ нѣтъ общихъ всѣмъ животнымъ образа или фигуры, не покрытое ни волосами, ни перьями, ни чешуями и т. п., но и не голое, потому что волоса, перья, чешуи, голая кожа составляютъ отличительныя свойства частныхъ животныхъ и поэтому исключаются изъ *отвлеченной* идеи. По той же причинѣ произвольное движенiе не должно быть ни ходьбой, ни летанiемъ, ни ползанiемъ; оно тѣмъ не менѣе есть движенiе—но какое именно, это не легко понять.

10. Обладаютъ ли другiе люди такою чудесною способностью образовать отвлеченныя идеи, о томъ они сами могутъ всего лучше сказать: что до меня

касается, то я долженъ сознаться, что (не имѣю ея) *. Я, дѣйствительно, нахожу въ себѣ способность воображать или представлять себѣ идеи единичныхъ, воспринятыхъ мною, вещей и разнообразно сочетать и дѣлить ихъ. Я могу вообразить человѣка съ двумя головами или верхнія части человѣка, соединенныя съ тѣломъ лошади. Я могу разсматривать руку, глазъ, носъ сами по себѣ отвлеченно или отдѣльно отъ прочихъ частей тѣла. Но какіе бы руку или глазъ я ни воображалъ, они должны имѣть нѣкоторые опредѣленные образъ и цвѣтъ. Равнымъ образомъ идея человѣка, которую я составляю, должна быть идеею бѣлаго, или чернаго, или краснокожаго, прямого или сгорбленнаго, высокаго, низкаго или средняго роста человѣка. Я не въ состояніи какимъ бы то ни было усиліемъ мысли образовать вышеописанную отвлеченную идею. Точно также для меня невозможно составить отвлеченную идею движенія, отличную отъ движущагося тѣла,—движенія, которое ни быстро, ни медленно, ни криволинейно, ни прямолинейно; и то же самое можетъ быть сказано о всѣхъ прочихъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ идеяхъ. Чтобы быть яснымъ, скажу, что я сознаю себя способнымъ къ отвлеченію въ одномъ смыслѣ, а именно, когда я разсматриваю нѣкоторыя отдѣльныя части или качества особо отъ другихъ, съ которыми они, правда, соединены въ какомъ либо предметѣ, но безъ которыхъ они могутъ въ дѣйствительности существовать. Но я отрицаю, чтобы я могъ отвлекать одно отъ другого такія качества, которыя

* Исключено во 2-мъ изданіи.

не могутъ существовать въ такой отдѣльности, или чтобы я могъ образовать общее понятіе, отвлекая его отъ частныхъ вышеуказаннымъ способомъ — что именно составляетъ два собственныхъ значенія *отвлеченія.* И есть основаніе думать, что большинство людей согласится, что оно находится въ одинаковомъ положеніи со мною. Простая и неученая масса людей никогда не притязаетъ на отвлеченныя понятія. Говорятъ, что они трудны и не могутъ быть достигнуты безъ усилія и изученія; отсюда можемъ разумно заключить, что если они существуютъ, то ихъ можно найти только у ученыхъ.

11. Теперь я приступлю къ изслѣдованію того, что можетъ быть приведено въ защиту ученія объ отвлеченіи, и постараюсь обнаружить, что именно побуждаетъ людей умозрѣнія принимать мнѣніе, столь, повидимому, чуждое обычному здравому смыслу. Одинъ покойный (превосходный *, справедливо высокоцѣнимый философъ **, безъ сомнѣнія, придалъ много силы этому мнѣнію, такъ какъ онъ, повидимому, полагалъ, будто обладаніе отвлеченными общими идеями составляетъ именно главнѣйшее отличіе въ отношеніи ума между человѣкомъ и животнымъ. „Обладаніе общими идеями“, говоритъ онъ, „есть то, что составляетъ совершенное различіе между человѣкомъ и животными, и представляетъ собою преимущество, никоимъ образомъ не достижимое для способностей послѣднихъ. Ибо очевидно, что мы не находимъ у нихъ слѣдовъ употребленія общихъ знаковъ для всеобщихъ

* Исключено во 2-мъ изданіи.

** *Джонъ Локкъ.*

идей, изъ чего мы имѣемъ основаніе заключить, что они не обладаютъ способностью отвлеченія или образованія общихъ идей, такъ какъ не употребляютъ словъ или какихъ либо другихъ общихъ знаковъ". И нѣсколько далѣе: „Вслѣдствіе сего, я полагаю, мы можемъ предположить, что именно въ этомъ виды животныхъ отличаются отъ людей, и что собственно это отличіе совершенно разобщаетъ ихъ и отдаляетъ ихъ наконецъ на такое широкое разстояніе. Ибо, если животныя имѣютъ вообще какія либо идеи и не суть, какъ нѣкоторые предполагаютъ *, просто машины, то мы не можемъ отрицать того, что они обладаютъ извѣстною степенью разумности. Мнѣ кажется столь же очевиднымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ разсуждаютъ такъ, какъ бы они обладали ощущеніями, но лишь посредствомъ частныхъ идей, именно тѣхъ, какія они получаютъ черезъ ощущенія. Даже высшія изъ нихъ остаются заключенными въ этихъ тѣсныхъ границахъ и не имѣютъ, какъ я думаю, способности расширять ихъ посредствомъ извѣстнаго рода отвлеченія" (*Опытъ о человѣческомъ умѣ*, II, глава II, §§ 10 и 11). Я вполнѣ согласенъ съ этимъ ученымъ писателемъ въ томъ, что отвлеченіе совершенно недоступно для способностей животныхъ. Но если въ этомъ полагается отличительное свойство сказаннаго рода одушевленныхъ созданій, то я опасаюсь, что многіе изъ тѣхъ, кто слыветъ людьми, должны быть отнесены къ тому же роду. Причина, указанная здѣсь, по которой мы не имѣемъ основанія думать, что жи-

* *Декартъ* и его послѣдователи.

вотныя обладаютъ отвлеченными общими идеями, заключается въ томъ, что мы не наблюдаемъ у нихъ употребленія словъ или другихъ общихъ знаковъ; мы исходимъ при этомъ изъ предположенія, будто употребленіе словъ подразумѣваетъ обладаніе общими идеями. Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что люди, употребляющіе языкъ, способны отвлекать или обобщать свои идеи. Что таковъ смыслъ сказаннаго и доказываемаго авторомъ, явствуетъ далѣе изъ его отвѣта на вопросъ, который ставится имъ въ другомъ мѣстѣ: „Такъ какъ всѣ существующія вещи частны, то какимъ образомъ доходимъ мы до терминовъ?“ Онъ отвѣчаетъ такъ: „Слова становятся общими, обращаясь въ знаки общихъ идей“ (Оп., кн. III, гл. III, § 6). Съ этимъ я не могу согласиться, будучи того мнѣнія *, что слово становится общимъ, становясь знакомъ не отвлеченной общей идеи, а многихъ частныхъ идей, любую изъ которыхъ оно безразлично вызываетъ въ нашемъ умѣ. Если говорится, напримѣръ: измѣненіе движенія пропорціонально приложенной силѣ; или: все протяженное дѣлимо, то подъ этими предложеніями должны быть подразумѣваемы движеніе и протяженіе вообще; и однако отсюда не слѣдуетъ, что они возбудятъ въ моихъ мысляхъ идею движенія безъ движущагося тѣла или безъ опредѣленныхъ направленія и скорости, или что я долженъ составить отвлеченную общую идею протяженія, которое не есть ни линія, ни поверхность, ни тѣло, ни велико и ни мало, ни черно, ни красно, ни бѣло, ни дру-

* Во 2-мъ изданіи вмѣсто этой фразы: „Но кажется“.

гого какого либо опредѣленнаго цвѣта. Предполагается лишь, что какое бы частное движеніе ни разсматривалось мною, будетъ ли оно быстрое или медленное, отвѣсное, горизонтальное или наклонное, того или иного предмета, относящаяся къ нему аксіома останется одинаково истинною. Точно то же справедливо о каждомъ частномъ протяженіи безъ всякаго различія, будетъ ли оно линіей, поверхностью или тѣломъ, той или иной величины или фигуры.

12. Наблюдая, какимъ путемъ идеи становятся общими, мы всего лучше можемъ судить о томъ, какимъ образомъ становятся такими же слова. Здѣсь должно замѣтить, что я отрицаю абсолютно существованіе не общихъ идей, а лишь *отвлеченныхъ общихъ идей*, ибо въ приведенныхъ нами мѣстахъ, гдѣ упоминаются общія идеи, вездѣ предполагается, что онѣ образованы посредствомъ отвлеченія, способомъ, указаннымъ въ отд. 8 и 9. Между тѣмъ, если мы хотимъ связать съ нашими словами нѣкоторый смыслъ и говорить лишь о томъ, что мы можемъ мыслить, то мы должны, полагаю я, признать, что извѣстная идея, будучи сама по себѣ частною, становится общею, когда она представляетъ или замѣняетъ всѣ другія частныя идеи того же рода. Чтобы пояснить это примѣромъ, предположимъ, что геометръ показываетъ способъ раздѣленія линіи на двѣ равныя части. Онъ чертитъ, напримѣръ, черную линію длиною въ дюймъ; эта линія, будучи сама по себѣ частною линіею, тѣмъ не менѣе обща въ отношеніи ея значенія, какъ она тутъ употребляется, потому что она

представляетъ собою всѣ какія бы то ни было частныя линіи; такъ что то, что доказано о ней, доказано о всѣхъ линіяхъ или, другими словами, о линіи вообще. И какъ эта частная *линія* становится общею, употребляясь въ качествѣ знака, такъ и *названіе „линія“*, будучи само по себѣ частнымъ, сдѣлалось общимъ черезъ употребленіе его, какъ знака. И какъ первая идея обязана своей общностью не тому, что она служитъ знакомъ отвлеченной или общей линіи, а тому, что она есть знакъ для всѣхъ частныхъ прямыхъ линій, которыя только могутъ существовать; также должно мыслить, что и общность послѣдняго произошла отъ той же самой причины, именно отъ разнообразныхъ частныхъ линій, которыя онъ безразлично обозначаетъ.

13. Чтобы сообщить читателю еще болѣе ясный взглядъ на природу отвлеченныхъ идей и на то употребленіе, ради котораго онѣ считаются необходимыми, я приведу еще слѣдующее мѣсто изъ *Опыта о человѣческомъ умѣ*: „Отвлеченныя идеи не такъ явны и легки для дѣтей и для умовъ, еще не упражнявшихся, какъ частныя. Если первыя кажутся таковыми зрѣлымъ людямъ, то лишь потому, что онѣ стали такими черезъ постоянное и обычное употребленіе. Ибо, разсуждая о нихъ точно, мы найдемъ, что общія идеи суть фикціи и изобрѣтенія нашего ума, который ими затрудняется, и что онѣ обнаруживаются не такъ легко, какъ мы склонны думать. Развѣ, напримѣръ, не требуются нѣкоторый трудъ и искусство для образованія общей идеи треугольника (не принадлежащей однако къ числу самыхъ отвлеченныхъ, всеобъемлющихъ и затруднительныхъ)? Ибо

онъ долженъ быть ни косоугольнымъ, ни прямоугольнымъ, ни равностороннимъ, ни равнобедреннымъ, ни неравностороннимъ, но всякимъ и вмѣстѣ никакимъ изъ нихъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто неполное, не могущее существовать, идея, въ которой соединены нѣкоторыя части многихъ различныхъ и несогласующихся между собою идей. Правда, умъ въ своемъ теперешнемъ несовершенномъ состоянiи нуждается въ подобныхъ идеяхъ и усиливается образовать ихъ для удобства сообщенiя и расширенiя знанiй, имѣя къ тому и другому очень сильную и естественную склонность. Но тѣмъ не менѣе мы вправѣ предполагать, что такiя идеи служатъ признаками нашего несовершенства. По крайней мѣрѣ достаточно указать на то, что самыя отвлеченныя и самыя общiя идеи суть не такiя, съ которыми умъ раньше и легче всего знакомится, и не такiя, къ которымъ относятся его первыя познанiя" (т. IV, гл. 7, § 9). Если кто нибудь изъ людей обладаетъ способностью образовать въ своемъ умѣ идею треугольника, подобную той, какая здѣсь описана, то безполезно стараться спорить съ нимъ, и я не берусь за это. Мое желанiе ограничивается только тѣмъ, чтобы читатель вполнѣ очевидно убѣдился въ томъ, имѣетъ ли онъ такую идею или нѣтъ, а это, я полагаю, ни для кого не составитъ трудно разрѣшимой задачи. Что можетъ быть легче для каждаго, чѣмъ немного вникнуть въ свои собственныя мысли и затѣмъ испытать, можетъ ли онъ достигнуть до идеи, которая соотвѣтствовала бы данному здѣсь описанiю общей идеи треугольника, который ни косоуголенъ, ни прямоуголенъ, ни равностороненъ, ни равнобедрененъ, ни неравносторо-

ненъ, но который есть вмѣстѣ и всякій и никакой изъ нихъ.

14. Много здѣсь сказано о затрудненіяхъ, связанныхъ съ отвлеченными идеями, и о трудѣ и искусствѣ, потребныхъ для ихъ образованія. И всѣ согласны въ томъ, что требуются большія и работа, и напряженіе ума для того, чтобы освободить наши мысли отъ частныхъ предметовъ и вознести ихъ до тѣхъ высокихъ умозрѣній, которыя относятся къ отвлеченнымъ идеямъ. Естественный выводъ изъ всего этого, повидимому, тотъ, что столь трудное дѣло, какъ образованіе отвлеченныхъ идей, не необходимо для *сношенія* между людьми, которое столь легко и привычно для всѣхъ родовъ людей. Но намъ говорятъ, что, если оно кажется доступнымъ и легкимъ для взрослыхъ людей, то единственно потому, что оно стало такимъ вслѣдствіе обычнаго и постояннаго употребленія. Однако мнѣ очень хотѣлось бы знать, въ какую пору люди занимаются преодолѣніемъ этой трудности и снабженіемъ себя этими необходимыми пособіями словеснаго общенія. Это не можетъ происходить тогда, когда они уже взрослы, потому что въ это время они, повидимому, не сознаютъ такого усилія; такимъ образомъ остается предположить, что это составляетъ задачу ихъ дѣтства. И, конечно, большой и многократный трудъ образованія отвлеченныхъ понятій будетъ признанъ очень тяжелою задачею для нѣжнаго возраста. Развѣ не трудно представить себѣ, что двое дѣтей не могутъ поболтать между собою о своихъ сахарныхъ бобахъ, погремушкахъ и о прочихъ своихъ пустячкахъ, не разрѣшивъ предварительно безчисленнаго количества

противорѣчій, не образовавъ такимъ путемъ въ своихъ умахъ *отвлеченныхъ общихъ идей* и не связавъ ихъ съ каждымъ общимъ названіемъ, которое они должны употребить?

15. Я не думаю также, чтобы отвлеченныя идеи были болѣе нужны для *расширенія познанія*, чѣмъ для его сообщенія. Сколько мнѣ извѣстно, особенно настаиваютъ на томъ пунктѣ, что всякое познаніе и доказательство совершается надъ общими понятіями, съ чѣмъ я совершенно согласенъ; но при этомъ мнѣ кажется, что такія понятія образуются не черезъ отвлеченіе вышеуказаннымъ способомъ; *общность* состоитъ, насколько я могу понимать, не въ безусловной положительной природѣ или понятіи чего нибудь, а въ отношеніи, которое она вноситъ къ обозначаемымъ или представляемымъ ею частностямъ; вслѣдствіе чего вещи, названія или понятія, будучи *частными* по своей собственной природѣ, становятся *общими*. Такъ, когда я доказываю какое нибудь предложеніе, касающееся треугольниковъ, то предполагается, что я имѣю въ виду общую идею треугольника, что должно быть понимаемо не такъ, чтобы я могъ образовать идею треугольника, который не будетъ ни равностороннимъ, ни неравностороннимъ, ни равнобедреннымъ, но только такъ, что частный треугольникъ, который разсматривается мною, безразлично, будетъ ли онъ того или иного рода, одинаково замѣняетъ или представляетъ собою всѣ прямолинейные треугольники всякаго рода и въ этомъ смыслѣ общъ. Все это кажется очень яснымъ и не заключаетъ въ себѣ никакого затрудненія.

16. Но тутъ возникаетъ вопросъ, какимъ обра-

зомъ мы можемъ знать, что данное предложеніе истинно о всѣхъ частныхъ треугольникахъ, если мы не усмотрѣли его сначала доказаннымъ относительно отвлеченной идеи треугольника, одинаково относящейся ко всѣмъ треугольникамъ. Ибо изъ того, что была указана принадлежность нѣкотораго свойства такому-то частному треугольнику, вовсе не слѣдуетъ, что оно въ равной мѣрѣ принадлежитъ всякому другому треугольнику, который не во всѣхъ отношеніяхъ тожественъ съ первымъ. Если я доказалъ, напримѣръ, что три угла равнобедреннаго прямоугольнаго треугольника равны двумъ прямымъ угламъ, то я не могу отсюда заключить, что то же самое будетъ справедливо о всѣхъ прочихъ треугольникахъ, не имѣющихъ ни прямого угла, ни двухъ равныхъ сторонъ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что, для того, чтобы быть увѣренными въ общей истинности этого предложенія, мы должны либо приводить отдѣльное доказательство для каждаго частнаго треугольника, что невозможно, либо разъ навсегда доказать его для общей идеи треугольника, которой сопричастны безразлично всѣ частные треугольники и которая ихъ всѣ одинаково представляетъ. На это я отвѣчу, что хотя идея, которую я имѣю въ виду въ то время, какъ веду доказательство, есть, напримѣръ, идея равнобедреннаго прямоугольнаго треугольника, стороны котораго имѣютъ опредѣленную длину, я могу тѣмъ не менѣе быть увѣреннымъ въ томъ, что оно распространяется на всѣ прочіе прямолинейные треугольники, какой бы формы или величины они ни были, и именно потому, что ни прямой уголъ, ни равенство или опредѣленная длина двухъ сторонъ

не принимались вовсе въ соображеніе при доказательствѣ. Правда, что діаграмма, которую я имѣю въ виду, обладаетъ всѣми этими особенностями, но о нихъ совсѣмъ не упоминалось при доказательствѣ теоремы. Не было сказано, что три угла потому равны двумъ прямымъ, что одинъ изъ нихъ прямой, или потому, что стороны, его заключающія, равной длины; чѣмъ достаточно доказывается, что прямой уголъ могъ бы быть и косымъ, а стороны неравными, и тѣмъ не менѣе доказательство оставалось бы справедливымъ. Именно на этомъ основаніи я заключаю, что доказанное о данномъ прямоугольномъ равнобедренномъ треугольникѣ справедливо о каждомъ косоугольномъ и неравностороннемъ треугольникѣ, а не на томъ, что доказательство относится къ отвлеченной идеѣ треугольника *.

17. Было бы столь же неисполнимымъ, сколько и безполезнымъ дѣломъ слѣдить за схоластиками, этими великими мастерами отвлеченія, по всѣмъ разнообразнымъ запутаннымъ лабиринтамъ заблужденій и преній, въ которыя, повидимому, вовлекало ихъ ученіе объ отвлеченныхъ сущностяхъ и понятіяхъ. Сколько ссоръ и споровъ возникло изъ-за этихъ ве-

* Во 2-мъ изданіи прибавлено: „и здѣсь слѣдуетъ согласиться, что человѣкъ можетъ разсматривать фигуру только какъ треугольникъ, не обращая вниманія на особыя свойства угловъ или отношенія сторонъ. Постольку онъ способенъ къ отвлеченію; но это отнюдь не доказываетъ, чтобы онъ могъ образовать отвлеченную общую противорѣчивую идею треугольника. Такимъ-же образомъ мы можемъ разсматривать Петра, поскольку онъ только человѣкъ или только животное, не образуя вышеупомянутой отвлеченной идеи человѣка или животнаго, такъ какъ не все воспринятое принимается въ соображеніе“.

щей, и сколько ученой пыли поднято, равнымъ образомъ какую пользу извлекло изъ всего этого человѣчество, слишкомъ хорошо извѣстно теперь, чтобы предстояла надобность о томъ распространяться. И было бы хорошо еще, еслибы вредныя послѣдствія этого ученія ограничивались только тѣми, кто съ наибольшею силою признавалъ себя его послѣдователями. Если люди взвѣсятъ тѣ великіе трудъ, прилежаніе и способности, которые употреблены въ теченіе столькихъ лѣтъ на разработку и развитіе наукъ, и сообразятъ, что, несмотря на это, значительная, бо́льшая часть наукъ остается исполненною темноты и сомнительности, а также примутъ во вниманіе споры, которымъ, повидимому, не предвидится конца, и то обстоятельство, что даже тѣ науки, которыя считаются основанными на самыхъ ясныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, содержатъ парадоксы, совершенно неразрѣшимые для человѣческаго пониманія, и что въ концѣ концовъ лишь незначительная ихъ часть приноситъ человѣчеству кромѣ невиннаго развлеченія и забавы истинную пользу,—если, говорю я, люди все это взвѣсятъ, то они легко придутъ къ полной безнадежности и къ совершенному презрѣнію всякой учености. Но такое положеніе вещей, можетъ быть, и прекратится при извѣстномъ взглядѣ на тѣ ложныя начала, которыя пріобрѣли значеніе въ мірѣ, и среди которыхъ ни одно, какъ мнѣ кажется, не оказало болѣе широкаго и распространеннаго вліянія на мысли людей умозрѣнія, чѣмъ это ученіе объ отвлеченныхъ общихъ идеяхъ (которое мы старались ниспровергнуть) *.

* Исключено во 2-мъ изданіи.

18. Теперь я обращаюсь къ разсмотрѣнію *источника* этихъ господствующихъ понятій, которымъ, какъ мнѣ кажется, служитъ рѣчь. И, навѣрное, что либо менѣе распространенное, чѣмъ самый разумъ, не могло бы быть источникомъ общераспространеннаго мнѣнія. Истина сказаннаго явствуетъ какъ и изъ другихъ основаній, такъ и изъ открытаго признанія самыхъ искусныхъ поборниковъ отвлеченныхъ идей, которые соглашаются съ тѣмъ, что эти послѣднія образованы съ цѣлью называнія, изъ чего ясно слѣдуетъ, что, еслибы не существовало такого предмета, какъ рѣчь или общіе знаки, то никогда не явилось бы мысли объ отвлеченіи (см. Опытъ о человѣческомъ умѣ, т. III, гл. 6, § 39 и въ другихъ мѣстахъ). Изслѣдуемъ же, какимъ путемъ слова способствовали возникновенію этого заблужденія. Прежде всего полагаютъ, будто каждое названіе имѣетъ или должно имѣть только одно точное и установленное значеніе, что склоняетъ людей думать, будто существуютъ извѣстныя *отвлеченныя опредѣленныя идеи*, которыя составляютъ истинное и единственно-непосредственное значеніе каждаго общаго названія; и будто черезъ посредство этихъ отвлеченныхъ идей общее названіе становится способнымъ обозначать частную вещь. Между тѣмъ въ дѣйствительности вовсе нѣтъ точнаго, опредѣленнаго значенія, связаннаго съ какимъ либо общимъ названіемъ, но послѣднее всегда безразлично обозначаетъ большое число частныхъ идей. Все это вытекаетъ съ очевидностью изъ сказаннаго выше и при нѣкоторомъ размышленіи станетъ яснымъ для каждаго. Могутъ возразить, что каждое названіе, имѣющее опредѣ-

леніе, тѣмъ самымъ ограничено извѣстнымъ значеніемъ. Напримѣръ, треугольникъ опредѣляется, какъ „плоская поверхность, ограниченная тремя прямыми линіями“, каковымъ опредѣленіемъ это названіе ограничено обозначеніемъ одной опредѣленной идеи, и никакой другой. Я отвѣчу на это, что въ опредѣленіи не сказано, велика или мала поверхность, черна она или бѣла, длинны или коротки стороны, равны онѣ или неравны, а также подъ какими углами онѣ наклонены одна къ другой; во всемъ этомъ можетъ быть большое разнообразіе, и, слѣдовательно, здѣсь не дано установленной идеи, которая ограничивала бы значеніе слова „треугольникъ“. Иное дѣло, связывать ли названіе постоянно съ однимъ и тѣмъ же опредѣленіемъ, и иное дѣло, обозначать ли имъ постоянно одну и ту же идею; первое необходимо, второе безполезно и невыполнимо.

19. Но, чтобы дать дальнѣйшій отчетъ въ томъ, какимъ образомъ слова привели къ возникновенію ученія объ отвлеченныхъ идеяхъ, нужно замѣтить, что существуетъ ходячее мнѣніе, будто рѣчь не имѣетъ иной цѣли, кромѣ сообщенія нашихъ идей, и будто каждое названіе, что либо обозначающее, означаетъ идею. Сдѣлавъ такое предположеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ считая за достовѣрное, что и названія, которыя не признаются лишенными значенія, не всегда выражаютъ мыслимыя частныя идеи, строго заключаютъ отсюда, что они обозначаютъ отвлеченныя понятія. Что мыслителями употребляются нѣкоторыя названія, которыя не всегда возбуждаютъ въ другихъ людяхъ опредѣленныя частныя идеи,—этого никто не станетъ отрицать. И тре-

буется весьма небольшая доля вниманія для обнаруженія того, что нѣтъ необходимости, чтобы (даже въ самыхъ строгихъ разсужденіяхъ) названія, которыя что либо обозначаютъ, и которыми означаются идеи, возбуждали въ умѣ каждый разъ, какъ только они употребляются, тѣ самыя идеи, для обозначенія которыхъ они образованы; такъ какъ при чтеніи и разговорѣ названія употребляются по большей части, какъ буквы въ алгебрѣ, гдѣ, несмотря на то, что каждою буквою обозначается нѣкоторое частное количество, для вѣрнаго производства счисленія не необходимо, чтобы на каждомъ шагу каждою буквою возбуждалась въ насъ мысль о томъ частномъ количествѣ, которое она должна обозначать.

20. Сверхъ того, сообщеніе идей, обозначаемыхъ словами, не составляетъ, какъ это обыкновенно предполагается, главной или единственной цѣли рѣчи. Существуютъ другія ея цѣли, какъ, напр., вызовъ какой либо страсти, возбужденіе къ дѣйствію или отклоненіе отъ него, приведеніе души въ нѣкоторое частное состояніе, цѣли, по отношенію къ которымъ вышеназванная цѣль во многихъ случаяхъ носитъ характеръ чисто-служебный или даже вовсе отсутствуетъ, если сказанныя цѣли могутъ быть достигнуты безъ ея помощи, какъ это случается нерѣдко, я полагаю, при обычномъ употребленіи рѣчи. Я приглашаю читателя подумать надъ самимъ собою и посмотрѣть, не случается ли часто при слушаніи рѣчи или чтеніи, что страсти страха, любви, ненависти, удивленія, презрѣнія и т. п. непосредственно возникаютъ въ его душѣ при воспріятіи извѣстныхъ словъ безъ посредства какой либо идеи. Первона-

чально, можетъ быть, слова дѣйствительно возбуждали идеи, способныя производить подобныя душевныя движенія; но, если я не ошибаюсь, оказывается, что когда рѣчь становится для насъ обычною, то слушаніе и видѣніе знаковъ часто непосредственно влекутъ за собою тѣ страсти, которыя первоначально вызывались лишь черезъ посредство идей, теперь совершенно опускаемыхъ. Развѣ обѣщаніе *хорошей вещи* не можетъ, напр., возбудить въ насъ чувства, хотя бы мы не имѣли идеи о томъ, что это за вещь? Или развѣ недостаточно угрозы опасностью для возбужденія страха, хотя бы мы не думали о какомъ либо частномъ злѣ, которое, вѣроятно, угрожаетъ постигнуть насъ, и не образовали отвлеченной идеи опасности? Если кто нибудь хотя немного поразмыслитъ надъ собою по поводу сказаннаго, то я полагаю, что онъ, навѣрное, придетъ къ тому заключенію, что общія названія часто употребляются, какъ составныя части языка, безъ того, чтобы говорящій самъ предназначалъ ихъ служить знаками тѣхъ идей, которыя онъ желаетъ вызвать ими въ умѣ слушателя. Даже собственныя имена, повидимому, не всегда употребляются съ намѣреніемъ вызвать въ насъ идеи тѣхъ недѣлимыхъ, которыя, какъ предполагается, ими обозначаются. Если мнѣ говоритъ, напр., школьный философъ: „Аристотель сказалъ“, то все, что, по моему мнѣнію, онъ намѣревается сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы склонить меня принять его мнѣніе съ тѣми почтеніемъ и покорностью, какія привычка связываетъ съ именемъ Аристотеля. И такое дѣйствіе часто такъ мгновенно наступитъ въ умѣ тѣхъ, которые

привыкли подчинять свое сужденіе авторитету этого философа, что было бы даже невозможно какой бы то ни было идеѣ о его личности, или сочиненіяхъ, или репутаціи предшествовать этому дѣйствію. (Столь тѣсную и непосредственную связь можетъ установить обычай между простымъ словомъ „Аристотель" и вызываемыми имъ въ умахъ нѣкоторыхъ людей побужденіями къ согласію и почтенію *. Можно привести безчисленное множество примѣровъ этого рода, но зачѣмъ мнѣ останавливаться на вещахъ, которыя, безъ сомнѣнія, вполнѣ внушаются каждому его собственнымъ опытомъ.

21. Мнѣ кажется, мы выяснили невозможность отвлеченныхъ идей. Мы взвѣсили то, что было сказано въ ихъ пользу искуснѣйшими ихъ защитниками, и постарались показать, что онѣ безполезны для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ онѣ признаются необходимыми. И наконецъ мы выслѣдили источникъ, изъ котораго онѣ вытекаютъ, каковымъ, очевидно, оказалась рѣчь. Нельзя отрицать, что слова прекрасно служатъ для того, чтобы ввести въ кругозоръ каждаго единичнаго человѣка и сдѣлать его достояніемъ весь тотъ запасъ знаній, который пріобрѣтенъ соединенными усиліями изслѣдователей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но большая часть знаній (такъ) ** удивительно запутана и затемнена злоупотребленіемъ словъ и общепринятыхъ оборотовъ рѣчи, которые отъ нихъ проистекаютъ (что можетъ даже возникнуть вопросъ, не служила ли рѣчь болѣе препятствіемъ, чѣмъ по-

* Выпущено во 2-мъ изданіи.
** Выпущено во 2-мъ изданіи.

мощью успѣхамъ наукъ) *. Такъ какъ слова столь способны вводить въ заблужденіе умъ (то я рѣшилъ въ моихъ изслѣдованіяхъ дѣлать изъ нихъ возможно меньшее употребленіе) **, то я постараюсь, какія бы идеи мною ни разсматривались, держать ихъ въ моемъ умѣ очищенными и обнаженными, удаляя изъ моихъ мыслей, насколько это для меня возможно, тѣ названія, которыя такъ тѣсно связаны съ ними путемъ продолжительнаго и постояннаго употребленія, изъ чего, какъ я могу ожидать, проистекаютъ слѣдующія выгоды:

22. *Во-первыхъ*, я могу быть увѣреннымъ, что вывелъ на чистую воду всѣ чисто-словесныя пререканія, а произрастаніе этой сорной травы служило почти во всѣхъ наукахъ главнымъ препятствіемъ росту истиннаго и здраваго знанія. *Во-вторыхъ*, это кажется вѣрнымъ путемъ къ освобожденію себя отъ той тонкой и хитросплетенной сѣти отвлеченныхъ идей, которая такимъ жалкимъ образомъ опутывала и связывала умы людей, и притомъ съ тою удивительною особенностью, что чѣмъ острѣе и любознательнѣе были способности даннаго человѣка, тѣмъ глубже онъ, повидимому, въ ней запутывался и крѣпче ею держался. *Въ-третьихъ*, я не вижу, какимъ образомъ я могу легко впасть въ заблужденіе, пока я ограничиваю мои мысли своими собственными, освобожденными отъ словъ, идеями. Предметы, которые я разсматриваю, мнѣ ясно и соотвѣтственно (адекватно) извѣстны. Я не могу быть обманутъ

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

** Выпущено во 2-мъ изданіи.

мыслью, что обладаю идеею, которой у меня нѣтъ. Мнѣ невозможно вообразить, будто нѣкоторыя изъ моихъ собственныхъ идей сходны или несходны между собою, если онѣ не таковы въ дѣйствительности. Для того, чтобы различать согласіе или несогласіе, существующія между моими идеями, чтобы видѣть, какія идеи содержатся въ нѣкоторой сложной идеѣ и какія нѣтъ, не требуется ничего, кромѣ внимательнаго воспріятія того, что происходитъ въ моемъ собственномъ умѣ.

23. Но достиженіе всѣхъ этихъ преимуществъ предполагаетъ полное освобожденіе отъ обмана словъ, на которое я едва ли могу надѣяться; дотого трудно расторгнуть связь, которая началась такъ давно и скрѣплена привычкою столь продолжительною, какая установилась между словами и идеями. Это затрудненіе, повидимому, чрезвычайно усилено ученіемъ объ отвлеченіи. Ибо, пока люди полагали, что отвлеченныя идеи связаны съ ихъ словами, то не казалось страннымъ, что употребляются слова вмѣсто идей, такъ какъ считалось невозможнымъ, отстранивъ слово, удержать въ умѣ отвлеченную идею, саму по себѣ совершенно немыслимую. Въ этомъ заключается, какъ мнѣ кажется, главная причина того, что тѣ, которые такъ настойчиво совѣтовали другимъ устранять всякое употребленіе словъ во время размышленія и разсматривать лишь свои идеи, сами этого не выполнили. Въ послѣднее время многіе хорошо понимали нелѣпость мнѣній и пустоту споровъ, проистекающія отъ злоупотребленія словами. И въ видахъ исцѣленія отъ этого зла они даютъ добрый совѣтъ направлять вниманіе на самыя идеи,

отвлекая его отъ обозначающихъ послѣднія словъ. Но какъ бы ни былъ хорошъ этотъ совѣтъ, даваемый другимъ, ясно, что они сами не могутъ вполнѣ слѣдовать ему, пока полагаютъ, что слова служатъ непосредственно для обозначенія идей, и что непосредственное значеніе каждаго общаго названія заключается въ опредѣленной отвлеченной идеѣ.

24. Но коль скоро эти мнѣнія будутъ признаны ошибочными, то всякій можетъ весьма легко предохранить себя отъ обмана словъ. Тотъ, кому извѣстно, что онъ обладаетъ лишь частными идеями, не станетъ напрасно трудиться отыскивать и мыслить *отвлеченную* идею, связанную съ какимъ либо названіемъ. А тотъ, кто знаетъ, что названіе не всегда заступаетъ мѣсто идеи, избавитъ себя отъ труда искать идей тамъ, гдѣ ихъ не можетъ быть. Поэтому было бы желательно, чтобы каждый постарался, насколько возможно, пріобрѣсти ясный взглядъ на идеи, которыя онъ намѣренъ разсматривать, отдѣляя отъ нихъ всю ту одежду и завѣсу словъ, которая такъ много способствуетъ ослѣпленію сужденія и разсѣянію вниманія. Мы тщетно будемъ возносить свой взоръ къ небесамъ или проникать имъ въ нѣдра земли, тщетно станемъ совѣщаться съ писаніями ученыхъ мужей, вдумываться въ темные слѣды древности; намъ нужно только отдернуть завѣсу словъ, чтобы ясно увидѣть великолѣпнѣйшее древо познанія, плоды котораго прекрасны и доступны нашей рукѣ.

25. Если мы не позаботимся о томъ, чтобы очистить первыя начала знанія отъ затрудненія и обмана словъ, то безчисленныя разсужденія о нихъ не

приведутъ насъ ни къ какому результату; мы будемъ дѣлать выводы изъ выводовъ и всетаки никогда не станемъ мудрѣе. Чѣмъ далѣе мы будемъ идти, тѣмъ безнадежнѣе будемъ теряться и тѣмъ глубже запутываться въ затрудненіяхъ и ошибкахъ. Кто бы поэтому ни приступилъ къ чтенію слѣдующихъ засимъ листовъ, я приглашаю его сдѣлать мои слова предметомъ собственнаго размышленія и постараться соблюсти тотъ же порядокъ мыслей при чтеніи, какого я держался при написаніи ихъ. Этимъ путемъ онъ легко обнаружитъ истину или ложность сказаннаго мною. Онъ будетъ вполнѣ огражденъ отъ опасности быть обманутымъ моими словами; и я не вижу, какимъ образомъ онъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе чрезъ разсмотрѣніе своихъ собственныхъ, обнаженныхъ, неприкрытыхъ идей.

О началахъ человѣческаго знанія

Часть I *.

1. Очевидно для всякаго, кто окинетъ взглядомъ предметы человѣческаго знанія, что они суть отчасти идеи, дѣйствительно запечатлѣнныя въ нашихъ ощущеніяхъ, отчасти идеи, воспринятыя чрезъ наблюденіе надъ состояніями и дѣйствіями души, отчасти идеи, образованныя при помощи памяти и воображенія, наконецъ идеи, возникающія черезъ соединеніе, раздѣленіе или просто представленіе того, что было первоначально воспринято однимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ. Чрезъ зрѣніе я имѣю идеи свѣта и цвѣтовъ съ ихъ различными степенями и измѣненіями. Посредствомъ осязанія я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движеніе и сопротивленіе, и притомъ болѣе или менѣе всего этого въ отношеніи какъ количества, такъ и степени. Обоняніе снабжаетъ меня запахами, ротъ—вкусами, слухъ проводитъ въ душу звуки во всемъ ихъ разнообразіи по тону и составу. И такъ какъ многія

* Это обозначеніе сохранено въ текстѣ второго изданія (но не на заглавномъ листѣ), хотя вторая часть трактата въ свѣтъ не выходила.

изъ этихъ идей наблюдаются, какъ сопровождающія другъ друга, то онѣ означаются однимъ названіемъ и вслѣдствіе этого признаются за одну вещь. Такъ, напр., если наблюдается, что нѣкоторые цвѣтъ, вкусъ, запахъ, фигура и консистенція даны вмѣстѣ, то они принимаются за одну отдѣльную вещь, обозначаемую названіемъ яблоко. Другія собранія идей составляютъ камень, дерево, книгу и тому подобныя ощущаемыя вещи, которыя, смотря по тому, пріятны онѣ или непріятны, вызываютъ страсти ненависти, радости, горя и т. п.

2. Но рядомъ съ этимъ безконечнымъ разнообразіемъ идей или предметовъ знанія существуетъ равнымъ образомъ нѣчто познающее или воспринимающее ихъ и производящее различныя дѣйствія, какъ-то: хотѣнія, воображенія, воспоминанія. Это познающее дѣятельное существо есть то, что я называю *умомъ, духомъ, душою* или *мною самимъ*. Этими словами, я обозначаю не одну изъ своихъ идей, но вещь, совершенно отличную отъ нихъ, въ коей онѣ существуютъ, или, что то же самое, коею онѣ воспринимаются, такъ какъ существованіе идеи состоитъ въ ея воспринимаемости.

3. Всѣ согласятся съ тѣмъ, что ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемыя воображеніемъ, не существуютъ внѣ нашей души. И вотъ для меня не менѣе очевидно, что различныя ощущенія или идеи, запечатлѣнныя въ чувственности, какъ бы смѣшаны или соединены онѣ ни были между собою (т. е. какіе бы предметы онѣ ни образовали), не могутъ иначе существовать, какъ въ духѣ, который ихъ воспринимаетъ. Я полагаю, что каждый можетъ

непосредственно убѣдиться въ этомъ, если обратить вниманіе на то, что подразумѣвается подъ терминомъ *существуетъ* въ его примѣненіи къ ощущаемымъ вещамъ. Я говорю: столъ, на которомъ я пишу, существуетъ,—это значитъ, что я вижу и осязаю его; еслибы я находился внѣ моего кабинета, то также бы сказалъ, что столъ существуетъ, разумѣя тѣмъ самымъ, что, находясь въ моемъ кабинетѣ, я могъ бы воспринять его, или же что какой либо другой духъ дѣйствительно воспринимаетъ его. Здѣсь былъ запахъ—это значитъ, я его обонялъ; былъ звукъ,—значитъ, его слышали; были цвѣтъ или фигура, значитъ, они были восприняты зрѣніемъ или осязаніемъ. Это все, что я могу разумѣть подъ такими или подобными выраженіями. Ибо то, что говорится о безусловномъ существованіи немыслящихъ вещей безъ какого либо отношенія къ ихъ воспринимаемости, для меня совершенно непонятно. Ихъ *esse* есть *percipi*, и невозможно, чтобы онѣ имѣли какое либо существованіе внѣ духовъ или воспринимающихъ ихъ мыслящихъ вещей.

4. Правда, существуетъ поразительно распространенное между людьми мнѣніе, будто дома, горы, рѣки, однимъ словомъ, всѣ ощущаемые предметы имѣютъ естественное или реальное существованіе, отличное отъ ихъ воспринимаемости умомъ. Но съ какою бы увѣренностью и общимъ согласіемъ ни утверждалось это начало, всякій имѣющій смѣлость подвергнуть его изслѣдованію, найдетъ, если я не ошибаюсь, что оно заключаетъ въ себѣ явное противорѣчіе. Ибо что такое вышеупомянутые предметы, какъ не вещи, воспринимаемыя нами въ ощущеніяхъ? и

что же мы воспринимаемъ, какъ не наши собственныя идеи или ощущенія? и не будетъ ли полнымъ противорѣчіемъ допустить, что какое либо изъ нихъ или какое либо ихъ сочетаніе существуетъ, не будучи воспринимаемымъ?

5. При тщательномъ изслѣдованіи этого предположенія, можетъ быть, окажется, что оно въ концѣ концовъ зависитъ отъ ученія объ *отвлеченныхъ идеяхъ*. Ибо можетъ ли быть болѣе тонкая нить отвлеченія, чѣмъ различеніе существованія ощущаемыхъ предметовъ отъ ихъ воспринимаемости такъ, чтобы представлять ихъ себѣ, какъ существующіе невоспринимаемыми? Свѣтъ и цвѣта, тепло и холодъ, протяженіе и фигуры, словомъ, всѣ вещи, которыя мы видимъ и осязаемъ,—что онѣ такое, какъ не разнообразныя ощущенія, понятія, идеи и чувственныя впечатлѣнія? и возможно ли даже мысленно отдѣлить которую либо изъ нихъ отъ воспріятія? Что касается меня, то мнѣ было бы также легко отдѣлить какую нибудь вещь отъ себя самой. Правда, я могу мысленно раздѣлить или представлять себѣ отдѣльными одну отъ другой такія вещи, которыхъ я, можетъ быть, никогда не воспринималъ чувственно въ такомъ раздѣленіи. Такъ, я воображаю туловище человѣческаго тѣла безъ его членовъ или представляю себѣ запахъ розы, не думая о самой розѣ. Въ такомъ смыслѣ я не отрицаю, что могу отвлекать, если можно въ точномъ значеніи слова называть *отвлеченіемъ* дѣятельность, состоящую только въ представленіи раздѣльно такихъ предметовъ, которые и въ дѣйствительности могутъ существовать или восприниматься раздѣльно. Но моя способность мыслить или воображать не про-

стирается далѣе возможности реальнаго существованія или воспріятія. Поэтому, какъ я не въ состояніи видѣть или осязать нѣчто безъ дѣйствительнаго ощущенія вещи, точно также я не въ состояніи осуществить въ моей мысли ощущаемые вещь или предметъ независимо отъ ихъ ощущенія или воспріятія. (Въ дѣйствительности предметъ и ощущеніе суть одно и то же и потому не могутъ быть отвлечены другъ отъ друга) *.

6. Нѣкоторыя истины столь близки и очевидны для ума, что стоитъ лишь открыть глаза, чтобы ихъ увидѣть. Такою я считаю ту важную истину, что весь небесный хоръ и все убранство земли, однимъ словомъ, всѣ вещи, составляющія вселенную, не имѣютъ существованія внѣ духа, что ихъ *бытіе* состоитъ въ томъ, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми, что, слѣдовательно, поскольку онѣ въ дѣйствительности не восприняты мною или не существуютъ въ умѣ моемъ или какого либо другого сотвореннаго духа, онѣ либо вовсе не имѣютъ существованія, либо существуютъ въ умѣ какого либо вѣчнаго Духа, и что совершенно немыслимо и включаетъ въ себѣ всѣ нелѣпости отвлеченія приписывать хоть малѣйшей части ихъ существованіе независимо отъ духа. (Чтобы сказанное представить со всею ясностью и очевидностью аксіомы, мнѣ кажется достаточнымъ вызвать размышленіе читателя, дабы онъ могъ составить безпристрастно сужденіе о своемъ собственномъ мнѣніи и направить свои мысли на самый предметъ свободно и независимо отъ за-

* Исключено во 2-мъ изданіи.

трудненій словъ и предразсудковъ въ пользу ходячихъ заблужденій) *.

7. Изъ сказаннаго очевидно, что нѣтъ иной субстанціи, кромѣ Духа или того, что воспринимаетъ; но для болѣе полнаго доказательства этого положенія надо принять въ соображеніе, что ощущаемыя качества суть цвѣтъ, фигура, движеніе, запахъ, вкусъ и т. п., т. е, идеи, воспринятыя въ ощущеніяхъ. Между тѣмъ очевидное противорѣчіе заключается въ предположеніи, будто идея заключается въ невоспринимаемой вещи, ибо имѣть идею значитъ то же самое, что воспринимать; слѣдовательно, то, въ чемъ существуютъ цвѣтъ, фигура и т. под., должно ихъ воспринять; изъ этого ясно, что не можетъ быть немыслящей субстанціи или немыслящаго *субстрата* этихъ идей.

8. Но скажете вы, хотя сами идеи не существуютъ внѣ *духа*, однако могутъ быть сходныя съ ними вещи, копію или подобіе которыхъ онѣ представляютъ собою, каковыя вещи существуютъ внѣ духа въ немыслящей субстанціи. Я отвѣчаю: идея можетъ быть сходна лишь съ идеею; цвѣтъ или фигура не могутъ быть сходны ни съ чѣмъ, кромѣ другого цвѣта или другой фигуры. Если мы мало-мальски внимательно всмотримся въ наши мысли, мы найдемъ невозможнымъ понять иное ихъ сходство, кромѣ сходства съ нашими идеями. Кромѣ того, я спрашиваю, эти предполагаемые оригиналы или внѣшнія

(!)

* Вмѣсто этихъ строкъ во 2-мъ изданіи читается: „Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, читателю слѣдуетъ только поразмыслить и постараться отдѣлить въ своихъ собственныхъ мысляхъ *бытіе* вещи отъ ея *воспринимаемости*“.

вещи, копіями или изображеніями которыхъ служатъ наши идеи, сами воспринимаемы или нѣтъ? Если да, то они суть идеи, и споръ рѣшается въ нашу пользу; если же вы скажете, что нѣтъ, то я предоставляю на благоусмотрѣніе каждаго рѣшеніе вопроса о томъ, есть ли смыслъ въ утвержденіи, будто цвѣтъ сходенъ съ чѣмъ либо невидимымъ, твердость или мягкость съ чѣмъ либо неосязаемымъ и т. п.

9. Нѣкоторые дѣлаютъ различіе между *первичными* и *вторичными* качествами. Подъ первыми они подразумѣваютъ протяженіе, фигуру, движеніе, покой, вещественность или непроницаемость и число; подъ вторыми—всѣ прочія ощущаемыя качества, какъ, напр., цвѣта, звуки, вкусы и т. п. Они признаютъ, что идеи, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ, не сходны съ чѣмъ либо существующимъ внѣ духа или невоспринятымъ; но утверждаютъ, что наши идеи первичныхъ качествъ суть отпечатки или образы вещей, существующихъ внѣ духа въ немыслящей субстанціи, которую они называютъ *матеріею*. Подъ матеріею мы должны, слѣдовательно, разумѣть инертную, нечувствующую субстанцію, въ которой дѣйствительно существуютъ протяженіе, фигура и движеніе. Однако изъ сказаннаго выше ясно вытекаетъ, что протяженіе, фигура и движеніе суть лишь идеи, существующія въ духѣ, что идея не можетъ быть сходна ни съ чѣмъ, кромѣ идеи, и что, слѣдовательно, ни она сама, ни ея первообразъ не могутъ существовать въ невоспринимающей субстанціи. Отсюда очевидно, что самое понятіе о томъ, что называется *матеріею* или *тѣлесною субстанціею*, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. (Это въ такой мѣрѣ

ясно, что я не считаю необходимымъ тратить много времени на доказательство нелѣпости этого мнѣнія. Но такъ какъ положеніе о существованіи матеріи, повидимому, столь глубоко вкоренилось въ умы философовъ, то я предпочитаю, чтобы меня считали излишне многословнымъ и скучнымъ, чѣмъ опустить что либо, могущее привести къ полному обнаруженію и искорененію этого предразсудка) *.

10. Тѣ, которые утверждаютъ, что фигура, движеніе и прочія первичныя или первоначальныя качества существуютъ внѣ духа въ немыслящихъ субстанціяхъ, признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что это не относится къ цвѣтамъ, звукамъ, теплу, холоду и тому подобнымъ вторичнымъ качествамъ, которыя они считаютъ ощущеніями, существующими лишь въ духѣ и зависящими отъ различія въ величинѣ, строеніи и движеніи малыхъ частицъ матеріи. Они считаютъ это несомнѣнною истиною, которую могутъ доказать безъ всякаго исключенія. Если достовѣрно, что первичныя качества неразрывно связаны съ другими ощущаемыми качествами, отъ которыхъ не могутъ быть даже мысленно отвлечены, то отсюда ясно слѣдуетъ, что они существуютъ лишь въ духѣ. Но я желалъ бы, чтобы кто нибудь сообразилъ и попытался, можетъ ли онъ чрезъ мысленное отвлеченіе представить себѣ протяженіе и движеніе какого либо тѣла безъ всякихъ другихъ ощущаемыхъ качествъ. Что касается меня, то для меня очевидно, что не въ моей власти образовать идею протяженнаго и движущагося тѣла безъ снабженія его нѣко-

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

торымъ, цвѣтомъ или другимъ ощущаемымъ качествомъ, о коемъ признано, что оно существуетъ только въ духѣ. Короче, протяженіе, фигура и движеніе, отвлеченныя отъ всѣхъ прочихъ качествъ, немыслимы. Итакъ, они должны находиться тамъ же, гдѣ и прочія ощущаемыя качества, т. е. въ духѣ, и нигдѣ болѣе.

11. Далѣе большое и малое, быстрое и медленное несомнѣнно не существуютъ внѣ духа, такъ какъ они совершенно относительны и мѣняются сообразно измѣненію строенія и положенія органовъ чувствъ. Слѣдовательно, протяженіе, существующее внѣ духа, ни велико, ни мало, движеніе ни быстро, ни медленно, т. е. они суть совершенно ничто. Но, скажете вы, они суть протяженіе вообще и движеніе вообще; тутъ мы видимъ, въ какой мѣрѣ ученіе о протяженной, подвижной субстанціи внѣ духа зависитъ отъ страннаго ученія объ отвлеченныхъ идеяхъ. И я не могу не указать въ этомъ случаѣ, какъ близко смутное и неопредѣленное описаніе матеріи или тѣлесной субстанціи, къ которому приводятъ новыхъ философовъ ихъ собственныя основанія, походитъ на то устарѣвшее и много осмѣянное понятіе о *materia prima*, съ которымъ мы встрѣчаемся у Аристотеля и его послѣдователей. Безъ протяженія не можетъ быть мыслима вещественность; поэтому, если доказано, что протяженіе не можетъ существовать въ немыслящей субстанціи, то то же самое справедливо и о вещественности.

12. Что число есть всецѣло созданіе духа, хотя бы было допущено, что прочія качества существуютъ внѣ духа, станетъ очевиднымъ каждому, подумав-

шему о томъ, что одна и та же вещь получаетъ различное числовое обозначеніе, сообразно различнымъ отношеніямъ, въ которыхъ разсматривается духомъ. Такъ, напр., одно и то же протяженіе есть 1, 3, 36, смотря по тому, разсматривается ли оно по отношеніи къ ярду, къ футу или къ дюйму. Число такъ очевидно относительно и зависимо отъ человѣческаго познанія, что странно было бы подумать, чтобы кто нибудь могъ приписать ему абсолютное существованіе внѣ духа. Мы говоримъ: одна книга, одна страница, одна строчка и т. п., всѣ онѣ равно единичны, хотя однѣ изъ нихъ заключаютъ въ себѣ нѣсколько другихъ. Во всѣхъ случаяхъ ясно, что единица означаетъ особую комбинацію идей, произвольно составляемую духомъ.

13. Мнѣ извѣстно, что иные полагаютъ, будто единица есть простая или несложная идея, сопровождающая въ нашемъ духѣ всѣ прочія идеи. Я не нахожу, чтобы у меня была такая идея, соотвѣтствующая слову *единица*, и полагаю, что я бы не могъ не найти ея, еслибы она была у меня; напротивъ, она должна бы была быть наиболѣе сродной уму, если она, какъ утверждаютъ, сопровождаетъ всѣ прочія идеи и воспринимается всѣми путями ощущенія и рефлексіи. Словомъ, это *отвлеченная идея*.

14. Къ сказанному я прибавлю, что подобно тому, какъ новые философы доказываютъ, что нѣкоторыя чувственныя качества (цвѣта, вкусы и т. п.) * не существуютъ въ матеріи или внѣ духа, можно то же самое доказать относительно всѣхъ прочихъ чув-

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

ственныхъ качествъ. Такъ, напр., говорятъ, что тепло и холодъ суть лишь состоянія духа, а отнюдь не отпечатки дѣйствительнаго бытія, существующіе въ тѣлесныхъ субстанціяхъ, которыми они возбуждаются; ибо одно и то же тѣло кажется одной рукѣ теплымъ, а другой—холоднымъ. Отчего же не можемъ мы съ такимъ же правомъ заключить, что фигура и протяженіе не суть отпечатки или подобія качествъ, существующихъ въ матеріи, такъ какъ одному и тому же глазу въ разныхъ положеніяхъ или глазамъ различнаго строенія въ одномъ и томъ же положеніи онѣ являются различными и поэтому не могутъ быть изображеніями чего нибудь находящагося и опредѣленнаго внѣ духа? Далѣе доказывается, что сладость заключается въ дѣйствительности не во вкушаемой вещи, такъ какъ безъ измѣненія вещи сладость превращается въ горечь, напр., при лихорадкѣ или другомъ измѣненіи органа вкуса. Развѣ не такъ же основательно сказать, что движеніе не происходитъ внѣ духа, такъ какъ, если смѣна идеи въ духѣ ускоряется, то движеніе, какъ извѣстно, представляется болѣе медленнымъ безъ какого либо (внѣшняго измѣненія) *.

15. Короче, пусть кто нибудь взвѣситъ тѣ аргументы, которые считаются несомнѣнно доказывающими, что цвѣта и вкусы существуютъ лишь въ духѣ, и онъ найдетъ, что они съ такою же силою могутъ служить доказательствомъ того же самаго относительно протяженія, фигуры и движенія. Правда, должно сознаться, что этотъ способъ аргументаціи

* Во 2-мъ изданіи: „измѣненія во внѣшнемъ предметѣ".

доказываетъ не столько то, что нѣтъ протяженія или цвѣта во внѣшнемъ предметѣ, сколько то, что мы не познаемъ посредствомъ ощущенія истинныхъ протяженія или цвѣта предмета. Но предыдущіе аргументы ясно показываютъ невозможность существованія внѣ духа какого либо цвѣта или протяженія, или иного чувственнаго качества въ немыслящемъ субъектѣ безъ духа или, правильнѣе, невозможность существованія такой вещи, какъ внѣшній предметъ.

16. Но остановимся еще немного на разсмотрѣніи преобладающаго мнѣнія. Говорятъ, что протяженіе есть модусъ или акциденція матеріи, а матерія есть *субстратъ*, который его несетъ. Я желалъ бы, чтобы мнѣ было объяснено, что слѣдуетъ понимать подъ приписываемымъ матеріи *несеніемъ* протяженія. Если вы мнѣ скажете: я не имѣю идеи о матеріи и поэтому не могу этого объяснить, то я отвѣчу: если у васъ нѣтъ положительной идеи о матеріи, то, коль скоро вы имѣете о ней какое либо мнѣніе, у васъ должна быть по крайней мѣрѣ относительная идея о матеріи; хотя бы вы не знали, что она такое, должно предполагать, что вамъ извѣстно, въ какомъ отношеніи она находится къ своимъ акциденціямъ, и что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ „нести ихъ". Очевидно, что нельзя въ этомъ случаѣ понимать слово „нести" въ его обыкновенномъ или буквальномъ смыслѣ, вродѣ того, какъ мы говоримъ, что столбы несутъ зданіе. Въ какомъ же смыслѣ надо понимать его? (Съ своей стороны я вовсе не способенъ найти какой нибудь смыслъ въ примѣненіи къ этому выраженію) *.

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

17. Если мы изслѣдуемъ, что именно, по заявленію самыхъ точныхъ философовъ, они сами разумѣютъ подъ выраженіемъ *матеріальная субстанція*, то найдемъ, что они не связываютъ съ этими словами никакого иного смысла, кромѣ идеи сущаго вообще, вмѣстѣ съ относительнымъ понятіемъ о несеніи имъ акциденцій. Общая идея сущаго представляется мнѣ наиболѣе отвлеченною и непонятною изъ всѣхъ идей; что же касается до несенія акциденцій, то оно, какъ было сейчасъ замѣчено, не можетъ быть понимаемо въ обыкновенномъ значеніи этого слова; оно должно, слѣдовательно, быть понимаемо въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ, но въ какомъ именно—этого они не объясняютъ. Поэтому, разсматривая обѣ части или вѣтви значенія словъ „матеріальная субстанція", я убѣждаюсь, что съ ними вовсе не связывается никакого отчетливаго смысла. Впрочемъ, для чего намъ трудиться разсуждать по поводу этого матеріальнаго *субстрата* или носителя фигуры, движенія и другихъ ощущаемыхъ качествъ? Развѣ онъ не предполагаетъ, что онѣ имѣютъ существованіе внѣ духа? И развѣ это не есть прямое противорѣчіе, нѣчто совершенно немыслимое?

18. Но если допустить возможность существованія внѣ духа вещественныхъ, имѣющихъ фигуру и подвижныхъ субстанцій, соотвѣтствующихъ нашимъ идеямъ о тѣлахъ, то какъ было бы возможно для насъ знать о нихъ? Мы должны были бы знать это либо чрезъ способность ощущенія, либо чрезъ мышленіе. Что касается перваго, то оно даетъ намъ знаніе лишь о нашихъ ощущеніяхъ, идеяхъ или о тѣхъ вещахъ, которыя, какъ бы мы ихъ ни называли, *непосред-*

ственно воспринимаются въ ощущеніяхъ, но оно не удостовѣряетъ насъ въ томъ, что существуютъ внѣ духа или невоспринятыя вещи, сходныя съ тѣми, которыя восприняты. Это признается самими матеріалистами. Слѣдовательно, остается допустить, что, поскольку мы обладаемъ какимъ нибудь знаніемъ внѣшнихъ предметовъ, это знаніе пріобрѣтается чрезъ мышленіе, чрезъ умозаключеніе къ ихъ существованію отъ того, что непосредственно воспринято въ ощущеніи. Но (я не вижу) * какое мышленіе можетъ привести насъ къ выводу о существованіи тѣлъ внѣ духа отъ того, что мы воспринимаемъ, такъ какъ сами защитники матеріи не пытаются утверждать, будто существуетъ необходимая связь между нею и нашими идеями. Я говорю, что всѣми допускается возможность (что происходитъ во снѣ, бредѣ и т. п., ставитъ это внѣ сомнѣнія), что намъ присущи всѣ идеи, которыми мы теперь обладаемъ, хотя бы внѣ насъ не существовало тѣлъ, сходныхъ съ ними. Слѣдовательно, очевидно, что предположеніе внѣшнихъ тѣлъ не необходимо для объясненія образованія нашихъ идей, такъ какъ допускается, что онѣ часто происходятъ и, можетъ быть, могутъ всегда происходить въ томъ же порядкѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ на-лицо безъ содѣйствія внѣшнихъ тѣлъ.

19. Но хотя для насъ есть полная возможность имѣть всѣ наши ощущенія безъ внѣшнихъ тѣлъ, но, можетъ быть, легче представить себѣ и объяснить способъ возникновенія идей при предположеніи существованія внѣшнихъ тѣлъ, сходныхъ съ

* Во 2-мъ изданіи выпущено, и всей фразѣ придана вопросительная форма.

ними, чѣмъ инымъ путемъ; и такимъ образомъ въ концѣ концовъ можетъ оказаться правдоподобность, что существуютъ такія вещи, какъ тѣла, возбуждающія въ нашемъ духѣ идеи о нихъ. Но этого отнюдь нельзя сказать потому, что, если мы уступимъ матеріалистамъ ихъ внѣшнія тѣла, они, по ихъ собственному признанію, также мало будутъ въ состояніи узнать, какъ производятся наши идеи, такъ какъ они сами признаютъ себя неспособными понять, какимъ образомъ тѣло можетъ дѣйствовать на духъ, или какъ возможно, чтобы идея запечатлѣвалась въ духѣ. Отсюда очевидно, что возникновеніе идей или ощущеній въ нашемъ духѣ не можетъ служить основаніемъ для предположенія матеріи или тѣлесныхъ субстанцій, такъ какъ это возникновеніе остается одинаково необъяснимымъ какъ при такомъ предположеніи, такъ и безъ него. Слѣдовательно, еслибы даже существованіе тѣлъ внѣ духа было возможно, то убѣжденіе въ такомъ существованіи было бы очень шатко, такъ какъ это значило бы предположить, что Богъ, безъ всякаго основанія, создалъ безчисленное множество вещей, безполезныхъ и не служащихъ ни для какой цѣли.

20. Короче, если существуютъ внѣшнія тѣла, то мы никоимъ образомъ не можемъ пріобрѣсти знаніе о томъ, а если ихъ нѣтъ, то мы имѣемъ такія же основанія, какъ и теперь, допускать ихъ существованіе. Предположите—возможности чего никто не можетъ отрицать—умъ, который безъ содѣйствія внѣшнихъ тѣлъ воспринимаетъ такой же рядъ ощущеній или идей, какъ и вы, запечатлѣваемый въ немъ въ томъ же порядкѣ и съ такою же живостью. Я спрашиваю,

развѣ этотъ умъ не имѣетъ такого же основанія вѣрить въ существованіе тѣлесныхъ субстанцій, представляемыхъ его идеями и возбуждаемыхъ въ немъ ими, какое можете имѣть и вы для того, чтобы имѣть такую же вѣру. Сказанное не подлежитъ сомнѣнію, и достаточно одного этого разсужденія для того, чтобы каждый здравомыслящій человѣкъ усомнился въ силѣ аргументовъ, какого бы рода они ни были, въ подтвержденіе существованія тѣлъ внѣ духа.

21. Если необходимо прибавить еще дальнѣйшія доказательства противъ существованія матеріи, то я могъ бы указать на нѣкоторыя заблужденія и затрудненія, чтобы не сказать нечестія, которыя вытекаютъ изъ этого предположенія. Оно вызвало безчисленныя разногласія и споры въ философіи и немало имѣющихъ еще большее значеніе въ религіи. Однако я не стану вдаваться здѣсь въ подробности, отчасти потому, что я полагаю, что доказательства *a posteriori* не необходимы для подтвержденія того, что, если я не ошибаюсь, достаточно подтверждается *a priori*, отчасти потому, что я буду имѣть еще далѣе случай сказать объ этомъ нѣчто.

22. Я боюсь дать поводъ думать, что излишне многословенъ въ разсужденіяхъ по этому предмету. Ибо къ чему распространяться о томъ, что можетъ быть съ полнѣйшею очевидностью доказано въ одной или двухъ строкахъ каждому, кто мало-мальски способенъ къ размышленію? Вамъ стоитъ только вникнуть въ свои собственныя мысли и испытать такимъ образомъ, въ состояніи ли вы представить себѣ возможнымъ, чтобы звукъ, фигура, движеніе, цвѣтъ существовали внѣ духа или невоспринятые. Этотъ лег-

кій опытъ покажетъ вамъ, что ваше утвержденіе заключаетъ въ себѣ полнѣйшее противорѣчіе. Сказанное въ такой степени вѣрно, что я согласенъ поставить рѣшеніе всего вопроса въ зависимость отъ результата этого опыта. Если вы найдете возможнымъ лишь представить себѣ, будто протяженная подвижная субстанція, или вообще какая нибудь идея, или нѣчто сходное съ идеею, можетъ имѣть иное существованіе, чѣмъ въ воспринимающемъ ихъ духѣ, то я охотно откажусь отъ защиты своего положенія. А что касается до всѣхъ тѣхъ спутниковъ внѣшнихъ тѣлъ, которые вы признаете, то я допущу ихъ существованіе, хотя вы не будете въ состояніи привести мнѣ ни основаній, по которымъ вы думаете, что они существуютъ, ни указать цѣли, которой они должны служить, если предположить, что они существуютъ. Я говорю, что простая возможность истины вашего мнѣнія будетъ признана мною за доказательство его истины.

23. Но, скажете вы, безъ сомнѣнія, для меня нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ, напримѣръ, деревья въ паркѣ или книги въ кабинетѣ, никѣмъ не воспринимаемыя. Я отвѣчу, что, конечно, вы можете это сдѣлать, въ этомъ нѣтъ никакого затрудненія; но что же это значитъ, спрашиваю я васъ, какъ не то, что вы образуете въ своемъ духѣ извѣстныя идеи называемыя вами книгами и деревьями, и въ то же время упускаете образовать идею того, кто можетъ ихъ воспринимать? Но развѣ вы сами вмѣстѣ съ тѣмъ не воспринимаете или не мыслите ихъ? Это не приводитъ, слѣдовательно, къ цѣли и показываетъ только, что вы обладаете силой воображать или образовывать

идеи въ вашемъ духѣ, но не показываетъ, чтобы вы могли представить себѣ возможность существованія предметовъ вашего мышленія внѣ духа. Чтобы достигнуть этого, вы должны были бы представить себѣ, что они существуютъ непредставляемые и немыслимые, что, очевидно, противорѣчиво. Прибѣгая къ самому крайнему усилію для представленія себѣ существованія внѣшнихъ тѣлъ, мы достигаемъ лишь того, что созерцаемъ наши собственныя идеи. Но, не обращая вниманія на себя самого, духъ впадаетъ въ заблужденіе, думая, что онъ можетъ представлять и дѣйствительно представляетъ себѣ тѣла, существующія безъ мысли внѣ духа, хотя въ то же время они воспринимаются имъ или существуютъ въ немъ. Достаточно небольшой доли вниманія для того, чтобы убѣдиться въ истинѣ и очевидности сказаннаго здѣсь и уничтожить необходимость настаивать на какихъ либо другихъ доказательствахъ противъ существованія *матеріальной субстанціи*.

24. (Еслибы люди могли воздержаться отъ того, чтобы забавлять себя игрою въ словахъ, то мы скоро бы, я полагаю, пришли къ согласію въ этомъ пунктѣ) * При малѣйшемъ изслѣдованіи нашихъ собственныхъ мыслей весьма легко узнать, можемъ ли мы понять, что именно подразумѣвается подъ *абсолютнымъ существованіемъ* ощущаемыхъ предметовъ въ себѣ или внѣ духа. Для меня очевидно, что въ этихъ словахъ или заключается прямое противорѣчіе, или они ничего не означаютъ. Чтобы и другихъ убѣдить въ этомъ, я не знаю болѣе легкаго и прямого средства,

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

чѣмъ предложить имъ спокойно обратить вниманіе на свои собственныя мысли; и если при такомъ обращеніи вниманія обнаружится пустота или противорѣчивость этихъ выраженій, то, конечно, больше ничего не нужно будетъ для убѣжденія этихъ людей. Именно на такомъ образѣ дѣйствія я поэтому и настаиваю для убѣжденія въ томъ, что безусловное существованіе немыслящихъ вещей суть слова, лишенныя смысла или содержащія въ себѣ противорѣчіе. Я повторяю, твержу и серьезно рекомендую сказанное внимательному размышленію читателя.

25. Всѣ наши идеи, ощущенія, понятія или вещи, воспринимаемыя нами, какъ бы мы ихъ ни называли, очевидно, не активны, въ нихъ нѣтъ никакой силы или дѣятельности. Такимъ образомъ идея или объектъ мышленія не можетъ произвести или вызвать какое либо измѣненіе въ другой идеѣ. Намъ стоитъ лишь наблюдать за своими идеями, чтобы убѣдиться въ истинѣ этого положенія. Ибо изъ того, что онѣ сами и каждая ихъ часть существуютъ лишь въ духѣ, слѣдуетъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что воспринимается. Но кто обратитъ вниманіе на свои идеи, получаемыя путемъ какъ ощущенія, такъ и рефлексіи, тотъ не восприметъ въ нихъ какой либо силы или дѣятельности; слѣдовательно, въ нихъ и не заключается ничего подобнаго. Немного вниманія требуется для обнаруженія того, что самое бытіе идеи въ такой мѣрѣ подразумѣваетъ пассивность или инертность, что невозможно допустить, чтобы идея дѣлала что нибудь или, употребляя точное выраженіе, была причиною чего нибудь; точно также она не можетъ быть изо-

браженіемъ или отпечаткомъ какой либо активной вещи, какъ это доказано въ отдѣлѣ 8-мъ. Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что протяженіе, фигура и движеніе не могутъ быть причинами нашихъ ощущеній. Поэтому несомнѣнно ложно утверждать, будто послѣднія производятся силами, исходящими отъ фигуры, числа, движенія и величины тѣлесныхъ частицъ.

26. Мы воспринимаемъ постоянную послѣдовательность идей; нѣкоторыя изъ нихъ возникаютъ заново, другія измѣняются или совсѣмъ исчезаютъ. Слѣдовательно, существуетъ нѣкоторая причина этихъ идей, отъ которой онѣ зависятъ, и которою онѣ производятся или измѣняются. Изъ предыдущаго отдѣла ясно видно, что эта причина не можетъ быть качествомъ или идеею, или соединеніемъ идей. Она должна, слѣдовательно, быть субстанціей; но доказано, что не существуетъ тѣлесной или матеріальной субстанціи; остается, стало быть, признать, что причина идей есть безтѣлесная дѣятельная субстанція, или духъ.

27. Духъ есть простое, нераздѣльное, дѣятельное существо; какъ воспринимающее идеи, оно именуется *умомъ*; какъ производящее ихъ или инымъ способомъ дѣйствующее надъ ними—*волею*. Поэтому не можетъ быть образована идея души или духа, ибо (согласно отдѣлу 25-му) всѣ идеи, будучи пассивны или инертны, не могутъ вызывать въ насъ, чрезъ образъ или сходство, представленіе того, что дѣйствуетъ. При помощи небольшой доли вниманія каждый можетъ убѣдиться въ томъ, что совершенно невозможно имѣть идею, сходную съ этимъ дѣятельнымъ началомъ движенія и смѣны идей. При-

рода духа или того, что дѣйствуетъ, такова, что онъ не можетъ быть воспринятъ самъ по себѣ, но лишь по производимымъ имъ дѣйствіямъ. Тому, кто сомнѣвается въ истинѣ сказаннаго здѣсь, стоитъ лишь размыслить и попытаться образовать идею какой либо силы или дѣятельнаго сущаго, и подумать о томъ, имѣетъ ли онъ идеи двухъ главныхъ силъ, обозначаемыхъ названіями *воли* и *ума* и столь же различныхъ одна отъ другой, сколько отъ третьей идеи, а именно идеи субстанціи или сущаго вообще, которая связана съ относительнымъ понятіемъ о томъ, что она есть носитель или субъектъ вышеназванныхъ силъ и называется *душой* или *духомъ*. Иными признается это, но, насколько я могу судить, слова „воля“ (умъ) *, „душа“, „духъ“ обозначаютъ не различныя идеи или вообще какую либо идею, а нѣчто весьма отличное отъ идей, что не можетъ быть сходно съ идеею или представлено ею, такъ какъ оно дѣятельно. (Однако надо допустить вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы имѣемъ извѣстное *понятіе* о душѣ, духѣ и душевныхъ дѣятельностяхъ, каковы: хотѣніе, любовь, ненависть, поскольку мы знаемъ и понимаемъ значеніе этихъ словъ) **.

28. Я нахожу, что могу по произволу вызывать въ моемъ духѣ идеи и измѣнять и разнообразить ихъ зрѣлище такъ часто, какъ я найду нужнымъ. Мнѣ стоитъ лишь захотѣть, и немедленно та или иная идея возникаетъ въ моемъ воображеніи, и тою же силою она устраняется и уступаетъ мѣсто дру-

* Въ первомъ изданіи включены слова „understanding“, „mind“, исключенныя во 2-мъ изданіи.
** Это мѣсто прибавлено во 2-мъ изданіи.

гой. Это произведеніе и уничтоженіе идей даетъ намъ полное право называть духъ дѣятельнымъ. Все это извѣстно и основано на опытѣ, но, когда мы говоримъ о немыслящихъ дѣятеляхъ или о томъ, что идеи могутъ быть вызваны чѣмъ либо инымъ, кромѣ воли, то мы тѣшимъ сами себя словами.

29. Но какую бы власть я ни имѣлъ надъ моими собственными мыслями, я нахожу, что идеи, дѣйствительно воспринимаемыя въ ощущеніи, не находятся въ такой же зависимости отъ моей воли. Когда я открываю глаза при полномъ дневномъ свѣтѣ, то не отъ моей воли зависитъ выбрать между видѣніемъ или невидѣніемъ, а также опредѣлить, какіе именно объекты представятся моему взгляду; то же самое относится къ слуху и другимъ ощущеніямъ: запечатлѣнныя ими идеи не суть созданія моей воли. Существуетъ, слѣдовательно, *другая* воля или *другой* духъ, который производитъ ихъ.

30. Идеи ощущеній опредѣленнѣе, живѣе и отчетливѣе, чѣмъ идеи воображенія; первыя имѣютъ также постоянство, порядокъ и связь и возникаютъ не случайно, какъ это часто бываетъ съ идеями, производимыми человѣческою волею, а въ правильной послѣдовательности или рядахъ, удивительная связь которыхъ достаточно свидѣтельствуетъ о мудрости и благости ихъ Творца. Тѣ твердыя правила и опредѣленные методы, коими Духъ, отъ Котораго мы зависимъ, порождаетъ или возбуждаетъ въ насъ идеи ощущеній, называются законами природы; мы познаемъ на опытѣ, который учитъ насъ, что такія и такія-то идеи связаны съ такими и такими-то другими идеями въ обычномъ порядкѣ вещей.

31. Это даетъ намъ родъ предвидѣнія, которое дѣлаетъ насъ способными управлять нашими дѣйствіями для пользы жизни. Безъ такого предвидѣнія мы находились бы въ постоянномъ затрудненіи; мы не могли бы знать, что нужно сдѣлать, чтобы доставить себѣ малѣйшее удовольствіе или избавиться отъ малѣйшей ощущаемой боли. Что пища питаетъ насъ, сонъ укрѣпляетъ, огонь грѣетъ, что посѣвъ весною есть средство собрать жатву осенью, и что вообще такія-то средства служатъ для достиженія такихъ-то цѣлей,—все это мы узнаемъ не черезъ открытіе необходимой связи между нашими идеями, а только черезъ наблюденіе установленныхъ законовъ природы, безъ которыхъ всѣ мы находились бы въ неувѣренности и смущеніи, и взрослый человѣкъ зналъ бы не болѣе, чѣмъ новорожденный ребенокъ, какъ слѣдуетъ поступать въ житейскихъ дѣлахъ.

32. И тѣмъ не менѣе эта постоянная равномѣрная дѣятельность, такъ очевидно обнаруживающая благость и мудрость того Вседержащаго Духа, воля Котораго составляетъ законы природы, вмѣсто того, чтобы влечь наши мысли къ Нему, направляетъ ихъ къ скитанію въ поискахъ за вторичными причинами. Ибо, когда мы видимъ, что за извѣстными идеями ощущеній постоянно слѣдуютъ другія идеи, и знаемъ, что такъ бываетъ не вслѣдствіе нашей дѣятельности, то мы немедленно приписываемъ самимъ идеямъ силу и дѣйствіе и превращаемъ одну въ причину другой, хотя ничто не можетъ быть болѣе нелѣпо и непонятно. Когда мы наблюдаемъ, напр., что, воспринимая посредствомъ зрѣнія извѣстную

круглую свѣтящуюся фигуру, мы одновременно посредствомъ осязанія воспринимаемъ идею или ощущеніе, называемое *тепломъ*, то мы заключаемъ отсюда, что солнце есть причина тепла. Равнымъ образомъ, воспринимая, что движеніе и столкновеніе тѣлъ соединены со звукомъ, мы склонны признавать послѣдній результатомъ первыхъ.

33. Идеи, запечатлѣнныя въ ощущеніяхъ Творцомъ природы, называются *дѣйствительными вещами*; вызываемыя же въ воображеніи, поскольку онѣ не столь правильны, живы и постоянны, въ болѣе точномъ значеніи слова называются *идеями* или *образами вещей*, копіи которыхъ онѣ собою представляютъ. Но и наши ощущенія, какъ бы живы и отчетливы они ни были, суть тѣмъ не менѣе идеи, т. е. они также существуютъ въ духѣ или воспринимаются имъ, какъ и идеи, имъ самимъ образуемыя. Идеямъ ощущеній приписывается болѣе реальности, т. е. онѣ опредѣленнѣе, сильнѣе, упорядоченнѣе и связаннѣе, чѣмъ созданіе духа; но это не доказываетъ, что онѣ существуютъ внѣ духа. Также точно онѣ менѣе зависятъ отъ духа или мыслящей субстанціи, которая ихъ воспринимаетъ, въ томъ смыслѣ, что онѣ вызываются волею другого и болѣе могущественнаго Духа; но онѣ тѣмъ не менѣе суть *идеи* и, конечно, никакая идея, смутная или отчетливая, не можетъ существовать иначе, какъ въ воспринимающемъ ее духѣ.

34. Прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе, намъ необходимо употребить нѣкоторое время на разсмотрѣніе тѣхъ возраженій, которыя могутъ, вѣроятно, возникнуть по поводу вышеизложенныхъ началъ. Если,

исполняя это, я для людей быстраго ума покажусь слишкомъ многословнымъ, то я надѣюсь, что они извинятъ меня, такъ какъ не всѣ одинаково легко понимаютъ такого рода вещи, а я желаю быть понятымъ всѣми.

Во-первыхъ, могутъ возразить, что, согласно вышеприведеннымъ началамъ, все то, что реально и субстанціально въ природѣ, изгоняется изъ міра и замѣняется химерическою схемою *идей*. Всѣ существующія вещи существуютъ лишь въ духѣ, т. е. только мыслимы. Во что же обратятся солнце, луна и звѣзды? Что должны мы думать о домахъ, горахъ, рѣкахъ, деревьяхъ, камняхъ, даже о нашихъ собственныхъ тѣлахъ? Неужели это не болѣе, какъ химеры или обманы воображенія? Я отвѣчаю на это и на всѣ подобныя возраженія, что, принимая вышеизложенныя начала, мы не теряемъ ни одной вещи въ природѣ. Все, что мы видимъ, осязаемъ, слышимъ или такъ или иначе воспринимаемъ или мыслимъ, останется столь же достовѣрнымъ и реальнымъ, какимъ оно когда либо было. Существуетъ совокупность *rerum naturae* (вещей природы), и различіе между реальностями и химерами сохраняетъ полную свою силу. Это ясно вытекаетъ изъ отдѣловъ 29-го, 30-го и 33-го, гдѣ объяснено, что именно слѣдуетъ понимать подъ *реальными вещами* въ противоположность *химерамъ* или нами самими образованнымъ идеямъ; но и тѣ и другія существуютъ одинаково въ духѣ и въ этомъ смыслѣ суть одинаково *идеи*.

35. Я не отрицаю существованія ни одной вещи, которую мы можемъ воспринять посредствомъ ощущенія или рефлексіи. Въ томъ, что вещи, которыя я

вижу моими глазами или осязаю моими руками, дѣйствительно существуютъ, я отнюдь не сомнѣваюсь. Единственная вещь, существованіе которой мы отрицаемъ, есть то, что философы называютъ матеріею или тѣлесною субстанціею. Отъ этого отрицанія прочіе люди не потерпятъ никакого вреда, такъ какъ я вправѣ сказать, что они никогда не испытаютъ въ ней нужды. Атеисты, правда, утратятъ красивую оболочку пустого слова, служащаго для поддержки ихъ нечестія, а философы найдутъ, можетъ быть, что лишились сильнаго повода для пустословія. (Но это единственное безпокойство, возникновеніе котораго я могу усмотрѣть) *.

36. Если кто нибудь полагаетъ, что это наноситъ ущербъ существованію или реальности вещей, то онъ очень далекъ отъ пониманія того, что до сихъ поръ было предпослано мною въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, какія только были мнѣ доступны. Я повторю сказанное въ общихъ чертахъ. Существуютъ духовныя субстанціи, духи или человѣческія души, которыя, по своему усмотрѣнію, хотятъ идей или вызываютъ въ себѣ идеи; но эти идеи смутны, слабы и непостоянны сравнительно съ тѣми, которыя они воспринимаютъ въ ощущеніяхъ, и которыя, будучи запечатлѣны въ нихъ согласно извѣстнымъ правиламъ или законамъ природы, свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ суть порожденіе Духа, болѣе могущественнаго и мудраго, чѣмъ человѣческіе духи. Относительно этихъ послѣднихъ идей было сказано, что въ нихъ болѣе реальности, чѣмъ въ первыхъ,

* Исключено во 2-мъ изданіи.

подъ чѣмъ слѣдуетъ понимать, что онѣ производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, болѣе упорядочены и отчетливы и не суть фикціи воспринимающаго ихъ духа. Въ этомъ смыслѣ солнце, которое я вижу днемъ, есть реальное солнце, а то, которое я воображаю ночью, есть идея перваго. Въ указанномъ здѣсь смыслѣ слова *реальность*, очевидно, каждое растеніе, каждая звѣзда, каждый минералъ и вообще каждая часть міровой системы, есть столь же реальная вещь по нашимъ началамъ, какъ и по всякимъ инымъ. Понимаютъ ли другіе люди нѣчто иное, чѣмъ я, подъ терминомъ *реальность*, для рѣшенія этого вопроса я попрошу ихъ вникнуть въ собственныя мысли и осмотрѣться въ послѣднихъ.

37. Намъ возразятъ: по крайней мѣрѣ несомнѣнно удостовѣрено, что мы упраздняемъ всѣ тѣлесныя субстанціи. На это я отвѣчу, что, если слово *субстанція* берется въ популярномъ значеніи для обозначенія соединенія ощущаемыхъ качествъ, какъ-то: протяженія, вещественности, вѣса и т. п., то насъ не могутъ обвинить въ ея упраздненіи; но если оно употребляется въ философскомъ смыслѣ, какъ носитель акциденцій или качествъ внѣ духа, то я, дѣйствительно, признаю, что мы ее упраздняемъ, если только можно сказать о комъ нибудь, что онъ упраздняетъ нѣчто, никогда не имѣвшее существованія, даже воображаемаго.

38. Но вы всетаки скажете, что странно звучатъ слова: мы пьемъ и ѣдимъ идеи и одѣваемся въ идеи. Я согласенъ, что это такъ, потому что слово *идея* не употребляется въ обыкновенной рѣчи для обозначе-

нія различныхъ сочетаній ощущаемыхъ качествъ, которыя (сочетанія) называются *вещами*; и несомнѣнно, что всякое выраженіе, уклоняющееся отъ обычнаго словоупотребленія, кажется страннымъ и забавнымъ Но это не касается истины положенія, которое другими словами выражаетъ только то, что мы питаемся и одѣваемся вещами, непосредственно воспринимаемыми въ нашихъ ощущеніяхъ. Твердость и мягкость, цвѣтъ, вкусъ, теплота, фигура и тому подобныя качества, которыя составляютъ во взаимномъ соединеніи различные роды жизненныхъ припасовъ и предметовъ одежды, существуютъ, какъ было показано, только въ духѣ, которымъ они воспринимаются, и мы подразумѣваемъ только это, называя ихъ *идеями*; еслибы слово „идея“ употреблялось въ обычной рѣчи для обозначенія *вещи*, то оно не казалось бы болѣе страннымъ или забавнымъ, чѣмъ это послѣднее слово. Я защищаю не умѣстность, а истину выраженія. Поэтому, если вы согласитесь со мною, что мы ѣдимъ и пьемъ и употребляемъ для своей одежды непосредственные предметы ощущеній, которые не могутъ существовать невоспринятые или внѣ духа, то я охотно допущу, что умѣстнѣе и согласнѣе съ обычаемъ называть ихъ вещами, чѣмъ идеями.

39. Если спросятъ, зачѣмъ я употребляю тутъ слово *идея*, а не предпочитаю въ соотвѣтствіи съ обычаемъ пользоваться названіемъ *вещь*, то я отвѣчу, что поступаю такъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что терминъ *вещь* въ противоположность термину *идея* подразумѣваетъ нѣчто существующее внѣ духа; во-вторыхъ, потому, что слово *вещь* имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ *идея*, обнимая собою

духъ или мыслящія вещи также, какъ и идеи. Такъ какъ предметы ощущеній существуютъ лишь въ духѣ и лишены мысли и дѣятельности, то я предпочитаю называть ихъ словомъ *идея*, въ значеніи котораго заключаются эти признаки.

40. Но, можетъ быть, кто нибудь вздумаетъ возразить, что онъ предпочитаетъ, что бы мы ни говорили, довѣрять своимъ ощущеніямъ и не можетъ согласиться, чтобы аргументы, какъ бы они ни были правдоподобны, преобладали надъ чувственною достовѣрностью. Пусть будетъ такъ; утверждайте, сколько угодно, достовѣрность ощущеній; мы согласны дѣлать то же самое. Въ томъ, что все, что я вижу, слышу и осязаю, существуетъ, то есть, воспринимается мною, я такъ же мало сомнѣваюсь, какъ въ собственномъ бытіи. Но я не усматриваю, какъ можетъ свидѣтельство ощущенія служить доказательствомъ существованія чего либо, что не воспринимается въ ощущеніи. Мы не стоимъ за то, чтобы кто нибудь сталъ скептикомъ и пересталъ довѣрять своимъ ощущеніямъ; напротивъ, мы придаемъ имъ всевозможную силу и достовѣрность; нѣтъ началъ, болѣе противоположныхъ скептицизму, чѣмъ изложенныя нами, какъ это будетъ далѣе ясно обнаружено.

41. *Во-вторыхъ*, возразятъ, что существуетъ разница между, напримѣръ, реальнымъ огнемъ и идеею огня, между дѣйствительнымъ обжогомъ и тѣмъ, когда человѣкъ видитъ во снѣ или воображаетъ, будто обжегся. Если вы подозрѣваете, что видите лишь идею огня, суньте въ него свою руку, и вы достигнете достовѣрнаго убѣжденія. Эти и подобныя имъ возраженія могутъ быть противопоставлены на-

щимъ положеніямъ. Отвѣтъ ясно вытекаетъ изъ сказаннаго выше; и я могу только прибавить здѣсь, что если реальный огонь весьма отличается отъ идеи огня, то и реальная боль, имъ причиняемая, очень отличается отъ идеи этой самой боли; между тѣмъ никто не станетъ утверждать, будто реальная боль въ большей мѣрѣ, чѣмъ ея идея, находится или можетъ находиться въ невоспринимающей вещи или внѣ духа.

42. *Въ-третьихъ*, возразятъ, что мы въ дѣйствительности видимъ вещи внѣ насъ или на извѣстномъ разстояніи отъ насъ, и что, слѣдовательно, онѣ не могутъ существовать въ духѣ, ибо нелѣпо предполагать, что тѣ вещи, которыя видимы на разстояніи нѣсколькихъ миль, такъ же близки къ намъ, какъ наши собственныя мысли. На это я отвѣчу, что желалъ бы обратить вниманіе на то, что во снѣ мы часто воспринимаемъ вещи, какъ будто онѣ существуютъ на большомъ разстояніи отъ насъ, и что тѣмъ не менѣе общепризнано, что эти предметы существуютъ только въ духѣ.

43. Но для достиженія болѣе ясности въ этомъ пунктѣ слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ образомъ мы воспринимаемъ посредствомъ зрѣнія разстоянія и отдаленныя отъ насъ вещи. Ибо то, что мы дѣйствительно видимъ внѣшнее пространство и дѣйствительно существующія въ немъ тѣла, одни ближе, другія дальше отъ насъ, повидимому, нѣсколько противорѣчитъ сказанному выше, что они не существуютъ нигдѣ внѣ духа. Соображенія объ этомъ затрудненіи именно и породили мой недавно изданный *Опытъ новой теоріи зрѣнія*, въ коемъ доказывается,

что разстояніе или внѣшность сама по себѣ не воспринимается непосредственно зрѣніемъ, равнымъ образомъ не схватывается или оцѣняется на основаніи линій и угловъ или чего нибудь необходимо связаннаго съ нею; но что она лишь внушается нашимъ мыслямъ нѣкоторыми видимыми идеями и ощущеніями, сопровождающими зрѣніе, которыя по своей собственной природѣ не имѣютъ ни сходства, ни отношенія съ разстояніемъ, ни съ вещами на разстояніи; но посредствомъ связи, которую мы узнаемъ на опытѣ, они означаютъ и внушаютъ ихъ намъ такъ же точно, какъ слова какого нибудь языка внушаютъ идеи, для замѣны которыхъ они составлены. Такимъ образомъ слѣпорожденный, пріобрѣвшій впослѣдствіи зрѣніе, первоначально не думаетъ, что видимыя имъ вещи находятся внѣ его духа или на какомъ либо разстояніи отъ него (см. отд. 41 упомянутаго трактата) *.

44. Идеи зрѣнія и осязанія составляютъ два совершенно разнородныхъ и раздѣльныхъ вида. Первыя суть знаки вторыхъ и предувѣдомленія о нихъ. Мы указали въ томъ трактатѣ, что предметы собственно зрѣнія не существуютъ внѣ духа и не составляютъ изображенія внѣшнихъ вещей.

* „Изъ того, что было изложено выше, очевидно, слѣдуетъ, что слѣпорожденный человѣкъ, ставшій зрячимъ, первоначально не будетъ имѣть зрительной идеи разстоянія: солнце и звѣзды, отдаленнѣйшіе предметы, какъ и ближайшіе, будутъ казаться ему всѣ въ его глазу или, правильнѣе, въ его духѣ. Предметы его зрѣнія будутъ казаться ему (какъ оно и дѣйствительно есть) не чѣмъ инымъ, какъ новымъ рядомъ мыслей или ощущеній, каждый столь же близкимъ ему, какъ воспріятія страданія или удовольствія или самыя внутреннія состоянія его души“. (См. An essay toward a new theory of vision, отд. 41).

правда, также предполагается за истину противоположное относительно осязаемыхъ предметовъ, но не потому, чтобы предположеніе этого вульгарнаго заблужденія было необходимо для обоснованія высказанныхъ тамъ взглядовъ, а только потому, что выходило за предѣлы моего намѣренія разсматривать и опровергать это заблужденіе въ трактатѣ о *зрѣніи*. Такимъ образомъ, строго говоря, идеи зрѣнія, коль скоро мы при ихъ посредствѣ познаемъ разстояніе и отдаленныя отъ насъ вещи, не свидѣтельствуютъ намъ о вещахъ, которыя дѣйствительно существуютъ на разстояніи, ниже означаютъ ихъ, но лишь внушаютъ намъ, какія осязательныя идеи возникнутъ въ нашемъ духѣ чрезъ такой и такой-то промежутокъ времени и впослѣдствіе такихъ и такихъ-то дѣйствій. Это, говорю я, очевидно послѣ того, что было сказано въ предыдущихъ частяхъ этого сочиненія, а также въ отдѣлѣ 147 и другихъ „Опыта о зрѣніи", а именно, что идеи зрѣнія суть языкъ, посредствомъ коего Верховный Духъ, отъ Котораго мы зависимъ, увѣдомляетъ насъ, какія осязательныя идеи Онъ намѣренъ запечатлѣть въ насъ въ томъ случаѣ, когда мы производимъ то или другое движеніе нашего собственнаго тѣла. Желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ я отсылаю къ самому „Опыту" *.

* „Вообще я полагаю, что мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что предметы собственно зрѣнія составляютъ всеобщій языкъ природы, научающій насъ, какъ управлять нашими дѣйствіями для достиженія тѣхъ вещей, которыя необходимы для сохраненія и благосостоянія нашихъ тѣлъ, равно какъ для избѣжанія всего того, что можетъ быть болѣзненно и разрушительно для нихъ. Именно такимъ указаніемъ мы

45. *Въ-четвертыхъ*, возразятъ, что изъ вышеизложенныхъ началъ слѣдуетъ, будто вещи ежемгновенно уничтожаются и создаются вновь. Предметы ощущеній существуютъ лишь тогда, когда они воспринимаются; слѣдовательно, деревья суть въ саду или стулья въ комнатѣ только, пока тамъ есть кто-нибудь, чтобы ихъ воспринимать. Я закрываю глаза—и все убранство комнаты превратится въ ничто; мнѣ стоитъ открыть ихъ—и оно снова создастся. Въ отвѣтъ на все это я отсылаю читателя къ сказанному въ отд. 3-мъ, 4-мъ и др., и желаю, чтобы онъ потрудился сообразить, понимаетъ ли онъ подъ дѣйствительнымъ существованіемъ идеи что нибудь отличное отъ ея воспринимаемости. Съ своей стороны послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія, какое я могу сдѣлать, я не въ состояніи открыть какое нибудь иное значеніе этихъ словъ; и я еще разъ прошу читателя изслѣдовать свои собственныя мысли и не допускать, чтобы его вводили въ заблужденіе словами. Если онъ представитъ себѣ возможнымъ, чтобы его идеи или ихъ первообразы существовали, не будучи восприняты, я уступаю ему во всемъ; но если онъ не можетъ этого сдѣлать, то онъ долженъ согласиться, что неразумно упорствовать въ защитѣ того, чего онъ самъ не знаетъ, и въ признаніи съ моей

главнымъ образомъ и руководствуемся во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ жизни. И способъ, коимъ оно означаетъ и отмѣчаетъ въ насъ предметы, находящіеся на разстояніи, таковъ же, какъ и условныхъ человѣческихъ языковъ и знаковъ, которые не сообщаютъ намъ объ означаемыхъ вещахъ посредствомъ природнаго сходства или тожества, но лишь чрезъ привычную связь между ними, наблюдать которую побуждаетъ насъ опытъ“. (New theory of vision, 147).

стороны за нелѣпость несогласія присоединиться къ положенію, въ концѣ концовъ неимѣющему смысла.

46. Нельзя при этомъ не замѣтить, въ какой мѣрѣ самимъ господствующимъ философскимъ началамъ можно поставить въ упрекъ эти мнимыя несообразности. Находятъ совершенно нелѣпымъ, что всѣ окружающіе меня видимые предметы обращаются въ ничто, коль скоро я закрываю глаза, а развѣ не то же самое признается обычно философами, когда они соглашаются съ тѣмъ, что свѣтъ и цвѣта, которые суть единственно собственные и непосредственные объекты зрѣнія, суть лишь ощущенія, которыя существуютъ только, пока они воспринимаются? Засимъ, можетъ быть, инымъ покажется невѣроятнымъ, чтобы вещи ежемгновенно создавались, а между тѣмъ это положеніе составляетъ обычное ученіе школъ. Ибо школьные философы, хотя и признаютъ, что матерія существуетъ, и что все міроздание образовано изъ нея, тѣмъ не менѣе держатся мнѣнія, что оно не можетъ существовать безъ божественной охраны, которую они понимаютъ, какъ безпрерывное творчество.

47. Далѣе весьма небольшого размышленія достаточно, чтобы обнаружить намъ, что хотя бы мы и допустили существованіе матеріи или тѣлесной субстанціи, то изъ общепризнанныхъ нынѣ началъ неизбѣжно слѣдуетъ, что изъ отдѣльныхъ тѣлъ, какого рода бы они ни были, не существуетъ ни одного, пока оно не воспринимается. Ибо изъ отд. 11-го и сл. очевидно, что матерія, существованіе которой утверждается философами, есть нѣчто непознаваемое, не имѣющее ни одного изъ тѣхъ частныхъ качествъ,

посредствомъ коихъ отличаются между собою воспринимаемыя нашими ощущеніями тѣла. Но, чтобы сдѣлать это болѣе яснымъ, должно замѣтить, что въ настоящее время безконечная дѣлимость матеріи признается всѣми, по крайней мѣрѣ самыми авторитетными и значительными философами, которые неопровержимо доказываютъ ее на основаніи общепризнанныхъ началъ. Изъ этого слѣдуетъ, что каждая частица матеріи содержитъ въ себѣ безконечное множество частицъ, воспринимаемыхъ въ ощущеніяхъ. Поэтому причина, вслѣдствіе которой единичное тѣло представляется намъ въ конечномъ размѣрѣ или обнаруживаетъ ощущенію только конечное число частицъ, заключается не въ томъ, что оно не содержитъ ихъ болѣе (такъ какъ оно должно само по себѣ содержать безконечное число частицъ), а въ томъ, что ощущенія не имѣютъ достаточной остроты для ихъ различенія. По мѣрѣ того, какъ ощущеніе становится острѣе, въ немъ воспринимается большее число частицъ предмета, т. е. предметъ является бо́льшимъ, и его фигура измѣняется, такъ какъ частицы по его краямъ, которыя раньше были невоспринимаемы, теперь являются какъ ограничивающими его линіями и углами, весьма отличающимися отъ тѣхъ, которыя были восприняты въ болѣе тупыхъ ощущеніяхъ. И наконецъ тѣло должно показаться безконечнымъ послѣ различныхъ измѣненій въ величинѣ и очертаніяхъ; когда ощущеніе станетъ безконечно-острымъ. Во время этихъ процессовъ измѣненіе происходитъ не въ тѣлѣ, а только въ ощущеніи. Слѣдовательно, каждое тѣло, разсматриваемое само по себѣ, безконечно-протяженно и, стало быть,

не имѣетъ очертанія фигуры. Изъ этого слѣдуетъ, что если даже допустить вполнѣ несомнѣнное существованіе матеріи, то сами матеріалисты будутъ принуждены, на основаніи своихъ собственныхъ началъ, признать, что ни единичныя ощущаемыя тѣла, ни что либо подобное имъ не могутъ существовать внѣ духа. Матерія, говорю я, и каждая ея частица согласно ихъ началамъ безконечны и безформенны, и лишь дѣйствіемъ духа образуется все то разнообразіе тѣлъ, которое составляетъ видимый міръ, при чемъ каждая изъ нихъ существуетъ только, пока воспринимается.

48. Но засимъ, если вникнуть въ дѣло точнѣе, окажется, что изложенное въ отд. 45-мъ возраженіе можетъ считаться обоснованнымъ на вышеприведенныхъ нами началахъ и потому, собственно говоря, вовсе не можетъ считаться возраженіемъ противъ нашихъ взглядовъ. Ибо хотя мы дѣйствительно считаемъ предметы ощущеній не чѣмъ инымъ, какъ идеями, которыя не могутъ существовать невоспринимаемыя, мы не можемъ заключить отсюда, что они существуютъ лишь дотолѣ, доколѣ нами воспринимаются, потому что можетъ существовать нѣкоторый другой духъ, который воспринимаетъ ихъ въ то время, когда мы этого не дѣлаемъ. Слѣдовательно, когда говорится, что тѣла не существуютъ внѣ духа, то слѣдуетъ разумѣть послѣдній, не какъ тотъ или другой единичный духъ, но какъ всю совокупность духовъ. Поэтому изъ вышеизложенныхъ началъ не слѣдуетъ, чтобы тѣла ежемгновенно уничтожались и создавались вновь или вообще вовсе не существо-

вали въ промежутки времени между нашими восприятіями ихъ.

49. *Въ-пятыхъ*, возразятъ, можетъ быть, что если протяженіе и фигура существуютъ только въ духѣ, то отсюда слѣдуетъ, что духъ протяженъ и имѣетъ фигуру; ибо протяженіе есть модусъ или аттрибутъ, который (говоря языкомъ школы) составляетъ предикатъ того субъекта, въ коемъ онъ существуетъ. Я отвѣчаю на это, что эти качества находятся въ духѣ лишь постольку, поскольку они воспринимаются имъ, т. е. не въ видѣ *модуса* или *аттрибута*, а лишь въ видѣ *идеи*; и заключеніе, будто душа или духъ протяженны, столь же мало слѣдуетъ изъ того, что протяженіе существуетъ только въ духѣ, какъ и заключеніе о его красномъ или синемъ цвѣтѣ—изъ того, что эти цвѣта, по общему признанію, существуютъ въ духѣ, и нигдѣ болѣе. Что же касается до того, что говорится философами о субъектѣ и модусѣ, то все это представляется неосновательнымъ и непонятнымъ. Напр., въ предложеніи: „кубъ твердъ, протяженъ и ограниченъ квадратами“ они полагаютъ, что слово *кубъ* обозначаетъ субъектъ или субстанцію, отличную отъ твердости, протяженія и фигуры, существующихъ въ ней. Этого я не могу понять; для меня кубъ не представляется чѣмъ нибудь отличнымъ отъ того, что обозначается его модусами или акциденціями. И сказать: кубъ протяженъ, твердъ и ограниченъ квадратами, не значитъ приписать эти свойства отличному отъ нихъ и несущему ихъ субъекту, но лишь объяснить значеніе слова „кубъ“.

50. *Въ-шестыхъ*, вы скажете, что есть много ве-

щей, объяснимыхъ посредствомъ матеріи и движенія; при отрицаніи ихъ разрушается вся философія частичнаго строенія тѣлъ, и подрываются тѣ механическія начала, которыя были съ такимъ успѣхомъ примѣняемы къ объясненію явленій. Словомъ сказать, какіе бы шаги ни были сдѣланы какъ древними, такъ и новыми философами въ дѣлѣ изученія природы, всѣ они исходятъ отъ предположенія, что тѣлесная матерія или субстанція дѣйствительно существуетъ. На это я отвѣчаю, что нѣтъ ни одного явленія, объяснимаго этимъ предположеніемъ, которое (явленіе) не могло бы быть объяснено безъ него, что легко доказать наведеніемъ отъ частностей. Объяснить явленіе значитъ не что иное, какъ показать, почему при такихъ-то обстоятельствахъ въ насъ возникаютъ такія-то и такія-то идеи. Но какимъ образомъ матерія можетъ дѣйствовать на духъ или вызвать въ немъ какую либо идею, этого никакой философъ не возьмется объяснить. Поэтому очевидно, что признаніе матеріи не приноситъ никакой пользы въ естествовѣдѣніи. Притомъ люди, пытающіеся объяснить вещи, основываютъ свои объясненія не на тѣлесной субстанціи, а на фигурѣ, движеніи и другихъ свойствахъ, которыя въ дѣйствительности суть не болѣе, какъ идеи, и потому не могутъ служить причиною чего либо, какъ было уже показано (см. отд. 25-й).

51. *Въ-седьмыхъ*, по этому поводу спросятъ, не покажется ли нелѣпостью упразднять естественныя причины и приписывать все непосредственному дѣйствію духовъ. Слѣдуя нашимъ началамъ, мы не должны болѣе говорить, что огонь грѣетъ, вода

охлаждаетъ, но что духъ грѣетъ и т. д. Развѣ не станутъ смѣяться надъ человѣкомъ, который будетъ выражаться такимъ образомъ? Я отвѣчу: „да, онъ будетъ осмѣянъ; о такихъ вещахъ мы должны мыслить, какъ ученые, а говорить, какъ толпа". Люди, убѣдившіеся на основаніи доказательствъ въ истинѣ системы Коперника, тѣмъ не менѣе говорятъ: „Солнце встаетъ", „солнце заходитъ", „солнце достигаетъ меридіана"; еслибы они употребляли противоположный способъ выраженія въ обычной рѣчи, это показалось бы, безъ сомнѣнія, весьма смѣшнымъ. Нѣкоторая доля размышленія о томъ, что здѣсь сказано, ясно покажетъ, что обычное словоупотребленіе не претерпитъ никакого измѣненія или разстройства отъ принятія нашихъ мнѣній.

52. Въ обыденной жизни могутъ сохраняться тѣ или иныя фразы, пока онѣ вызываютъ въ насъ надлежащія чувства или расположенія къ дѣйствію въ такомъ направленіи, какъ то необходимо для нашего благосостоянія, какъ бы ложны онѣ ни были въ строгомъ и умозрительномъ смыслѣ. Это даже неизбѣжно, такъ какъ, поскольку соотвѣтствіе выраженій опредѣляется обычаемъ, рѣчь подчиняется господствующимъ мнѣніямъ, которыя не всегда бываютъ самыми вѣрными. Поэтому невозможно такъ измѣнить тенденцію и духъ того языка, на коемъ мы говоримъ, чтобы не подать повода разнымъ умникамъ къ отысканію затрудненій и несообразностей даже въ самыхъ строгихъ философскихъ разсужденіяхъ. Но добросовѣстный читатель почерпнетъ смыслъ изъ цѣли, развитія и связи данной рѣчи, относясь снисходи-

тельно къ тѣмъ неточнымъ ея оборотамъ, которые употребленіе сдѣлало неизбѣжными.

53. Что касается мнѣнія, будто не существуетъ тѣлесныхъ причинъ, то оно поддерживалось какъ въ прежнее время нѣкоторыми схоластиками, такъ и въ новѣйшее время нѣкоторыми философами, которые хотя и признаютъ, что матерія существуетъ, но считаютъ Бога единственною дѣйствующею причиною всѣхъ вещей. Эти люди уразумѣли, что между всѣми предметами ощущеній нѣтъ ни одного, который обладалъ бы силою или дѣятельностью, ему присущею, и что, слѣдовательно, это въ равной мѣрѣ справедливо относительно всякихъ тѣлъ, предполагаемыхъ существующими внѣ духа, равно какъ и непосредственныхъ предметовъ ощущеній. Но если такъ, то предположеніе, что существуетъ безчисленное множество созданныхъ вещей, которыя, по ихъ убѣжденію, не способны произвести никакого дѣйствія въ природѣ и, слѣдовательно, созданы безъ какой либо цѣли, такъ какъ Богъ могъ бы произвести что бы то ни было точно также и безъ нихъ, если даже мы допустимъ возможность такого предположенія, должно считаться, какъ я полагаю, весьма неосновательнымъ и страннымъ.

54. *Въ-восьмыхъ,* всеобщее единодушное признаніе человѣчества можетъ служить для многихъ непреодолимымъ доказательствомъ въ пользу матеріи или существованія внѣшнихъ вещей. Неужели мы должны допустить, что весь свѣтъ заблуждается? Если это даже такъ, то какой причинѣ можетъ быть приписано такое широкораспространенное и господствующее заблужденіе? На это я отвѣчаю, во-первыхъ, что

при ближайшемъ изслѣдованіи окажется, что вовсе не столь многіе, какъ предполагается, дѣйствительно увѣрены въ существованіи матеріи или вещей внѣ духа. Строго говоря, вѣрить тому, что заключаетъ въ себѣ безсмыслицу или противорѣчіе, невозможно, и я предоставляю безпристрастному изслѣдованію читателя рѣшить, принадлежатъ ли вышеупомянутыя выраженія къ этому роду или нѣтъ. Въ одномъ смыслѣ можетъ быть дѣйствительно сказано, что люди вѣрятъ въ существованіе матеріи, т. е. они поступаютъ такъ, какъ будто непосредственная причина ихъ ощущеній, которая ежеминутно оказываетъ на нихъ впечатлѣніе и такъ близко къ нимъ на-лицо, есть неощущающее и немыслящее сущее. Но чтобы они связывали съ этими словами ясный смыслъ и могли вывести изъ нихъ опредѣленное умозрительное мнѣніе, этого я не способенъ представить себѣ. Это не единственный случай, когда люди обманываютъ сами себя, воображая, что они вѣрятъ положеніямъ, которыя они часто слышатъ, хотя въ сущности въ нихъ нѣтъ никакого смысла.

55. Но, во-вторыхъ, хотя бы мы и допустили, что никакое положеніе не имѣло болѣе всеобщаго и прочнаго признанія, то это окажется весьма слабымъ доказательствомъ его истины въ глазахъ каждаго, кто приметъ въ соображеніе, какое множество предразсудковъ и ложныхъ мнѣній постоянно исповѣдуется съ величайшимъ упорствомъ неразмышляющею частью человѣчества. Было время, когда антиподы и движеніе земли считались за чудовищную нелѣпость даже учеными людьми, а если мы взвѣсимъ, какую малую часть послѣдніе составляютъ во всемъ

человѣчествѣ, то найдемъ, что еще и въ настоящее время эти понятія лишь весьма незначительно укоренились въ мірѣ.

56. Требуютъ однако, чтобы мы нашли причину этого предразсудка и объяснили его распространеніе въ мірѣ. Я отвѣчу на это, что люди, зная, что они воспринимаютъ многія идеи, которыя произведены не ими самими, поскольку онѣ возникаютъ не извнутри и не зависятъ отъ дѣйствія ихъ собственныхъ воль, полагаютъ вслѣдствіе того, что эти идеи или предметы воспріятія имѣютъ независимое отъ духа и внѣ его существованіе, не подозрѣвая даже и во снѣ, что въ этихъ словахъ кроется противорѣчіе. Но философы, ясно усматривая, что непосредственные предметы воспріятія не существуютъ внѣ духа, до извѣстной степени исправили заблужденіе толпы; однако они сами впали вмѣстѣ съ тѣмъ въ другое, представляющееся не менѣе нелѣпымъ, утверждая, будто извѣстные предметы дѣйствительно существуютъ внѣ духа или имѣютъ существованіе, отличное отъ ихъ воспринимаемости, при чемъ наши идеи суть только образы или подобія этихъ предметовъ, отпечатлѣнные послѣдними въ духѣ. И это мнѣніе философовъ происходитъ отъ той же причины, какъ и вышеупомянутое, а именно отъ сознанія, что они не сами виновники своихъ собственныхъ ощущеній, которыя извѣстны имъ съ очевидностью, какъ отпечатлѣнныя извнѣ, и поэтому должны имѣть нѣкоторую причину, отличную отъ духовъ, въ которыхъ они отпечатлѣны.

57. Но почему эти люди предполагаютъ, что идеи ощущеній вызываются въ насъ сходными съ ними

вещами, а не прибѣгаютъ къ духу, который одинъ можетъ дѣйствовать? Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что они не замѣчаютъ противорѣчія, которое кроется какъ въ предположеніи, будто существуютъ внѣ духа вещи, сходныя съ нашими идеями, такъ и въ приписаніи этимъ вещамъ силы или дѣятельности. Во-вторыхъ, тѣмъ, что Верховный Духъ, вызывающій въ нашемъ духѣ эти идеи, не отмѣченъ и не ограниченъ для нашего взора какою либо отдѣльною конечною совокупностью ощущаемыхъ идей, подобно тому, какъ человѣческіе дѣятели своей величиной, составомъ, членами и движеніями. И, въ третьихъ, тѣмъ, что Его дѣйствія правильны и единообразны. Всякій разъ, когда ходъ природы прерывается чудомъ, люди склонны признавать присутствіе высшаго дѣятеля. Но, когда мы видимъ, что вещи идутъ обычнымъ порядкомъ, онѣ не побуждаютъ насъ къ размышленію; ихъ порядокъ и сцѣпленіе, хотя онѣ служатъ доказательствомъ величайшей мудрости, могущества и благости ихъ Создателя, столь для насъ постоянны и привычны, что мы не мыслимъ ихъ, какъ непосредственныя дѣйствія *свободнаго Духа*, тѣмъ болѣе, если непостоянство и измѣнчивость дѣйствій, хотя бы они составляли нѣкоторое несовершенство, считаются нами за признакъ *свободы*.

58. *Въ-десятыхъ*, возразятъ, что установляемыя нами понятія не согласуются съ нѣкоторыми здравыми философскими и математическими истинами. Такъ, напр., движеніе земли нынѣ общепризнано астрономами за истину, основанную на самыхъ ясныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ. Но со-

гласно вышеизложеннымъ началамъ ничего подобнаго не можетъ быть. Ибо если движенie только идея, то оно не существуетъ, коль скоро оно не воспринимается, а движенie земли не воспринимается въ ощущенiяхъ. Я отвѣчаю, что это предположенie, если оно вѣрно понято, оказывается непротиворѣчащимъ изложеннымъ началамъ, ибо вопросъ, движется ли земля или нѣтъ, сводится въ дѣйствительности только къ тому, имѣемъ ли мы основанie вывести изъ наблюденiй астрономовъ то заключенie, что еслибы мы были помѣщены въ такихъ-то и въ такихъ-то обстоятельствахъ и при такомъ-то и такомъ-то положенiи и разстоянiи какъ отъ земли, такъ и отъ солнца, то мы восприняли бы первую, какъ движущуюся среди хора планетъ и представляющуюся во всѣхъ отношенiяхъ сходною съ ними; а это по установленнымъ законамъ природы, которымъ не довѣрять мы не имѣемъ причины, разумно выводится изъ явленiй.

59. Мы можемъ на основанiи опыта, который имѣемъ о ходѣ и послѣдовательности идей въ нашемъ духѣ, часто дѣлать, не скажу, сомнительныя предположенiя, но вѣрныя и хорошо обоснованныя предсказанiя относительно тѣхъ идей, которыя будутъ у насъ послѣ большого ряда дѣйствiй, и быть въ состоянiи составить правильное сужденie о томъ, что явится намъ въ случаѣ, еслибы мы находились въ обстоятельствахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ мы теперь находимся. Въ этомъ состоитъ знанie природы, пользу и достовѣрность котораго легко согласовать съ вышесказаннымъ. То же самое легко примѣнить ко всѣмъ возраженiямъ этого рода, которыя могутъ быть основаны на величинѣ

звѣздъ или другихъ открытіяхъ въ области астрономіи.

60. *Въ-одиннадцатыхъ*, спросятъ, для какой цѣли служитъ любопытная организація растеній и живой механизмъ частей тѣла животныхъ; развѣ растенія не могли бы расти и мѣнять листья и цвѣты, а животныя производить всѣ свои движенія столь же хорошо въ отсутствіи, какъ и въ присутствіи этого разнообразія внутреннихъ частей, столь изящно устроенныхъ и соединенныхъ между собою, которыя, будучи идеями, не содержатъ въ себѣ никакой силы или дѣятельности и не находятся въ необходимой связи съ дѣйствіями, имъ приписываемыми? Если есть Духъ, непосредственно производящій всякое дѣйствіе Своимъ Fiat (да будетъ!) или актомъ Своей воли, то мы принуждены признать, что все, что есть изящнаго и художественнаго въ произведеніяхъ какъ людей, такъ и природы, создано понапрасну. Согласно съ этимъ ученіемъ художникъ, хотя и сдѣлалъ пружины, колеса и весь механизмъ часовъ и приспособилъ ихъ такъ, чтобы, какъ онъ знаетъ, они производили предполагаемыя имъ движенія, но тѣмъ не менѣе долженъ думать, что вся его работа ни къ чему не служитъ, и что это—нѣкоторый умъ, который передвигаетъ стрѣлку и указываетъ часъ дня. Но если это такъ, то почему бы уму не дѣлать этого безъ того, чтобы художникъ тратилъ трудъ на изготовленіе и согласованіе механизма? Почему одинъ пустой футляръ не можетъ служить для этого такъ же хорошо, какъ и другой? И отчего происходитъ, что, въ случаѣ какой либо ошибки въ ходѣ часовъ, оказывается соотвѣтственное

разстройство въ механизмѣ, по исправленіи котораго искусною рукою все снова приходитъ въ порядокъ? То же самое можетъ быть сказано о часовомъ механизмѣ природы, большая часть котораго такъ чудесно изящна, что онъ едва распознается лучшимъ микроскопомъ. Короче, спросятъ, какое сколько нибудь допустимое объясненіе можетъ, согласно нашимъ началамъ, быть дано, или какая цѣль указана для безчисленнаго множества тѣлъ и машинъ, устроенныхъ съ величайшимъ искусствомъ, которымъ обычная философія находитъ весьма соотвѣтственное примѣненіе, и которыя служатъ для объясненія множества явленій.

61. На все это я отвѣчу, во-первыхъ, что, хотя бы и существовали нѣкоторыя затрудненія относительно образа дѣйствія Провидѣнія и употребленія, указаннаго Имъ различнымъ частямъ природы, которыхъ я не могъ бы разрѣшить при помощи вышеизложенныхъ началъ, но это возраженіе имѣетъ мало вѣса сравнительно съ истиною и достовѣрностью того, что можетъ быть доказано a priori съ величайшею очевидностью и строгостью доказательства. Во-вторыхъ, и господствующія начала вовсе не свободны отъ подобныхъ затрудненій, потому что также точно можно спросить, съ какою цѣлью Богъ избралъ такой окольный путь производить посредствомъ инструментовъ и машинъ вещи, которыя, чего никто не отрицаетъ, Онъ могъ бы создать простымъ рѣшеніемъ Своей воли, безъ всего этого аппарата. При ближайшемъ разсмотрѣніи окажется даже, что возраженіе можетъ быть съ большею силою обращено на тѣхъ, кто признаетъ существованіе этихъ машинъ внѣ духа,

потому что вполнѣ убѣдительно доказано, что вещественность, величина, фигура, движеніе и т. под. не заключаютъ въ себѣ *активности* или *дѣйствующей силы*, при помощи которой онѣ были бы въ состояніи произвести какое нибудь дѣйствіе въ природѣ (см. отд. 25). Слѣдовательно, тотъ, кто признаетъ, что онѣ существуютъ невоспринятыя (если допустить такую возможность), дѣлаетъ это, очевидно, безцѣльно, такъ какъ единственная цѣль, приписываемая имъ въ ихъ невоспринимаемомъ существованіи, состоитъ въ произведеніи тѣхъ воспринимаемыхъ дѣйствій, которыя въ дѣйствительности могутъ быть приписаны только духу.

62. Но если вникнуть ближе въ это затрудненіе, то окажется, что хотя устройство всѣхъ этихъ частей и органовъ не безусловно необходимо для произведенія какого нибудь дѣйствія, но оно необходимо для произведенія вещей постояннымъ и правильнымъ путемъ согласно законамъ природы. Существуютъ извѣстные общіе законы для всей цѣпи естественныхъ дѣйствій; они изучаются посредствомъ наблюденія и изслѣдованія природы, и люди примѣняютъ ихъ какъ къ произведенію искусственныхъ вещей на пользу и украшеніе жизни, такъ и къ объясненію различныхъ явленій, которое состоитъ только въ указаніи соотвѣтствія какого либо отдѣльнаго явленія общимъ законамъ природы, или, что то же самое, въ открытіи единообразія въ произведеніи естественныхъ дѣйствій; какъ станетъ очевиднымъ для каждаго, кто обратитъ вниманіе на различные случаи, когда философы притязаютъ на объясненіе явленій. О томъ, что существуетъ большая и

явная польза въ этихъ правильныхъ, постоянныхъ методахъ, соблюдаемыхъ Верховнымъ Дѣятелемъ, сказано въ отд. 31-мъ. И не менѣе ясно, что опредѣленныя величина, фигура, движенie и распредѣленie частей необходимы если не безусловно для произведенiя нѣкотораго дѣйствiя, то для произведенiя его согласно съ постоянными механическими законами природы. Такъ, напр., невозможно отрицать, что Богъ или тотъ Умъ, Который охраняетъ и направляетъ общiй ходъ вещей, могъ бы, еслибы вознамѣрился, совершить чудо, произвести всѣ движенiя на циферблатѣ часовъ безъ того, чтобы кто либо сдѣлалъ механизмъ и пустилъ его въ ходъ; но если Онъ хочетъ дѣйствовать согласно съ законами механизма, Имъ же съ мудрыми цѣлями установленными и соблюдаемыми въ природѣ, то необходимо, чтобы тѣ дѣйствiя часовщика, коими Онъ изготовляетъ и правильно приспособляетъ механизмъ, предшествовали возникновенiю сказанныхъ явленiй, равно какъ, чтобы каждое разстройство движенiй было связано съ воспрiятiемъ нѣкотораго соотвѣтственнаго разстройства механизма, по устраненiи котораго (разстройства) все снова приходило бы въ прежнiй порядокъ.

63. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ необходимо,. чтобы Творецъ природы обнаружилъ Свою верховную силу произведенiемъ какого нибудь явленiя внѣ обычнаго правильнаго хода вещей. Подобныя исключенiя изъ общихъ законовъ природы служатъ къ тому, чтобы поражать людей и внушать имъ увѣренность въ бытiи Бога; но это средство должно употребляться только рѣдко, потому что въ против-

номъ случаѣ есть полное основаніе признать, что оно перестанетъ производить дѣйствіе. Къ тому же Богъ, повидимому, находитъ лучшимъ избирать для убѣжденія нашего разума въ Своихъ свойствахъ произведенія природы, обнаруживающія въ своемъ строеніи столько гармоніи и искусства и такъ ясно доказывающія мудрость и благость своего Творца, чѣмъ возбуждать въ людяхъ вѣру въ Его бытіе путемъ удивленія къ чрезвычайнымъ и поражающимъ событіямъ.

64. Чтобы освѣтить яснѣе этотъ предметъ, замѣчу, что сказанное въ отд. 60-мъ въ дѣйствительности сводится лишь къ слѣдующему: идеи не происходятъ безпорядочно и случайно, но между ними существуютъ извѣстные порядокъ и связь, подобно тому, какъ между причиной и дѣйствіемъ существуютъ различныя ихъ сочетанія, составленныя чрезвычайно правильно и искусно, являющіяся подобными такому же числу орудій въ рукахъ природы, которая, какъ бы сокрытая за сценой, тайнымъ образомъ производитъ явленія, видимыя на театрѣ міра, тогда какъ она сама различима лишь любознательнымъ глазомъ философа. Но если одна идея не можетъ быть причиною другой, то къ чему служитъ эта связь? И если эти орудія, будучи лишь *недѣятельными воспріятіями* духа, не служатъ для произведенія естественныхъ дѣйствій, то спрашивается, зачѣмъ они созданы, или, другими словами, какое основаніе можетъ быть приведено тому, что Богъ побуждаетъ насъ при тщательномъ изученіи Его твореній сохранять такое великое разнообразіе идей, столь искусно сопряженныхъ вмѣстѣ и столь

согласныхъ съ закономъ? Ибо нельзя вообразить *, чтобы Онъ потратилъ (если можно такъ сказать) всю эту правильность и все это искусство безцѣльно.

65. На все это я отвѣчу, во-первыхъ, что связь между идеями заключаетъ въ себѣ отношеніе не *причины* и *дѣйствія*, а только *отмѣтки* или *значка* и *вещи означаемой*. Видимый мною огонь есть не причина боли, испытываемой мною при приближеніи къ нему, но только предостерегающій меня отъ нея значекъ. Равнымъ образомъ шумъ, который я слышу, есть не слѣдствіе того или иного движенія или столкновенія окружающихъ тѣлъ, но ихъ значекъ. Во-вторыхъ, основаніе, по которому изъ идей образуются машины, т. е. искусственныя и правильныя соединенія, то же самое, что и для соединенія буквъ въ слова. Для того, чтобы немногія первоначальныя идеи могли служить для обозначенія большого числа дѣйствій, необходимо, чтобы онѣ были разнообразно сочетаны вмѣстѣ; а для того, чтобы ихъ употребленіе было постоянно и всеобще, эти сочетанія должны быть сдѣланы по *правилу* и *съ мудрымъ соотвѣтствіемъ*. Такимъ путемъ мы снабжаемся обиліемъ указаній относительно того, чего мы можемъ ожидать отъ такихъ-то и такихъ-то дѣйствій, и какіе методы пригодны къ употребленію для возбужденія такихъ-то и такихъ-то идей, въ чемъ въ дѣйствительности и заключается все, что представляется мнѣ отчетливо мыслимымъ, когда говорится, что черезъ различеніе фигуры, строенія и механизма внутрен-

* Въ 1-мъ изданіи сказано: „not being imaginable", а во 2-мъ—„not being credible".

нихъ частей тѣлъ, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ, мы можемъ достигнуть познанія различныхъ употребленій и свойствъ, зависящихъ отъ нихъ, или природу вещей.

66. Отсюда очевидно, что тѣ вещи, которыя при предположеніи причины, содѣйствующей произведенію дѣйствій, совершенно необъяснимы и вовлекаютъ насъ въ большія нелѣпости, могутъ быть очень естественно объяснены и имѣютъ собственно имъ принадлежащую явную пользу, если онѣ разсматриваются только, какъ отмѣтки или значки, служащіе намъ для указаній. Именно въ отысканіи и попыткахъ пониманія этого языка (если можно такъ сказать) Творца природы должна заключаться задача естествоиспытателя, а не въ притязаніи объяснить вещи тѣлесными причинами, каковое ученіе, повидимому, слишкомъ отклонило умы людей отъ того дѣятельнаго Начала, того высшаго и премудраго Духа, „въ Коемъ мы живемъ, движемся и имѣемъ бытіе“.

67. *Въ-двѣнадцатыхъ*, быть можетъ, возразятъ, что хотя изъ всего сказаннаго и ясно, что не можетъ быть такой вещи, какъ косная, неощущающая, протяженная, вещественная, имѣющая фигуру, подвижная субстанція, существующая внѣ духа, какою философы описываютъ матерію, но что если кто либо отброситъ изъ своей идеи *матеріи* положительныя идеи протяженія, фигуры, вещественности и движенія и скажетъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ только косную, неощущающую субстанцію, которая существуетъ внѣ духа или невоспринимаемая и служитъ поводомъ къ нашимъ идеямъ, или

въ присутствіи которой Богу угодно вызывать въ насъ идеи, то не видно, почему матерія, такъ понимаемая, не могла бы существовать. На это я отвѣчу, во-первыхъ, что столь же нелѣпо предполагать субстанцію безъ акциденцій, какъ и акциденціи безъ субстанціи. Во-вторыхъ, спрашивается, если мы даже допустимъ возможность существованія этой нелѣпой субстанціи, то гдѣ же предполагается она существующею. Признано, что она существуетъ не въ духѣ; но не менѣе достовѣрно, что она не находится въ какомъ нибудь мѣстѣ, такъ какъ всякое мѣсто или протяженіе существуетъ, какъ уже доказано, только въ духѣ. Остается признать, что она вообще нигдѣ не существуетъ.

68. Подвергнемъ небольшому разсмотрѣнію данное здѣсь описаніе *матеріи*. Она ни дѣйствуетъ, ни воспринимаетъ, ни воспринимается; потому что именно это только и подразумѣвается, когда говорится, что она есть косная, неощущающая, невѣдомая субстанція, каковое опредѣленіе состоитъ изъ однихъ отрицаній, за исключеніемъ относительнаго понятія о ней, какъ объ основѣ или носителѣ. Но въ такомъ случаѣ должно замѣтить, что она совсѣмъ ничего не несетъ, и я желалъ бы, чтобы подумали, насколько близко подходитъ это описаніе къ описанію несуществующаго (nonentity). Но вы скажете, что она есть *неизвѣстный* поводъ, при наличности котораго возникаютъ въ насъ идеи по волѣ Божіей. Я хотѣлъ бы однако знать, какимъ образомъ нѣчто можетъ быть для насъ на-лицо, если оно не воспринимаемо ни ощущеніемъ, ни рефлексіею, неспособно произвести никакой идеи въ нашей душѣ, совершенно непротяженно, не имѣетъ

никакой формы и не существуетъ ни въ какомъ мѣстѣ. Слово „наличность", примѣняемое такимъ образомъ, должно имѣть нѣкоторое отвлеченное и особенное значеніе, котораго я не въ состояніи понять.

69. Засимъ разсмотримъ, что именно разумѣется подъ словомъ „поводъ". Поскольку я могу заключить изъ обычнаго словоупотребленія, оно обозначаетъ либо дѣятеля, производящаго какое нибудь дѣйствіе, либо нѣчто сопровождающее дѣйствіе или предшествующее ему въ обыкновенномъ ходѣ вещей. Но оно не можетъ быть употреблено ни въ одномъ изъ этихъ значеній, коль скоро оно примѣняется къ матеріи въ вышеописанномъ смыслѣ, ибо матерія, какъ сказано, пассивна и косна и потому не можетъ быть дѣятелемъ или дѣйствующею причиною. Равнымъ образомъ она не воспринимаема, потому что лишена всѣхъ ощущаемыхъ качествъ, и потому не можетъ быть поводомъ нашихъ воспріятій во второмъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ обжогъ моего пальца называется поводомъ къ постигающей его боли. Что же подразумѣвается, когда говорятъ о матеріи, какъ о поводѣ? Этотъ терминъ употребляется либо совсѣмъ безъ смысла, либо въ такомъ смыслѣ, который далеко уклоняется отъ его обычнаго значенія.

70. Но вы, можетъ быть, скажете, что матерія хотя она не воспринимается нами, тѣмъ не менѣе воспринимается Богомъ, для Котораго она служитъ поводомъ вызывать въ нашемъ духѣ идеи. Ибо, скажете вы, такъ какъ мы наблюдаемъ, что наши ощущенія возникаютъ правильнымъ и постояннымъ

образомъ, то вполнѣ разумно предположить, что для ихъ возникновенія существуютъ извѣстные правильные и постоянные поводы. Сказать это — значитъ сказать, что существуютъ извѣстныя постоянныя и раздѣльныя части материи, соотвѣтствующія нашимъ идеямъ, которыя (части) хотя онѣ не вызываютъ идей въ нашемъ духѣ и не дѣйствуютъ на насъ какимъ либо другимъ путемъ непосредственно, такъ какъ онѣ пассивны и не воспринимаются нами, но тѣмъ не менѣе служатъ для Бога, воспринимающаго ихъ, какъ бы поводами для напоминанія Ему о томъ, когда и какія идеи слѣдуетъ запечатлѣть въ нашемъ духѣ для того, чтобы порядокъ вещей былъ постояннымъ и единообразнымъ.

71. Въ отвѣтъ на это я замѣчу, что въ томъ смыслѣ, въ какомъ здѣсь взято понятіе матеріи, вопросъ касается уже не существованія вещи, отличной отъ *духа* и *идеи*, отъ воспринимающаго и воспринимаемаго, а сводится къ тому, не существуютъ ли нѣкоторыя, неизвѣстно, какого рода идеи въ духѣ Божіемъ, каждая изъ которыхъ есть отмѣтка или значекъ, направляющій Его къ вызову въ нашемъ духѣ ощущеній по постоянному и правильному методу; подобно тому, какъ музыкантъ руководствуется музыкальными нотами для произведенія тѣхъ гармоническихъ послѣдовательности и соединенія звуковъ, которыя называются тономъ, хотя слушающіе музыку не замѣчаютъ нотъ и даже, можетъ быть совсѣмъ не имѣютъ о нихъ понятія. Однако такое понятіе матеріи (въ концѣ концовъ единственное, имѣющее смыслъ, понятіе, которое я могу извлечь изъ того, что сказано объ этихъ невѣдомыхъ пово-

дахъ) представляется слишкомъ страннымъ для того, чтобы заслуживать опроверженія. Къ тому же оно въ дѣйствительности не противорѣчитъ тому, что мы утверждали, т. е. что нѣтъ ощущающей, невоспринимаемой субстанціи.

72. Если мы послѣдуемъ указаніямъ разума, то изъ постояннаго единообразнаго хода нашихъ ощущеній мы должны вывести заключеніе о благости и премудрости Духа, который вызываетъ ихъ въ нашихъ душахъ. Но это все, что я могу отсюда разумно вывести. Для меня, говорю я, очевидно, что бытія Духа, безконечно-мудраго, благого и всемогущаго, съ избыткомъ достаточно для объясненія всѣхъ явленій природы. Но что касается *косной, неощущающей* матеріи, то ничто воспринимаемое мною не имѣетъ къ ней ни малѣйшаго отношенія и не направляетъ къ ней моихъ мыслей. И я охотно посмотрѣлъ бы, какимъ образомъ кто нибудь объяснитъ при ея помощи малѣйшее явленіе природы или приведетъ хотя бы сколько нибудь вѣроятное основаніе, которое онъ можетъ имѣть для допущенія ея существованія, или даже укажетъ сколько нибудь сносное объясненіе смысла и значенія этого предположенія. Ибо что касается признанія ея поводомъ, мы, я полагаю, съ очевидностью показали, что въ отношеніи къ намъ она не есть поводъ. Остается, стало быть, признать, что она должна быть только поводомъ для Бога къ возбужденію въ насъ идей; а къ чему это приводитъ, мы только что видѣли.

73. Стоитъ труда поразмыслить о мотивахъ, побудившихъ людей предполагать существованіе *матеріальной субстанціи*, дабы, наблюдая постепенное

прекращеніе и уничтоженіе этихъ мотивовъ или основаній, мы могли въ такой же мѣрѣ уничтожить основанное на нихъ убѣжденіе. И вотъ прежде думали, что цвѣтъ, фигура, движеніе и прочія ощущаемыя качества или акциденціи дѣйствительно существуютъ внѣ духа; и на этомъ основаніи казалось необходимымъ предполагать нѣкоторый немыслящій *субстратъ* или субстанцію, въ которомъ они существуютъ, такъ какъ они не могутъ быть мыслимы существующими сами по себѣ. Впослѣдствіи, убѣдившись съ теченіемъ времени, что цвѣта, звуки и прочія ощущаемыя вторичныя качества не существуютъ внѣ духа, лишили *субстратъ* или матеріальную субстанцію этихъ качествъ, оставивъ при немъ лишь первичныя качества—фигуру, движеніе и т. под., которыя еще продолжали мыслить существующими внѣ духа и потому нуждающимися въ поддержкѣ матеріальнаго носителя. Но такъ какъ показано, что ни одно изъ этихъ качествъ не можетъ существовать иначе, какъ въ духѣ или въ умѣ, который ихъ воспринимаетъ, то изъ этого слѣдуетъ, что мы не имѣемъ основанія предполагать существованіе матеріи; даже болѣе, что совершенно невозможно, чтобы нѣчто подобное существовало, пока это слово употребляется для обозначенія *немыслящаго субстрата* качествъ или акциденцій, въ которомъ эти послѣднія существуютъ внѣ духа.

74. Однако, хотя сами матеріалисты соглашаются, что матерія была придумана лишь для того, чтобы быть носительницею акциденцій, и что съ полнымъ прекращеніемъ этого основанія можно ожидать, что умъ естественно и безъ всякаго сопротивленія отка-

жется отъ вѣры въ то, что было построено исключительно на сказанномъ основаніи; тѣмъ не менѣе этотъ предразсудокъ такъ глубоко вкоренился въ наши мысли, что мы едва въ состояніи раздѣлаться съ нимъ и потому склонны, такъ какъ сама вещь незащитима, сохранить хотя бы названіе, которое мы примѣняемъ къ, не знаю, какому отвлеченному и неопредѣленному понятію сущаго или повода, хотя безъ всякой тѣни основанія, по крайней мѣрѣ поскольку я могу судить. Ибо что такое есть въ насъ, или что такое мы воспринимаемъ среди всѣхъ идей, ощущеній, понятій, которыя запечатлѣны въ нашемъ духѣ, посредствомъ ощущенія или рефлексіи, отъ чего можно бы было заключить къ существованію коснаго, немыслящаго, невоспринимаемаго повода? А съ другой стороны, обращаясь къ Самодовлѣющему Духу, что можетъ заставить насъ вѣрить или хотя бы предполагать, что Онъ направляется коснымъ поводомъ къ возбужденію идей въ нашемъ духѣ?

75. Весьма поразительнымъ и чрезвычайно достойнымъ сожалѣнія примѣромъ силы предразсудка служитъ то, что человѣческій духъ сохраняетъ такое сильное пристрастіе, вопреки всей очевидности разума, къ неразумному, немыслящему *нѣчто*, которое онъ вставляетъ, какъ бы нѣкоторую ширму, между собою и Божественнымъ Провидѣніемъ и тѣмъ отдаляетъ послѣднее отъ событій въ мірѣ. Но хотя бы мы сдѣлали все возможное для укрѣпленія вѣры въ матерію, хотя бы мы, коль скоро это запрещаетъ намъ разумъ, попытались основать наше мнѣніе на простой возможности вещи, и хотя бы мы дали полный просторъ нашему неуправляемому разумомъ во-

ображенію для созданія этой бѣдной возможности, то въ конечномъ результатѣ окажется только, что есть нѣкоторыя невѣдомыя идеи въ духѣ Бога; ибо если что, то только это мыслю я, какъ подразумѣваемое подъ словомъ *поводъ* въ примѣненіи къ Богу. А это значитъ въ концѣ концовъ сражаться уже не за вещь, а за названіе.

76. Существуютъ ли такія идеи въ духѣ Бога и можно ли имъ дать названіе *матеріи*,—объ этомъ я не стану спорить. Но если вы настаиваете на понятіи немыслящей субстанціи или носителя протяженія, движенія и другихъ ощущаемыхъ качествъ, то для меня съ очевидностью невозможно допустить, чтобы была такая вещь, потому что явно противорѣчиво, чтобы эти качества существовали или имѣли носителя въ невоспринимаемой субстанціи.

77. Однако, скажете вы, если даже допустить, что нѣтъ немыслящаго носителя протяженія и другихъ воспринимаемыхъ нами качествъ или акциденцій, то все же, можетъ быть, существуетъ нѣкоторая косная, невоспринимающая субстанція или *субстратъ* другихъ качествъ, которыя намъ такъ же непонятны, какъ цвѣта человѣку слѣпорожденному, потому что у насъ нѣтъ соотвѣтствующаго имъ ощущенія; но еслибы у насъ былъ новый родъ ощущеній, то возможно, что мы такъ же мало сомнѣвались бы въ существованіи этихъ качествъ, какъ слѣпой, ставшій зрячимъ, сомнѣвается въ существованіи свѣта и цвѣтовъ. Я отвѣчу, во-первыхъ, что если то, что вы разумѣете подъ словомъ *матерія*, есть лишь неизвѣстный носитель неизвѣстныхъ качествъ, то безразлично, существуетъ ли подобная вещь или нѣтъ,

такъ какъ она никоимъ образомъ не касается насъ; и я не вижу, какую пользу можетъ принести споръ о томъ, о чемъ намъ неизвѣстно, *ни что, ни какъ*.

78. Но, во-вторыхъ, еслибы у насъ былъ новый родъ ощущеній, то онъ могъ бы снабдить насъ только новыми идеями или ощущеніями; и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы то же самое основаніе отрицать ихъ существованіе въ невоспринимающей субстанціи, какое было уже приведено относительно фигуры, движенія, цвѣта и т. п. Качества, какъ показано, суть не что иное, какъ *ощущенія* или *идеи*, существующія лишь въ воспринимающемъ ихъ *духѣ*, и это справедливо не только о тѣхъ идеяхъ, которыми мы теперь обладаемъ, но въ равной мѣрѣ о всѣхъ возможныхъ идеяхъ, каковы бы онѣ ни были.

79. Однако вы будете настаивать на томъ, что если для васъ даже нѣтъ основанія вѣрить въ существованіе матеріи и возможности указать какое нибудь употребленіе ея или объяснить что либо посредствомъ нея, или даже понять, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ, то всетаки не будетъ противорѣчіемъ сказать, что матерія существуетъ, и что эта матерія есть вообще *субстанція* или поводъ къ идеямъ, хотя въ дѣйствительности разобраться въ этомъ мнѣніи или примкнуть къ опредѣленному объясненію этихъ словъ можно лишь съ большими затрудненіями. Я отвѣчу: употребляя слова безъ смысла, вы можете ихъ сопоставлять, какъ вамъ угодно, безъ опасенія впасть въ противорѣчіе. Вы можете, напр., сказать, что дважды два равно семи, коль скоро вы заявили, что употребляете слова этого предложенія не въ ихъ обычномъ смыслѣ, а для обо-

значенія чего-то вамъ неизвѣстнаго. И по тому же основанію вы можете сказать, что есть косная, лишенная мысли, субстанція безъ акциденцій, которая служитъ поводомъ къ нашимъ идеямъ. Одно предложеніе будетъ для насъ столь же понятно, какъ и другое.>

80. *Наконецъ* вы скажете: а если мы откажемся отъ матеріальной субстанціи и подставимъ вмѣсто нея матерію, какъ неизвѣстное *нѣчто*, ни субстанцію, ни акциденцію, ни духъ и ни идею, косную, немыслящую, недѣлимую, неподвижную, непротяженную и несуществующую ни въ какомъ мѣстѣ? Ибо, скажете вы, какое либо возраженіе противъ *субстанціи* или *повода*, или какого другого положительнаго или относительнаго понятія матеріи вовсе не имѣетъ мѣста, коль скоро мы примыкаемъ къ этому *отрицательному* опредѣленію матеріи. Я отвѣчу: вы можете, если это нравится вамъ, употреблять слово „матерія" въ томъ смыслѣ, въ какомъ другіе люди употребляютъ слово „ничто", и такимъ образомъ дѣлать эти термины однозначущими въ вашемъ способѣ выраженія. Ибо въ концѣ концовъ такимъ мнѣ представляется результатъ этого опредѣленія, части котораго, когда я внимательно разсматриваю ихъ какъ въ совокупности, такъ и въ отдѣльности одна отъ другой, не производятъ, какъ я нахожу, на мой духъ какого либо дѣйствія или впечатлѣнія, отличнаго отъ вызываемаго терминомъ *ничто*.

81. Вы, можетъ быть, возразите, что въ предыдущемъ опредѣленіи заключается что-то, достаточно отличающее его отъ „ничто", а именно положитель-

ная отвлеченная идея *„нѣчто“* *, *„бытности“* ** или *существованія.* Я признаю, конечно, что люди, притязающіе на способность образовать отвлеченныя общія идеи, говорятъ такимъ образомъ, какъ будто у нихъ имѣется такая идея, которая есть, по ихъ словамъ, отвлеченнѣйшее и самое общее изъ всѣхъ понятій, т. е., съ моей точки зрѣнія, самое непонятное изъ всѣхъ. Что существуетъ большое разнообразіе духовъ различныхъ порядковъ и дарованій, способности которыхъ и по числу, и по размѣру далеко превосходятъ тѣ, которыми Творецъ моего бытія надѣлилъ меня,—этого я не вижу основанія отрицать и притязать съ моей стороны опредѣлять по моей собственной малой, ограниченной и тѣсной области воспріятій, какія идеи неисчерпаемая сила Верховнаго Духа можетъ запечатлѣть въ этихъ духахъ, было бы, конечно, величайшимъ безуміемъ и дерзостью, ибо можетъ существовать, насколько я въ состояніи судить объ этомъ, безчисленное множество родовъ или ощущеній, столь же отличныхъ одинъ отъ другого и отъ всего воспринятаго мною, какъ цвѣта отличаются отъ звуковъ. Но при всей моей готовности признать ограниченность моего познанія въ отношеніи къ безконечному, могущему существовать, разнообразію духовъ и идей, тѣмъ не менѣе признаніе того, чтобы хотя одинъ изъ нихъ могъ притязать на понятіе о бытности или существованіи, *отвлеченномъ* отъ *духа* и *идеи*, отъ воспріятія и воспринимаемости, есть, я подразумѣваю, полнѣйшее противорѣчіе и игра словами. Теперь намъ остается

* Въ подлинникѣ *quiddity.*
** Въ подлинникѣ *entity.*

разсмотрѣть возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы во имя религіи.

82. Иные думаютъ, что хотя доводы въ пользу реальнаго существованія тѣлъ, основанные на разумѣ, и должны быть признаны недостаточно доказательными, тѣмъ не менѣе священное писаніе выражается настолько ясно въ этомъ отношеніи, что этого вполнѣ достаточно для убѣжденія каждаго добраго христіанина въ томъ, что тѣла существуютъ въ дѣйствительности и суть нѣчто большее, чѣмъ идеи, такъ какъ въ священномъ писаніи сообщается безчисленное множество фактовъ, очевидно, предполагающихъ реальность дерева и камня, горъ и рѣкъ, городовъ и человѣческихъ тѣлъ. На это я отвѣчу, что никакое писаніе, священное или свѣтское, если въ немъ употребляются эти или подобныя слова въ ихъ обычномъ значеніи или такъ, чтобы они имѣли смыслъ, не испытаетъ опасности быть подвергнутымъ сомнѣнію черезъ наше ученіе. Что всѣ эти вещи дѣйствительно существуютъ, что есть тѣла, даже тѣлесныя субстанціи (если употреблять эти слова въ обычномъ смыслѣ), согласуется, какъ было показано, съ нашими началами; и различіе между *вещами* и *идеями*, *реальностями* и *химерами* было отчетливо объяснено (см. отд. 29, 30, 33, 36 и т. д.). И я не думаю, чтобы то, что философы называютъ *матеріею*, или существованіе предметовъ внѣ духа было гдѣ либо упоминаемо въ писаніи.

83. Далѣе, есть ли внѣшнія вещи или нѣтъ ихъ, всѣми признается, что собственное назначеніе словъ заключается въ обозначеніи нашихъ понятій или вещей, поскольку они извѣстны и восприняты; от-

куда явно слѣдуетъ, что въ вышеизложенныхъ положеніяхъ нѣтъ ничего несовмѣстимаго съ правильнымъ употребленіемъ и значеніемъ *языка*, и что рѣчь, какого бы рода она ни была, поскольку она понятна, остается во всей своей силѣ. Но все это кажется настолько очевиднымъ послѣ того, что было столь обильно приведено въ нашихъ посылкахъ, что безцѣльно долѣе останавливаться на этомъ.

84. Но могутъ возразить, что чудеса по крайней мѣрѣ утратятъ много силы и значенія вслѣдствіе нашихъ началъ. Что мы должны думать о жезлѣ Моисея? Не превратился ли онъ дѣйствительно въ змѣя, или это было лишь измѣненіемъ въ духѣ зрителей? И можно ли предположить, что нашъ Спаситель на брачномъ пиршествѣ въ Канѣ ограничился такимъ воздѣйствіемъ на зрѣніе, обоняніе и вкусъ гостей, что вызвалъ въ нихъ видимость или лишь идею вина? То же самое можетъ быть сказано о всѣхъ прочихъ чудесахъ, которыя, согласно вышеизложеннымъ началамъ, должны быть разсматриваемы каждое, какъ обманъ или иллюзія воображенія. На это я отвѣчу, что жезлъ былъ превращенъ въ дѣйствительную змѣю, а вода—въ дѣйствительное вино. Что это нисколько не противорѣчитъ сказанному мною въ иныхъ мѣстахъ, очевидно изъ отд. 34-го и 35-го. Но этотъ вопросъ о *реальномъ* и *воображаемомъ* былъ уже такъ ясно и подробно разъясненъ, я такъ часто возвращался къ нему, и всѣ затрудненія относительно него такъ легко разрѣшаются на основаніи вышеизложеннаго, что было бы оскорбленіемъ для пониманія читателя резюмировать здѣсь эти разъясненія. Я замѣчу только, что если всѣ присутствовавшіе за

столомъ видѣли, обоняли, вкушали и пили вино и испытывали его дѣйствіе, то, по-моему, не можетъ быть сомнѣнія въ его реальности; такъ что въ сущности сомнѣніе касательно реальности чудесъ имѣетъ мѣсто съ точки зрѣнія вовсе не нашихъ, а господствующихъ началъ, и, слѣдовательно, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ отрицаетъ то, что было сказано.

85. Покончивъ съ возраженіями, которыя я старался изложить какъ можно яснѣе и придать имъ всю ту силу и весь тотъ вѣсъ, какіе я только могъ, обратимся ближайшимъ образомъ къ послѣдствіямъ нашихъ положеній. Нѣкоторыя изъ нихъ бросаются тотчасъ въ глаза, такъ какъ тѣ различные затруднительные и темные вопросы, на которые потрачено такое изобиліе умозрѣнія, совершенно изгоняются изъ философіи. „Можетъ ли тѣлесная субстанція мыслить", „дѣлима ли матерія до безконечности" и „какъ она дѣйствуетъ на духъ?" — эти и подобныя изслѣдованія во всѣ времена давали безчисленныя занятія философамъ; но, завися отъ существованія матеріи, не имѣютъ болѣе мѣста при признаніи нашихъ началъ. Есть много другихъ преимуществъ и для религіи, и для наукъ, которыя легко можетъ вывести всякій изъ того, что предпослано; но это обнаружится яснѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

86. Изъ вышеизложенныхъ нами началъ слѣдуетъ, что человѣческое знаніе естественно раздѣляется на двѣ области—знаніе *идей* и знаніе *духовъ*; о каждой изъ нихъ скажу по порядку и, во-первыхъ, объ идеяхъ или немыслящихъ вещахъ. Наше знаніе ихъ было чрезвычайно затемнено и спутано, и мы были вовлечены въ весьма опасныя заблужденія предположе-

ніемъ двоякаго существованія ощущаемыхъ предметовъ,—*мыслимаго* въ духѣ и *реальнаго* внѣ духа; вслѣдствіе чего немыслящія вещи признавались имѣющими естественное существованіе сами въ себѣ отличное отъ ихъ воспринимаемости духами. Это мнѣніе, неосновательность и нелѣпость котораго, если я не ошибаюсь, была мною доказана, открываетъ прямой путь къ скептицизму, потому что, пока люди думаютъ, что реальныя вещи существуютъ внѣ духа, и что ихъ знаніе *реально* лишь постольку, поскольку оно соотвѣтствуетъ *реальнымъ вещамъ*, до тѣхъ поръ оказывается, что не можетъ быть удостовѣрено, есть ли вообще какое нибудь реальное знаніе. Ибо какимъ образомъ можно узнать, что воспринимаемыя вещи соотвѣтствуютъ вещамъ невоспринимаемымъ или существующимъ внѣ духа?

87. Цвѣтъ, фигура, движеніе, протяженіе и т. п., разсматриваемыя нами только, какъ ощущенія духа, вполнѣ извѣстны, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего, что не было бы воспринимаемо. Но если на нихъ смотрѣть, какъ на значки или изображенія, относящіеся къ *вещамъ* или *первообразамъ* вещей, существующимъ внѣ духа, то мы всѣ впадаемъ въ скептицизмъ. Мы наблюдаемъ только видимость, а не реальныя качества вещей. Что такое протяженность, фигура или движеніе чего либо реально и безусловно или сами въ себѣ, намъ невозможно знать, но возможно знать лишь пропорцію или отношеніе ихъ къ нашимъ ощущеніямъ. Вещи остаются тѣми же самыми, а наши идеи измѣняются, и какія изъ этихъ идей представляютъ и представляютъ ли какія либо изъ нихъ истинное качество, дѣйствительно суще-

ствующее въ вещи,—рѣшеніе этого вопроса превышаетъ наши силы. Такимъ образомъ, насколько мы можемъ судить, все, что мы видимъ, слышимъ и осязаемъ, есть, можетъ быть, лишь призракъ и пустая химера и никоимъ образомъ не согласуется съ дѣйствительными вещами, существующими въ *rerum natura*. Вся эта скептическая болтовня вытекаетъ изъ предположенія, будто существуетъ различіе между *вещами* и *идеями*, и будто первыя имѣютъ бытіе внѣ духа или невоспринятыя. Было бы легко распространиться на эту тему и показать, въ какой мѣрѣ аргументы, употребляемые скептиками во всѣ времена, зависѣли отъ предположенія внѣшнихъ предметовъ. (Но это слишкомъ явно для того, чтобы на немъ стоило настаивать) *.

88. Покуда мы приписываемъ немыслящимъ вещамъ дѣйствительное существованіе, отличное отъ ихъ воспринимаемости, для насъ не только невозможно познать съ очевидностью природу какой нибудь реальной немыслящей вещи, но даже и то, что подобная вещь существуетъ. Отъ этого и происходитъ, какъ мы видимъ, что философы не довѣряютъ своимъ ощущеніямъ и сомнѣваются въ существованіи неба и земли и всего, что они видятъ и осязаютъ, и даже своихъ собственныхъ тѣлъ. И послѣ всей ихъ тяжелой работы и борьбы мысли они принуждены сознаться, что мы не въ состояніи достигнуть самоочевиднаго или основаннаго на доказательствахъ познанія существованія ощущаемыхъ вещей. Но вся эта сомнительность, столь путающая и сму-

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

щающая умъ и дѣлающая философію смѣшною въ глазахъ свѣта, исчезаетъ, если мы придадимъ нашимъ словамъ смыслъ и не будемъ забавляться терминами „абсолютное", „внѣшнее", „существовать" и т. п., выражающими, мы сами не знаемъ, что. Что касается меня, то я въ той же мѣрѣ могу сомнѣваться въ своемъ собственномъ бытіи, какъ и въ бытіи тѣхъ вещей, которыя я дѣйствительно воспринимаю въ ощущеніяхъ; было бы явнымъ противорѣчіемъ предполагать, что какой нибудь ощущаемый предметъ непосредственно воспринимается зрѣніемъ или осязаніемъ и въ то же время не имѣетъ существованія въ природѣ, такъ какъ дѣйствительное *существованіе* немыслящей вещи состоитъ въ ея *воспринимаемости*.

89. Ничто не можетъ имѣть болѣе важнаго значенія для обоснованія твердой системы здраваго и истиннаго знанія, могущаго быть доказаннымъ вопреки нападкамъ скептицизма, какъ начало изслѣдованія съ объясненія того, что понимается подъ словами: *вещь*, *реальность*, *существованіе*; потому что тщетно станемъ мы спорить о реальномъ существованіи вещей или притязать на какое либо ихъ познаніе, пока не установимъ прочно смысла этихъ словъ. *Вещь* или *сущее* есть самое общее изъ всѣхъ названій; оно обнимаетъ собою два совершенно различныхъ и разнородныхъ разряда, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ названія, а именно—*духовъ* и *идей*. Первые суть дѣятельныя, недѣлимыя (неистребимыя) * субстанціи, вторыя—косныя, мимо-

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

летныя (преходящія состоянія) *, зависимыя сущія, которыя существуютъ не сами по себѣ, но имѣютъ носителей или существуютъ въ духахъ или духовныхъ субстанціяхъ **.

90. Идеи, запечатлѣнныя въ ощущеніяхъ, суть реальныя вещи или реально существуютъ; этого мы не отрицаемъ, но мы отрицаемъ, чтобы онѣ могли существовать внѣ воспринимающаго ихъ духа, или чтобы онѣ были подобіями первообразовъ, существующихъ внѣ духа, такъ какъ дѣйствительное бытіе ощущенія или идеи состоитъ въ воспринимаемости, и идея не можетъ походить ни на что иное, кромѣ идеи. Далѣе вещи, воспринимаемыя въ ощущеніяхъ, могутъ быть названы внѣшними по отношеніи къ ихъ происхожденію, поскольку онѣ порождаются не извнутри самимъ духомъ, а запечатлѣваются въ немъ Духомъ, отличнымъ отъ того, который ихъ воспринимаетъ. Ощущаемые предметы могутъ быть названы находящимися „внѣ духа“ еще въ другомъ смыслѣ, а именно, когда они существуютъ въ какомъ либо

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

** Во 2-мъ изданіи прибавлено: „Мы познаемъ наше собственное существованіе внутреннимъ воспріятіемъ или рефлексіею, а существованіе другихъ духовъ разумомъ. Мы можемъ сказать, что имѣемъ нѣкоторое знаніе или понятіе о нашемъ собственномъ умѣ, о духахъ и дѣятельныхъ сущихъ, о коихъ, въ строгомъ смыслѣ слова, не имѣемъ идей. Такимъ же образомъ мы знаемъ и имѣемъ понятіе объ отношеніяхъ между вещами или идеями, каковыя отношенія отличаются отъ соотносящихся идей или вещей, поскольку послѣднія могутъ быть нами воспринимаемы безъ воспріятія первыхъ. Мнѣ кажется, что *идеи*, *духи* и *отношенія* составляютъ, каждые въ своемъ родѣ, предметы человѣческаго познанія и рѣчи; и что терминъ *идея* неправильно расширяется для обозначенія всего, что мы можемъ знать или о чемъ можемъ имѣть понятіе“.

другомъ духѣ; такъ, когда я закрываю глаза, то вещи, которыя я видѣлъ, могутъ продолжать существовать, но только въ другомъ духѣ.

91. Было бы ошибкою думать, будто сказанное здѣсь хотя сколько нибудь отрицаетъ реальность вещей. Признано, согласно господствующимъ началамъ, что протяженіе, движеніе, однимъ словомъ, всѣ ощущаемыя качества, нуждаются въ носителѣ, такъ какъ существовать сами по себѣ не могутъ. Однако соглашаются съ тѣмъ, что воспринимаемые въ ощущеніяхъ предметы суть не что иное, какъ комбинаціи этихъ качествъ и, слѣдовательно, не могутъ существовать сами по себѣ. До этого пункта всѣ согласны. Поэтому, отрицая, что воспринимаемыя въ ощущеніяхъ вещи имѣютъ существованіе, независимое отъ субстанціи или носителя, въ которомъ онѣ могутъ существовать, мы ничего не отрицаемъ изъ господствующаго мнѣнія о ихъ *реальности* и не виновны ни въ какомъ новшествѣ въ этомъ отношеніи. Все разногласіе состоитъ въ томъ, что, по нашему мнѣнію, немыслящія, воспринимаемыя въ ощущеніяхъ, вещи не имѣютъ отличнаго отъ ихъ воспринимаемости существованія и не могутъ поэтому существовать ни въ какой другой субстанціи, кромѣ тѣхъ непротяженныхъ, недѣлимыхъ субстанцій или *духовъ*, которые дѣйствуютъ, мыслятъ и воспринимаютъ вещи, тогда какъ философы согласно съ мнѣніемъ толпы признаютъ, что ощущаемыя качества существуютъ въ нѣкоторой косной, протяженной, невоспринимающей субстанціи, которую они называютъ *матеріею*, и которой они приписываютъ естественное существованіе, отличное отъ воспринимаемости какимъ бы то

ни было духомъ, даже вѣчнымъ духомъ Творца, въ которомъ они предполагаютъ лишь идеи созданныхъ Имъ тѣлесныхъ субстанцій, если только эти субстанціи вообще признаются созданными.

92. Ибо, какъ было показано, какъ ученіе о матеріи или тѣлесной субстанціи составляло главный столпъ и опору скептицизма, также точно на томъ же основаніи воздвиглись и всѣ нечестивыя ученія системъ атеизма и отрицанія религіи. Да, такъ трудно было для мысли понять, что матерія создана изъ ничего, что самые знаменитые изъ древнихъ философовъ, даже изъ тѣхъ, которые признавали бытіе Бога, считали матерію несозданною, совѣчною Ему. Какимъ близкимъ другомъ *тѣлесная субстанція* была атеистамъ всѣхъ временъ,—объ этомъ было бы излишне говорить. Всѣ ихъ чудовищныя системы находятся въ такой явной и необходимой зависимости отъ нея, что, коль скоро будетъ вынутъ этотъ краеугольный камень, все зданіе должно неминуемо рухнуть до основанія, такъ что не стоитъ терять время на разборъ въ частности нелѣпостей каждой жалкой секты атеистовъ.

93. Что нечестивые и суетные люди охотно соглашаются съ такими системами, которыя благопріятствуютъ ихъ склонностямъ, глумясь надъ нематеріальною субстанціею и предполагая, что душа дѣлима и такъ же подвержена погибели, какъ и тѣло,— съ системами, которыя исключаютъ всякую свободу, умъ и намѣреніе въ созданіи вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ за корень и источникъ всѣхъ вещей саму по себѣ существующую, немыслящую, безсмысленную субстанцію; что такіе люди прислу-

шиваются къ тѣмъ, кто отрицаетъ Провидѣніе, руководство со стороны Верховнаго Духа дѣлами міра, приписывая весь рядъ событій либо слѣпому случаю, либо роковой необходимости, вытекающей изъ воздѣйствія одного тѣла на другое,—все это вполнѣ естественно. И если съ другой стороны люди лучшихъ началъ замѣчаютъ, что враги религіи приписываютъ такое большое значеніе немыслящей матеріи и прилагаютъ такъ много старанія и искусства къ тому, чтобы все свести къ ней, то первые, полагаю, должны радоваться при видѣ того, что вторые лишились своей сильной опоры и вытѣснены изъ той ихъ единственной крѣпости, внѣ которой ваши эпикурейцы, гоббисты и имъ подобные не могутъ имѣть тѣни притязанія на побѣду и должны уступить ее быстро и легко.

94. Существованіе матеріи или невоспринимаемыхъ тѣлъ не только служило главной опорой атеистовъ и фаталистовъ, но на этомъ же началѣ основано равнымъ образомъ идолопоклонство во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ. Еслибы люди сообразили, что солнце, луна и звѣзды и всѣ прочіе чувственные предметы суть не что иное, какъ ощущенія въ ихъ духахъ, не имѣющія иного существованія, кромѣ воспринимаемости, то они, безъ сомнѣнія, не стали бы преклоняться передъ своими собственными идеями и обожать ихъ, но скорѣе обратили бы свое почитаніе къ тому вѣчному, невидимому Духу, который создалъ и поддерживаетъ всѣ вещи.

95. То же самое нелѣпое начало причинило христіанамъ немало затрудненій, примѣшиваясь къ предметамъ нашей вѣры. Напримѣръ, касательно воскре-

сенія, сколько сомнѣній и возраженій было возбуждено социніанами и другими? Но развѣ самыя вѣскія изъ этихъ возраженій не зависятъ отъ предположенія, будто тѣло можетъ быть названо *тѣмъ же самымъ* относительно не его формы или того, что воспринимается въ ощущеніяхъ, а матеріальной субстанціи, которая остается одною и тою же подъ различными формами? Отбросьте эту *матеріальную субстанцію*—о тожествѣ которой идетъ весь споръ— и понимайте подъ *тѣломъ* то, что понимается каждымъ обыкновеннымъ простымъ человѣкомъ, а именно— непосредственно видимое и осязаемое, составляющее лишь соединеніе чувственныхъ качествъ или идей, и тогда всѣ ихъ наиболѣе неопровержимыя возраженія сводятся на-нѣтъ.

96. Вмѣстѣ съ изгнаніемъ матеріи изъ природы исчезаетъ столько скептическихъ и нечестивыхъ понятій, столь невѣроятное количество разногласій и смущающихъ вопросовъ, служившихъ сучками въ глазу какъ для богослововъ, такъ и для философовъ, и причинившихъ людямъ такъ много безплоднаго труда, что еслибы даже выставленныя нами противъ матеріи доказательства не были признаны вполнѣ убѣдительными (какими они мнѣ кажутся), то я убѣжденъ, что всѣ друзья знанія, мира и религіи имѣли бы основаніе желать, чтобы эти доказательства были таковыми.

97. Наряду съ внѣшнимъ существованіемъ предметовъ воспріятія другимъ обильнымъ источникомъ заблужденій и затрудненій по отношенію къ идеальному познанію служитъ ученіе объ *отвлеченныхъ идеяхъ*, какъ оно изложено въ введеніи. Самыя яс-

ныя вещи въ мірѣ, съ которыми мы вполнѣ освоились и которыя намъ совершенно извѣстны, становятся страннымъ образомъ затруднительными и непонятными, когда мы разсматриваемъ ихъ отвлеченно. Время, мѣсто и движеніе, взятыя частно или конкретно, суть то, что всякій знаетъ; но, пройдя черезъ руки метафизика, они становятся слишкомъ отвлеченными и утонченными для пониманія людей съ обычнымъ смысломъ. Прикажите вашему слугѣ ожидать васъ въ такое-то *время* въ такомъ-то *мѣстѣ*, и онъ никогда не остановится на размышленіи о значеніи этихъ словъ; въ представленіи тѣхъ частныхъ времени, мѣста и движенія, посредствомъ котораго нужно туда идти, онъ не находитъ ни малѣйшаго затрудненія. Но если время будетъ взято съ исключеніемъ всѣхъ тѣхъ частныхъ дѣйствій и идей, которыми устанавливается разнообразіе дня, только какъ непрерывность существованія или продолжительность, понимаемая отвлеченно, то оно, быть можетъ, затруднитъ и философа въ его пониманіи.

98. Съ своей стороны, каждый разъ, когда я пытался составить простую идею времени съ отвлеченіемъ отъ послѣдовательности идей въ моемъ духѣ, которое протекаетъ единообразно и сопричастно всему сущему, я терялся и путался въ безысходныхъ затрудненіяхъ. Я вовсе не имѣю понятія о немъ; я слышу только отъ другихъ, что оно до безконечности дѣлимо, и ихъ рѣчи таковы, что возбуждаютъ во мнѣ странныя мысли о моемъ существованіи; такъ какъ это ученіе требуетъ отъ каждаго, какъ безусловной необходимости, мысли, признанія или того, что онъ провелъ безчисленные годы безъ мысли,

или что онъ уничтожается въ каждое мгновеніе своей жизни; и то и другое представляется одинаково нелѣпымъ. Поэтому, такъ какъ время есть ничто, если отвлечь отъ него послѣдовательность идей въ нашемъ духѣ, то изъ этого вытекаетъ, что продолжительность нѣкотораго конечнаго духа должна быть опредѣляема по количеству идей или дѣйствій, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ этомъ духѣ. Отсюда вытекаетъ явное слѣдствіе, что душа мыслитъ постоянно; и въ самомъ дѣлѣ всякій, кто попытается отдѣлить въ своихъ мысляхъ или отвлечь *существованіе* духа отъ его *мышленія*, найдетъ, я полагаю, эту задачу нелегкою.

99. Точно также, когда мы пытаемся отвлечь протяженіе и движеніе отъ всѣхъ другихъ качествъ и разсматривать ихъ сами по себѣ, мы немедленно теряемъ ихъ изъ виду и впадаемъ въ большія странности. (Отсюда проистекаютъ странные парадоксы вродѣ того, что „огонь не горячъ", „стѣна не бѣла" и т. п., или что тепло и свѣтъ въ предметахъ суть не что иное, какъ фигура и движеніе) *. Все это зависитъ отъ двойного отвлеченія; во-первыхъ, предполагается, напр., что протяженіе можетъ быть отвлечено отъ всѣхъ прочихъ ощущаемыхъ качествъ, и во-вторыхъ, что бытіе протяженія можетъ быть отвлечено отъ его воспринимаемости. Но всякій, кто поразмыслитъ и постарается понять то, что онъ говоритъ, признаетъ, если я не ошибаюсь, что всѣ ощущаемыя качества суть равно *ощущенія* и равно *реальны*, что тамъ же, гдѣ находится протяженіе,

* Выпущено во 2-мъ изданіи

находится и цвѣтъ, т. е. въ его духѣ, и что ихъ первообразы могутъ существовать лишь въ нѣкоторомъ другомъ *духѣ*; и что предметы ощущеній суть не что иное, какъ эти же ощущенія, соединенныя, смѣшанныя или (если можно такъ выразиться) сросшіяся вмѣстѣ; ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть предположенъ, какъ существующій невоспринятымъ. (И что, слѣдовательно, въ дѣйствительности стѣна бѣла столь же, сколь и протяженна, и въ томъ же самомъ смыслѣ) *.

100. Что значитъ для какого нибудь человѣка быть счастливымъ или для предмета—добрымъ, каждый полагаетъ, что это ему извѣстно. Но составить отвлеченную идею счастья, отрѣшенную отъ всякаго частнаго удовольствія, или идею добра, отрѣшенную отъ всякой хорошей вещи,—на это немногіе могутъ притязать. Точно также человѣкъ можетъ быть справедливъ и добродѣтеленъ, не обладая точными идеями справедливости и добродѣтели. Мнѣніе, будто эти и подобныя слова выражаютъ общія понятія, отвлеченныя отъ всѣхъ отдѣльныхъ людей и дѣйствій, повидимому, весьма затруднило мораль и сдѣлало ученіе о ней мало полезнымъ для человѣчества. И въ самомъ дѣлѣ можно оказать большіе успѣхи въ школьной этикѣ, не ставъ оттого мудрѣе и лучше и не пріобрѣтя знанія, какимъ образомъ дѣйствовать въ житейскихъ дѣлахъ съ большею пользою для себя и для своихъ ближнихъ, чѣмъ дѣйствовалъ ранѣе. Этого указанія достаточно для обнаруженія

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

того, что ученіе объ отвлеченіи немало способствовало опустошенію самой полезной части знанія.

101. Два большихъ отдѣла умозрительной науки, которые касаются идей, получаемыхъ отъ ощущеній, суть естествознаніе (natural philosophy) и математика, по отношенію къ каждому изъ которыхъ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній. Прежде всего я скажу нѣчто о естествознаніи. Именно въ этой области скептики торжествуютъ. Весь запасъ доказательствъ для униженія нашихъ способностей и выставленія человѣчества невѣжественнымъ и низменнымъ почерпается главнымъ образомъ изъ того основного положенія, что мы поражены неисцѣлимою слѣпотою относительно *истинной* и *дѣйствительной* природы вещей. Люди преувеличиваютъ и любятъ обобщать это положеніе. Мы жалкимъ образомъ обманываемся нашими ощущеніями и забавляемся лишь внѣшнею стороною и показностью вещей. Дѣйствительная сущность, внутреннія качества и строеніе каждаго, даже ничтожнѣйшаго предмета скрыты отъ нашего взора; въ каждой каплѣ воды, въ каждой песчинкѣ есть нѣчто, что превышаетъ силу проницательности или пониманія человѣческаго ума. Однако изъ сказаннаго очевидно, что всѣ эти жалобы лишены основанія, и что мы находимся подъ вліяніемъ ложныхъ началъ въ такой мѣрѣ, что перестаемъ довѣрять своимъ ощущеніямъ и начинаемъ думать, будто ничего не знаемъ о тѣхъ вещахъ, которыя вполнѣ понимаемъ.

102. Сильнымъ побужденіемъ къ провозглашенію нами себя самихъ незнающими природы вещей слу-

житъ ходячее мнѣніе, будто каждая вещь содержитъ внутри себя причину своихъ свойствъ, или что въ каждомъ предметѣ есть внутренняя сущность, служащая источникомъ, изъ котораго проистекаютъ и отъ котораго зависятъ его различныя качества. Иные полагали возможнымъ объяснять явленія посредствомъ скрытыхъ качествъ, но послѣднія въ концѣ концовъ сводятся къ механическимъ причинамъ, т. е. фигурѣ, движенію, вѣсу и тому подобнымъ качествамъ неощутимыхъ частицъ; между тѣмъ въ дѣйствительности нѣтъ иного дѣятеля или иной дѣйствующей причины, кромѣ духа, такъ какъ очевидно, что движеніе, подобно всѣмъ прочимъ *идеямъ*, совершенно недѣятельно (см. отд. 25-й). Поэтому попытка объяснить произведеніе цвѣтовъ или тоновъ изъ фигуры, движенія, величины и т. под. должна привести къ тщетному труду. И согласно тому мы видимъ, что такого рода попытки отнюдь неудовлетворительны, что можетъ быть вообще сказано о такихъ доказательствахъ, при которыхъ одна идея или качество признается за причину другихъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить о томъ, сколько гипотезъ и умозрѣній отпадаетъ и насколько изученіе природы сокращается при принятіи нашего ученія.

103. Великое механическое начало, нынѣ пущенное въ ходъ, есть *притяженіе*. Что камень падаетъ на землю, или море поднимается къ лунѣ, можетъ многимъ представляться достаточно объясненнымъ посредствомъ этого начала. Но что же намъ объясняется, когда намъ говорятъ, что это происходитъ

отъ притяженія? Не то ли, что это слово означаетъ способъ стремленія, состоящій во взаимномъ влеченіи тѣлъ, а не въ томъ, что они толкаются или подвигаются другъ къ другу? Но ничто не опредѣлено относительно этого способа или дѣйствія, и последнее такъ же правильно (насколько мы знаемъ) можетъ быть названо толчкомъ, какъ и „притяженіемъ". Съ другой стороны мы видимъ, что частицы стали крѣпко сцѣплены между собою, и это также объясняется притяженіемъ; но какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ случаяхъ я не усматриваю, чтобы это слово обозначало что либо, кромѣ самого результата дѣйствія; ибо что касается способа, коимъ оно происходитъ, или причины, которая его производитъ, то они не болѣе какъ предполагаются.

104. Дѣйствительно, обозрѣвая многія явленія и сравнивая ихъ между собою, мы можемъ наблюдать нѣкоторое сходство и соотвѣтствіе между ними. Такъ, напр., въ паденіи камня на землю, въ поднятіи моря по направленію къ лунѣ, въ сцѣпленіи, въ кристаллизаціи и т. п. есть нѣчто сходное, а именно—соединеніе или взаимное сближеніе тѣлъ, такъ что ни одно изъ этихъ или подобныхъ явленій не покажется страннымъ или удивительнымъ тому, кто тщательно наблюдалъ и сравнивалъ между собою дѣйствія природы. Ибо мы считаемъ страннымъ только то, что непривычно, особенно, что выходитъ изъ обычнаго теченія нашего наблюденія. Что тѣла стремятся къ центру земли, это не считается страннымъ, потому что мы воспринимаемъ это въ каждое мгновеніе нашей жизни. Но что существуетъ такое же притяженіе къ центру луны, можетъ показаться и страннымъ,

и необъяснимымъ большинству людей, потому что это наблюдается только при приливахъ. Но такъ какъ философъ, мысли котораго обнимаютъ болѣе обширный кругъ природы, наблюдалъ извѣстное сходство между небесными и земными явленіями, доказывающее, что безчисленныя тѣла имѣютъ стремленіе взаимно сближаться, то онъ именуетъ ихъ общимъ названіемъ „притяженіе", сводя ихъ тѣмъ самымъ къ тому, что, по его мнѣнію, даетъ въ нихъ правильный отчетъ. Такимъ образомъ онъ объясняетъ приливы притяженіемъ водной оболочки земного шара луною, которое не кажется ему ни страннымъ, ни аномальнымъ, а является лишь единичнымъ примѣромъ общаго правила или закона природы.

105. Если поэтому мы всмотримся ближе въ различіе, существующее между естествоиспытателями и прочими людьми относительно знанія ими явленій природы, то мы найдемъ, что это различіе заключается не въ болѣе точномъ знаніи дѣйствующей причины, производящей явленія—ибо этою причиною можетъ быть лишь воля нѣкотораго духа—а только въ большей широтѣ пониманія, при помощи котораго были открыты въ произведеніяхъ природы сходство, гармонія и согласіе и объяснены отдѣльныя явленія, т. е. сведены къ общимъ правиламъ (см. отд. 62); каковыя правила, основанныя на сходствѣ и однообразіи, которыя наблюдаются въ произведеніи природныхъ дѣйствій, въ высшей степени отрадны и желательны душѣ, такъ какъ они расширяютъ нашъ кругозоръ за предѣлы обыденнаго и близкаго къ намъ и помогаютъ намъ дѣлать весьма

правдоподобныя предположенія относительно того, что могло происходить въ очень отдаленныхъ разстояніяхъ по времени и по мѣсту, а также предсказывать будущее; это стремленіе къ всезнанію очень дорого душѣ.

106. Мы должны однако соблюдать осторожность относительно такихъ вещей, потому что мы склонны придавать слишкомъ большое значеніе аналогіи и, въ ущербъ истинѣ, поддаваться тому необузданному влеченію нашего духа, которое побуждаетъ его расширять наше знаніе въ общія теоремы. Такъ, напр., что касается тяготѣнія или взаимнаго притяженія, то, поскольку оно обнаруживается во многихъ случаяхъ, иные склонны провозглашать его всеобщимъ и признавать, что притягивать и быть притягиваемымъ всякимъ другимъ тѣломъ есть существенное качество, присущее всѣмъ тѣламъ безъ исключенія. Между тѣмъ очевидно, что неподвижныя звѣзды не обнаруживаютъ такого взаимнаго стремленія, и тяготѣніе настолько не составляетъ чего либо *существеннаго* для тѣлъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, обнаруживается совершенно противоположное начало, какъ, напр., въ ростѣ растеній въ вышину и въ упругости воздуха. Нѣтъ ничего необходимаго или существеннаго въ этомъ дѣйствіи, но оно вполнѣ зависитъ отъ воли Всемогущаго Духа, Который дѣлаетъ то, что нѣкоторыя тѣла сцѣпляются вмѣстѣ или стремятся одно къ другому согласно различнымъ законамъ, тогда какъ другія Онъ держитъ на неизмѣняющемся разстояніи, а нѣкоторымъ даетъ совершенно противоположное стремленіе взаим-

но расходиться, смотря по тому, что Онъ находитъ умѣстнымъ.

107. Послѣ того, что было сказано, мы можемъ, какъ я думаю, вывести слѣдующія заключенія. Во-первыхъ, ясно, что философы тщетно тѣшили себя, отыскивая естественную дѣйствующую причину, отличную отъ *духа*. Во-вторыхъ, если принять во вниманіе, что все мірозданіе есть произведеніе мудраго и благого Дѣятеля, то философамъ надлежало бы направлять свои мысли (въ противоположность тому, что требуется нѣкоторыми изъ нихъ) на конечныя цѣли вещей (ибо независимо отъ того, что эти изслѣдованія составляютъ весьма интересное занятіе для ума, они могутъ быть и весьма полезны въ томъ смыслѣ, что не только раскрываютъ намъ аттрибуты Создателя, но способны также руководить насъ во многихъ случаяхъ въ правильномъ употребленіи и приложеніи вещей) *; и я долженъ сознаться, что не вижу основанія, почему указанія на разнообразныя цѣли, къ которымъ приспособлены вещи природы, и сообразно съ которыми онѣ изначала устроены съ невыразимою мудростью, не могли бы считаться хорошимъ способомъ дать себѣ въ нихъ отчетъ и во всякомъ случаѣ занятіемъ, достойнымъ философа. Въ-третьихъ, изъ сказаннаго нельзя вывести никакого основанія, почему не слѣдовало бы изучать и впредь исторію природы и производить наблюденія и опыты, при чемъ то обстоятельство, что они служатъ на пользу человѣчеству и дѣлаютъ насъ способными выводить общія заключенія, зависитъ не отъ

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

какихъ-либо неизмѣнныхъ порядковъ или отношеній между самими вещами, а исключительно отъ благости Бога къ людямъ въ управленіи вселенною (см. отд. 30-й и 31-й). Въ-четвертыхъ, чрезъ прилежное наблюденіе доступныхъ нашему кругозору явленій мы можемъ открывать общіе законы природы и выводить изъ нихъ другія явленія; я не говорю *доказывать*, потому что всѣ выводы такого рода зависятъ отъ предположенія, что Творецъ природы всегда дѣйствуетъ единообразно и съ постояннымъ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, которыя мы признали за начала, чего мы не можемъ знать съ очевидностью.>

108. (Изъ отд. 66 и сл. явствуетъ, что постоянный стройный порядокъ природы не неумѣстно можетъ быть названъ языкомъ ея Творца, открывающимъ Свои аттрибуты нашему взору и научающимъ насъ, какъ мы должны поступать для удобства и счастья жизни. И по моему мнѣнію) * люди, выводящіе общія правила изъ явленій, а затѣмъ явленія изъ этихъ правилъ, разсматриваютъ, повидимому, скорѣе *знаки*, чѣмъ *причины*. Человѣкъ можетъ хорошо (читать языкъ природы, не зная ея грамматики или) **, не будучи въ состояніи сказать, на основаніи какого правила вещь такова, а не иная. И какъ можно писать неправильно вслѣдствіе чрезмѣрно строгаго соблюденія общихъ грамматическихъ правилъ, также точно при выводахъ изъ общихъ законовъ природы не невозможно слишкомъ широко примѣнять аналогію и тѣмъ самымъ впадать въ ошибки.

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

** Вмѣсто этого мѣста во 2-мъ изданіи сказано: „понимаетъ естественные знаки, не зная ихъ аналогіи“.

109. Вращаясь въ области аналогіи (можно сказать, что) *, какъ при чтеніи прочихъ книгъ, мудрый человѣкъ будетъ стараться направлять свои мысли болѣе на смыслъ и извлекать изъ него для себя пользу, чѣмъ на грамматическія замѣчанія о языкѣ, такъ, по моему мнѣнію, и при пользованіи книгою природы ниже достоинства духа стремиться къ слишкомъ большой точности въ подведеніи каждаго отдѣльнаго явленія подъ общіе законы и доказательства того, какъ это явленіе изъ нихъ вытекаетъ. Намъ слѣдуетъ стремиться къ болѣе благороднымъ цѣлямъ, а именно къ освѣженію и возвышенію духа созерцаніемъ красоты, порядка, полноты и разнообразія предметовъ природы; затѣмъ къ расширенію посредствомъ правильныхъ умозаключеній нашихъ понятій о величіи, мудрости и благости Создателя и наконецъ, насколько это намъ доступно, къ подчиненію различныхъ частей міроздания тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ онѣ предназначены, а именно— прославленію Творца и сохраненію и увеличенію удобствъ насъ самихъ и нашихъ ближнихъ.

110. (Лучшею грамматикою въ указанномъ нами смыслѣ долженъ быть, конечно, признанъ трактатъ по *механикѣ*, доказанной и примѣненной къ природѣ философомъ сосѣдней націи) **, которому удивляется весь міръ. Я не возьмусь дѣлать замѣчаній о заслугѣ этой необыкновенной личности ***; но нѣкоторыя высказанныя ею мнѣнія столь прямо противоположны

* Выпущено во 2-мъ изданіи.

** Т. е. Англіи, такъ какъ по мѣсту жительства и перваго изданія своей книги Беркли считаетъ себя ирландцемъ.

*** Исаака Ньютона.

ученію, котороемы только что изложили, что насъ могли бы обвинить въ недостаткѣ вниманія, должнаго авторитету столь великаго человѣка, еслибы мы о нихъ не упомянули *. Въ введеніи къ этому внушающему справедливое удивленіе трактату время, пространство и движеніе дѣлятся на *абсолютныя* и *относительныя*, *истинныя* и *кажущіяся, математическія* и *популярныя* (vulgar), каковое раздѣленіе предполагаетъ, какъ авторъ подробно объясняетъ, что эти величины имѣютъ существованіе внѣ духа и разсматриваются обыкновенно по отношенію къ ощущаемымъ вещамъ, къ которымъ онѣ однако по свойству своей собственной природы не имѣютъ никакого отношенія.

111. Что касается времени, какъ оно здѣсь разсматривается въ безусловномъ или отвлеченномъ смыслѣ, какъ продолжительность или постоянство существованія вещей, то мнѣ нечего прибавлять по этому предмету послѣ того, что было уже сказано о немъ въ отд. 97-мъ и 98-мъ. Затѣмъ этотъ знаменитый писатель полагаетъ, что существуетъ *абсолютное пространство*, которое, будучи невоспринимаемо въ ощущеніи, остается само въ себѣ единообразнымъ и неподвижнымъ; относительное же пространство служитъ мѣрою абсолютнаго, при чемъ первое, будучи подвижно и опредѣляемо своимъ положеніемъ относительно ощущаемыхъ тѣлъ, принимается обыкновенно за неподвижное пространство. *Мѣсто* онъ опредѣляетъ, какъ часть пространства, занимаемую тѣломъ, и сообразно различію пространства, абсо-

* Во 2-мъ изданіи вмѣсто того сказано: „Лучшимъ ключемъ къ аналогіи или естествознанію долженъ быть, конечно, признанъ нѣкоторый знаменитый трактатъ *механики*".

лютную или относительную. *Абсолютное движеніе* опредѣляется, какъ переходъ тѣла изъ одного абсолютнаго мѣста въ другое абсолютное же мѣсто; *относительное движеніе*—переходъ тѣла изъ одного относительнаго мѣста въ другое такое же. И такъ какъ части абсолютнаго пространства неощущаемы, то мы принуждены вмѣсто нихъ употреблять ихъ ощущаемыя мѣры и тѣмъ самымъ опредѣлять мѣсто и движеніе по отношенію къ тѣмъ тѣламъ, которыя разсматриваются нами, какъ неподвижныя. Однако намъ говорится далѣе, что въ философскихъ разсужденіяхъ мы должны отвлекать отъ нашихъ чувствъ, потому что, быть можетъ, ни одно изъ тѣхъ тѣлъ, которыя кажутся покоящимися, въ дѣйствительности не находится въ состояніи покоя, а вещь, находящаяся въ относительномъ движеніи, въ дѣйствительности покоится; точно также одно и то же тѣло можетъ находиться въ относительномъ покоѣ и движеніи или даже одновременно въ противоположномъ относительномъ движеніи, смотря по тому, какъ опредѣляется его мѣсто. Вся эта двусмысленность принадлежитъ лишь кажущемуся движенію, но отнюдь не истинному или абсолютному, которое поэтому одно только и слѣдуетъ имѣть въ виду въ философіи. Истинное же движеніе, говорится намъ, отличается отъ кажущагося или относительнаго слѣдующими свойствами: во-первыхъ, въ истинномъ или абсолютномъ движеніи принимаютъ участіе всѣ части, которыя сохраняютъ то же самое положеніе относительно цѣлаго. Во-вторыхъ, если мѣсто приводится въ движеніе, то движется и все, находящееся въ этомъ мѣстѣ, такъ что тѣло, которое движется въ мѣстѣ,

находящемся въ движенiи, принимаетъ участiе въ движенiи своего мѣста. Въ-третьихъ, истинное движенiе никогда не возникаетъ или не измѣняется иначе, какъ посредствомъ силы, дѣйствующей на самое тѣло. Въ-четвертыхъ, истинное движенiе всегда измѣняется силою, дѣйствующею на движущееся тѣло. Въ-пятыхъ, во вращательномъ движенiи, если оно только относительное, нѣтъ центробѣжной силы, которая въ истинномъ или абсолютномъ движенiи пропорцiональна количеству движенiя.

112. Но, несмотря на все сказанное здѣсь, я долженъ сознаться, что не нахожу, будто движенiе не можетъ быть инымъ, кромѣ *относительнаго*; такъ что для представленiя движенiя слѣдуетъ представить по меньшей мѣрѣ два тѣла, разстоянiе между которыми или относительное положенiе которыхъ измѣняется. Поэтому, еслибы существовало только одно тѣло, оно никакъ не могло бы находиться въ движенiи. Это кажется мнѣ весьма очевиднымъ, поскольку идея, которую я имѣю о движенiи, необходимо должна включать въ себѣ отношенiе. (Могутъ ли другiе мыслить иначе этотъ вопросъ можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ ими при небольшой доли вниманiя) *.

113. Но хотя во всякомъ движенiи необходимо мыслить болѣе одного тѣла, можетъ однако случиться, что только одно тѣло движется, а именно то, на которое дѣйствуетъ сила, производящая измѣненiе разстоянiя или взаимнаго расположенiя тѣлъ. Ибо хотя нѣкоторые могутъ опре-

* Исключено во 2-мъ изданiи.

дѣлять относительное движеніе такъ, что движущимся называется тѣло, которое измѣняетъ свое разстояніе отъ нѣкотораго другого тѣла, независимо отъ того, направлена ли на него сила *, производящая это измѣненіе, или нѣтъ, но (я не могу съ этимъ согласиться; ибо, какъ мы сказали) ** относительное движеніе есть то, которое воспринимается въ ощущеніи; и, принимая во вниманіе обычныя житейскія дѣла, оказывается, что всякій человѣкъ, обладающій обычнымъ здравымъ смысломъ, знаетъ, что это такое, такъ же хорошо, какъ лучшій изъ философовъ. Теперь я спрашиваю кого бы то ни было, можно ли въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ понимаетъ *движеніе*, сказать, что камни, мимо которыхъ онъ проходитъ, идя по улицѣ, *находятся въ движеніи*, потому что измѣняется разстояніе между ними и его ногою? Мнѣ кажется, что хотя движеніе предполагаетъ отношеніе одной вещи къ другой, но нѣтъ необходимости, чтобы каждый соотносящійся терминъ получалъ отъ него свое названіе. Какъ человѣкъ можетъ мыслить о чемъ нибудь, что само не мыслитъ, такъ же одно тѣло можетъ двигаться къ другому или отъ него, безъ того, чтобы послѣднее было само въ движеніи (я разумѣю, въ движеніи относительномъ, такъ какъ иного движенія я неспособенъ мыслить) ***.

114. Если бываетъ такъ, что различно опредѣляется мѣсто, то измѣняется и относящееся къ нему движеніе. Можно сказать о человѣкѣ на кораблѣ, что онъ находится въ покоѣ относительно бортовъ ко-

* Во 2-мъ изданіи прибавлено: „или дѣятельность“.
** Исключено во 2-мъ изданіи.
*** Исключено во 2-мъ изданіи.

рабля и въ движеніи относительно земли. Или онъ можетъ двигаться къ востоку въ одномъ отношеніи и къ западу—въ другомъ. Въ обыденной жизни люди никогда не простираютъ своихъ мыслей далѣе земли для опредѣленія мѣстонахожденія какого нибудь тѣла; и то, что находится въ покоѣ въ отношеніи къ ней, считается *абсолютно* покоящимся. Но философы, обнимающіе мыслью болѣе обширный кругъ и обладающіе болѣе вѣрными понятіями о системѣ вещей, открыли, что сама земля находится въ движеніи. Поэтому, въ видахъ сообщенія устойчивости своимъ понятіямъ, они склонились къ той мысли, что тѣлесный міръ конеченъ, и что его внѣшняя неподвижная стѣна или оболочка есть мѣсто, отношеніемъ къ которому опредѣляются истинныя движенія. Провѣряя свои собственныя понятія, мы найдемъ, я полагаю, что какое бы то ни было абсолютное движеніе, о которомъ мы можемъ составить себѣ идею, есть въ концѣ концовъ не что иное, какъ опредѣленное такимъ образомъ относительное движеніе. Ибо, какъ уже было замѣчено, абсолютное движеніе съ исключеніемъ изъ него всякаго внѣшняго отношенія немыслимо; къ этого же рода относительному движенію окажутся подходящими, если я не ошибаюсь, всѣ вышеупомянутыя свойства, причины и дѣйствія, которыя приписываются абсолютному движенію. Что же касается сказаннаго о центробѣжной силѣ, именно, что она не присуща вращательному, относительному движенію, то я не вижу, какимъ образомъ это слѣдуетъ изъ опыта, приведеннаго въ доказательство тому (см. Philosophiae naturalis principia mathematica, Sch. Defin. VIII). Ибо вода въ со-

судѣ, въ то время, когда ей приписывается наибольшее относительное вращательное движеніе, не имѣетъ, по моему мнѣнію, никакого движенія, какъ это явствуетъ изъ предыдущаго отдѣла.

115. Ибо для того, чтобы называть тѣло *движущимся*, необходимо: во-первыхъ, чтобы оно измѣняло свое разстояніе или положеніе относительно какоголибо другого тѣла; во-вторыхъ, чтобы сила, вызывающая это измѣненіе, была приложена къ первому тѣлу. Если одно изъ этихъ условій отсутствуетъ, то я не нахожу, чтобы соотвѣтственно здравому человѣческому смыслу или свойству языка можно было называть тѣло движущимся. Я допускаю, впрочемъ, что мы можемъ мыслить тѣло движущимся, если мы видимъ, что оно измѣняетъ свое разстояніе отъ другого тѣла, хотя никакая сила не приложена къ нему (въ каковомъ смыслѣ въ данномъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто видимое движеніе), но лишь на томъ основаніи, что сила, причиняющая измѣненіе разстоянія, воображается нами приложенною къ тѣлу, которое мыслится нами движущимся, что показываетъ, конечно, что мы способны впадать въ заблужденіе, принимая за движущуюся вещь, не находящуюся въ движеніи,—и ничего болѣе, (но не доказываетъ, что при обычномъ пониманіи движенія тѣло считается движущимся только потому, что оно измѣняетъ разстояніе отъ другого тѣла; ибо, коль скоро мы избавляемся отъ заблужденія и находимъ, что движущая сила не была сообщена тѣлу, мы уже не считаемъ его движущимся. Такъ, съ другой стороны, если предполагается существующимъ только одно тѣло (части котораго

сохраняютъ данное взаимное расположенiе), то многiе полагаютъ, что оно можетъ двигаться всѣми способами или путями, хотя и безъ измѣненiя разстоянiя или положенiя относительно какихъ либо другихъ тѣлъ, чего и мы не отрицаемъ, если только предполагается, что къ этому тѣлу можетъ быть приложена сила, которая, въ случаѣ созданiя другихъ тѣлъ, можетъ производить движенiе извѣстныхъ размѣра и свойствъ. Но, чтобы дѣйствительное движенiе (отличное отъ производимаго приложенною силою, способною произвести измѣненiе мѣста въ случаѣ существованiя тѣлъ, его опредѣляющихъ) могло существовать въ такомъ единственномъ тѣлѣ,— этого, долженъ сознаться, я не въ состоянiи понять *.

116. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что философское разсмотрѣнiе движенiя не подразумѣваетъ существованiя *абсолютнаго пространства*, отличнаго отъ воспринимаемаго въ ощущенiи и относящагося къ тѣламъ; что оно не можетъ существовать внѣ духа, ясно на основанiи тѣхъ же началъ, которыми то же самое доказывается относительно всѣхъ прочихъ ощущаемыхъ предметовъ. И мы найдемъ, можетъ быть, при ближайшемъ изслѣдованiи, что не въ состоянiи даже составить идею *чистаго пространства* съ отрѣшенiемъ отъ всякаго тѣла. Эта идея, я долженъ сознаться, кажется мнѣ (превышающею мою способность) **, какъ идея наиболѣе отвлеченная. Когда я

* Исключено во 2-мъ изданiи.
** Во 2-мъ изданiи сказано: „невозможною“.

вызываю движеніе въ какой либо части моего тѣла, и это движеніе происходитъ свободно и безъ сопротивленія, то я говорю, что здѣсь *пространство*; когда же я встрѣчаю препятствіе, то говорю, что здѣсь *тѣло*; и въ той мѣрѣ, въ какой сопротивленіе движенію менѣе или болѣе, я говорю, что пространство болѣе или менѣе *чисто*. Такъ что, когда я говорю о чистомъ или пустомъ пространствѣ, не слѣдуетъ предполагать, что словомъ „пространство" означается идея, отличная отъ тѣла и движенія или мыслимая безъ нихъ, хотя, конечно, мы склонны думать, что каждое имя существительное выражаетъ опредѣленную идею, которую можно отдѣлить отъ всѣхъ прочихъ, что служило поводомъ для множества ошибокъ. Слѣдовательно, если предположить, что весь міръ уничтожился, за исключеніемъ моего собственнаго тѣла, то я скажу, что всетаки остается *чистое пространство*, подразумѣвая тѣмъ самымъ не что иное, какъ возможность мыслить, что члены моего тѣла могутъ двигаться по всѣмъ направленіямъ, не встрѣчая никакого сопротивленія; но если бы и мое тѣло уничтожилось, то не могло бы быть движенія, а, слѣдовательно, и пространства. Можетъ быть, иные подумаютъ, что зрѣніе снабдитъ ихъ въ такомъ случаѣ идеею чистаго пространства, но изъ сказаннаго въ другомъ мѣстѣ ясно, что идеи пространства и разстоянія пріобрѣтаются не изъ этого рода ощущеній (см. *Опытъ о зрѣніи*).

117. Изложенное здѣсь кладетъ, повидимому, конецъ всѣмъ спорамъ и затрудненіямъ, возникавшимъ среди ученыхъ относительно природы *чистаго пространства*. Но главная выгода, вытекающая от-

сюда, заключается въ освобожденіи насъ отъ опасной дилеммы, въ которую считали себя вовлеченными многіе изъ обратившихъ свои мысли на этотъ предметъ, т. е. отъ необходимости или признать, что реальное пространство есть Богъ, или что существуетъ нѣчто, кромѣ Бога, вѣчное, несотворенное, безконечное, недѣлимое, неизмѣнное, изъ которыхъ предположеній оба должны быть по справедливости признаны вредными и нелѣпыми. Извѣстно, что немало какъ богослововъ, такъ и выдающихся философовъ, изъ затруднительности для нихъ мыслить или границы пространства, или его уничтоженіе, пришло къ тому заключенію, что оно должно быть божественнымъ. И въ новѣйшее время нѣкоторые особенно старались доказать, что оно совпадаетъ съ аттрибутами, не принадлежащими никому, кромѣ Бога. И какъ бы это ученіе ни казалось недостойнымъ Божественной Природы, но я долженъ сознаться, что не вижу, какъ мы можемъ избавиться отъ него, пока придерживаемся общепринятыхъ мнѣній.

118. Доселѣ шла рѣчь о естествознаніи; теперь мы обратимся къ нѣкоторому изслѣдованію, касающемуся другой великой области умозрительнаго знанія; а именно—математики. Какъ бы ни прославляли ясность и несомнѣнность доказательствъ, равныхъ которымъ едва ли возможно найти гдѣ либо внѣ ея, тѣмъ не менѣе ее нельзя считать совершенно свободною отъ ошибокъ, такъ какъ въ ея началахъ заключается нѣкоторое скрытое заблужденіе, общее дѣятелямъ этой науки съ другими людьми. Хотя математики выводятъ свои теоремы изъ весьма оче-

видныхъ основоположеній, тѣмъ не менѣе ихъ первыя начала не выходятъ за предѣлы разсмотрѣнія количества, и они не возвышаются до изслѣдованія тѣхъ трансцендентальныхъ положеній, которыя оказываютъ вліяніе на всѣ частныя науки, каждая часть коихъ, не исключая математики, должна, слѣдовательно, страдать ошибками, допущенными въ эти положенія. Что начала, выставляемыя математиками, истинны, что ихъ способъ выводовъ изъ этихъ началъ ясенъ и неоспоримъ, мы не отрицаемъ, но мы утверждаемъ, что могутъ существовать извѣстныя ошибочныя положенія бо́льшаго объема, чѣмъ предметъ математики, и потому не выраженныя явно, но скрытно предполагаемыя во всемъ движеніи этой науки, и что вредное дѣйствіе этихъ скрытыхъ, неизслѣдованныхъ заблужденій простирается на всѣ отрасли математики. Выражаясь ясно, мы предполагаемъ, что математики не менѣе глубоко, чѣмъ другіе люди, погружены въ заблужденія, вытекающія изъ ученія объ общихъ отвлеченныхъ идеяхъ и о существованіи предметовъ внѣ духа.

119. Полагали, будто ариѳметика имѣетъ предметомъ отвлеченныя *числа*, пониманіе свойствъ и взаимныхъ отношеній которыхъ считается немалою частью умозрительнаго знанія. Мнѣніе о чистой и умственной природѣ отвлеченныхъ чиселъ очень возвысило уваженіе къ нимъ въ глазахъ такихъ философовъ, которые, повидимому, притязаютъ на необыкновенную тонкость и возвышенность мышленія. Это мнѣніе придало цѣну самымъ пустымъ умозрѣніямъ надъ числами, не имѣющимъ никакого примѣненія на практикѣ, но служащимъ только

для забавы, и тѣмъ самымъ столь заразило нѣкоторые умы, что они стали мечтать о великихъ тайнахъ, заключающихся въ числахъ, и объяснять посредствомъ ихъ вещи природы. Но если мы ближе вникнемъ въ свои собственныя мысли и сообразимъ то, что было сказано ранѣе, то мы, быть можетъ, придемъ къ низкому мнѣнію объ этихъ высокихъ полетахъ мысли и отвлеченностяхъ и станемъ смотрѣть на всѣ умозрѣнія о числахъ лишь, какъ на *difficiles nugae*, поскольку они не служатъ практикѣ и не способствуютъ пользамъ жизни.

120. Мы уже разсматривали выше, въ отд. 13-мъ, единицу въ ея отвлеченномъ значеніи; изъ того, что сказано тамъ и во введеніи, ясно слѣдуетъ, что такой идеи вовсе нѣтъ. Но такъ какъ число опредѣляется, какъ „совокупность единицъ", то мы вправѣ заключить, что, если нѣтъ такой вещи, какъ отвлеченная единица, то нѣтъ и идей отвлеченныхъ чиселъ, обозначаемыхъ названіями цифръ и фигуръ. Поэтому ариѳметическія теоріи, если онѣ мыслятся отвлеченно отъ названій и фигуръ, а также отъ всякаго практическаго примѣненія, равно какъ и отъ частныхъ считаемыхъ вещей, могутъ быть признаваемы неимѣющими никакого предметнаго содержанія; изъ чего мы можемъ усмотрѣть, насколько наука о числахъ всецѣло подчинена практикѣ, и въ какой мѣрѣ она становится узкою и пустою, когда разсматривается, какъ предметъ только умозрительный.

121. Но такъ какъ есть люди, которые, будучи обмануты ложнымъ блескомъ открытія отвлеченныхъ истинъ, теряютъ время надъ ариѳметическими

теоріями и задачами, не приносящими никакой пользы, то не будетъ лишнимъ болѣе полное разсмотрѣніе и раскрытіе тщеты этого притязанія; она станетъ для насъ ясною, если мы бросимъ взглядъ на ариѳметику въ ея младенчествѣ и посмотримъ, что́ первоначально побудило людей къ изученію этой науки, и къ какой цѣли они его направляли. Естественно думать, что сначала люди для облегченія памяти и какъ пособіе при счетѣ употребляли марки и при письмѣ отдѣльныя черточки, точки и т. под., при чемъ каждый знакъ обозначалъ единицу, т. е. извѣстную отдѣльную вещь, какого бы то ни было рода, которую надо было сосчитать. Позднѣе они нашли удобнѣе чтобы одинъ знакъ замѣнялъ собою нѣсколько черточекъ или точекъ. И наконецъ вошли въ употребленіе арабскія или индѣйскія цифры, коими, путемъ повторенія нѣскольких немногихъ знаковъ или цифръ и измѣненія значенія каждой цифры, смотря по занимаемому ею мѣсту, всѣ числа могутъ быть обозначены самымъ соотвѣтственнымъ образомъ, что произошло, повидимому, въ подражаніе языку, такъ что наблюдается точное сходство между обозначеніемъ цифрами и словами, при чемъ девять простыхъ цифръ соотвѣтствуютъ первымъ девяти названіямъ чиселъ, а мѣста первыхъ—названіямъ разрядовъ послѣднихъ. И соотвѣтственно этимъ условіямъ основного и мѣстнаго значенія цифръ были придуманы методы находить по даннымъ цифрамъ или знакамъ, обозначающимъ части, какія цифры и въ какомъ расположеніи способны обозначать цѣлое, и наоборотъ. А когда найдены искомыя цифры, и то же самое правило или та же

самая аналогія наблюдается повсюду, то легко при чтеніи замѣнять ихъ словами, и число становится такимъ образомъ вполнѣ извѣстнымъ. Ибо число какихъ бы то ни было отдѣльныхъ вещей считается извѣстнымъ тогда, когда мы знаемъ названіе или цифру числа съ ихъ надлежащимъ расположеніемъ, которыя соотвѣтствуютъ этому числу согласно твердо установленной аналогіи. Потому что, зная эти знаки, мы можемъ при помощи ариѳметическихъ дѣйствій узнать знаки любой части обозначенныхъ ими суммъ; и такимъ образомъ, считая знаками, мы можемъ вслѣдствіе связи, установленной между ними и опредѣленнымъ количествомъ вещей, изъ которыхъ каждая принимается за единицу, стать способными правильно ихъ складывать, дѣлить и установлять пропорціональность самыхъ вещей, подлежащихъ счисленію.

122. Итакъ, въ ариѳметикѣ мы разсматриваемъ не *вещи*, а *знаки*, которые однако подвергаются изслѣдованію не ради ихъ самихъ, но потому, что они показываютъ намъ, какъ слѣдуетъ поступать относительно вещей и правильно ими распоряжаться. Но согласно съ тѣмъ, что уже было замѣчено нами относительно словъ вообще (отд. 19-й введенія), здѣсь также оказывается, что отвлеченныя идеи мыслятся обозначаемыми чрезъ знаки или названія чиселъ, такъ какъ послѣднія не возбуждаютъ въ нашихъ умахъ идей отдѣльныхъ вещей. Я не намѣренъ теперь вдаваться въ болѣе спеціальное разсужденіе по этому предмету, но замѣчу только, что изъ сказаннаго выше ясно видно, что то, что признается за отвлеченныя истины и теоремы относительно чи-

селъ, въ дѣйствительности не относится ни къ какому предмету, отличному отъ отдѣльныхъ исчисляемыхъ вещей, за исключенiемъ лишь названiй и цифръ, которыя первоначально разсматривались только въ смыслѣ знаковъ, способныхъ обозначать соотвѣтствующимъ образомъ всѣ отдѣльныя вещи, подлежащiя человѣческому счету. Изъ чего слѣдуетъ, что изучать ихъ ради нихъ самихъ значило бы поступать такъ же мудро и съ такимъ же благимъ намѣренiемъ, какъ еслибы кто нибудь, пренебрегая надлежащимъ употребленiемъ или первоначальною цѣлью и задачами языка, сталъ тратить свое время на непристойную критику словъ или на соображенiя и споры чисто-словесные.

123. Отъ числа мы переходимъ теперь къ рѣчи о *протяженiи*, составляющемъ предметъ геометрiи. *Безконечная* дѣлимость *конечнаго* протяженiя, хотя она не выражается прямо ни какъ аксiома, ни какъ теорема въ началахъ этой науки, вездѣ ею предполагается и мыслится въ такой неразрывной и существенной связи съ принципами и доказательствами геометрiи, что математики никогда не подвергаютъ ее сомнѣнiю или вопросу. И въ той же мѣрѣ, въ какой именно это понятiе есть источникъ, изъ коего вытекаютъ всѣ тѣ забавные геометрическiе парадоксы, которые находятся въ такомъ прямомъ противорѣчiи съ обычнымъ человѣческимъ здравымъ смысломъ, и лишь съ большимъ сопротивленiемъ принимаются умомъ, не развращеннымъ ученостью, оно служитъ главнымъ поводомъ той чрезмѣрной утонченности, которая дѣлаетъ изученiе математики столь труднымъ и скучнымъ. Поэтому если мы окажемся

въ состоянiи показать, что никакое конечное протяженiе не содержитъ безконечнаго числа частей или не дѣлимо до безконечности, то отсюда слѣдуетъ, что мы однажды навсегда освободимъ науку геометрiи отъ множества затрудненiй и противорѣчiй, которыя всегда считались упрекомъ человѣческому разуму, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ изученiе ея дѣломъ несравненно меньшихъ времени и труда, чѣмъ это было доселѣ.

124. Каждое отдѣльное конечное протяженiе, которое можетъ служить предметомъ нашего мышленiя, есть *идея,* существующая лишь въ нашемъ умѣ, и, слѣдовательно, каждая его часть должна быть воспринимаема. Если, поэтому, я не могу воспринять безконечное множество частей въ какомъ либо конечномъ, разсматриваемомъ мною, протяженiи, то несомнѣнно, что онѣ въ немъ не содержатся; но очевидно, что я не въ состоянiи различить безчисленное множество частей въ отдѣльной линiи, поверхности или тѣлѣ, воспринимаю ли я ихъ въ ощущенiи или представляю себѣ въ моемъ умѣ, изъ чего заключаю, что онѣ не содержатся тамъ. Ничто не можетъ быть для меня яснѣе того, что разсматриваемыя протяженiя суть не что иное, какъ мои собственныя идеи; и не менѣе ясно, что я не могу разложить какую либо изъ своихъ идей на безконечное число другихъ идей, т. е. что онѣ не дѣлимы до безконечности. Если подъ конечнымъ протяженiемъ подразумѣвается нѣчто отличное отъ конечной идеи, то я объявляю, что не знаю, что это такое, и, слѣдовательно, не могу ни утверждать, ни отрицать чего либо о немъ. Но если термины: „протяженiе“, „части“ и т. под. берутся въ

понятномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ идей, то сказать, что конечная величина или конечное протяженіе состоитъ изъ частей безконечныхъ по числу, есть столь явное и вопіющее противорѣчіе, что каждый съ перваго взгляда признаетъ его за таковое; и невозможно, чтобы съ этимъ мнѣніемъ когда либо согласилось какое нибудь разумное существо, если только оно не будетъ подготовлено къ нему постепенными незначительными переходами, какъ новообращенный язычникъ къ вѣрѣ въ пресуществленіе. Старые и закоренѣлые предразсудки часто пріобрѣтаютъ значеніе началъ, а такія положенія, которыя разъ пріобрѣли силу и значеніе *началъ*, не только сами, но вмѣстѣ съ ними и все то, что можетъ быть изъ нихъ выведено, считаются изъятыми отъ изслѣдованія. И нѣтъ такой безсмыслицы, которая не могла бы быть принята, если умъ такимъ образомъ къ ней подготовленъ.

125. Тотъ, чей умъ находится подъ господствомъ ученія объ отвлеченныхъ общихъ идеяхъ (легко) * можетъ быть убѣжденъ въ томъ, что (какъ бы ни мыслить объ идеяхъ ощущеній) отвлеченное протяженіе дѣлимо до безконечности. И всякій, кто полагаетъ, что ощущаемые предметы существуютъ внѣ духа (не затруднится утверждать) **, что линія длиною всего въ дюймъ можетъ заключать въ себѣ безчисленное множество частицъ, которыя дѣйствительно существуютъ, хотя слишкомъ малы, чтобы быть различаемыми. Эти заблужденія укоренились въ умахъ какъ геометровъ, такъ и прочихъ людей, и

43 * Выпущено во 2-мъ изданіи.
45 ** Во 2-мъ изданіи: „придетъ, быть можетъ, къ признанію".

оказываютъ одинаковое вліяніе на ихъ разсужденія; и было бы нетрудно показать, какъ доказательства, употребляемыя геометріею въ подтвержденіе безконечной дѣлимости протяженія, основываются на этихъ заблужденіяхъ. (Но объ этомъ, если то окажется необходимымъ, мы можемъ найти удобный случай поговорить особо) *. Теперь мы укажемъ только вообще, почему всѣ математики такъ преисполнены этимъ ученіемъ и упорны въ немъ.

126. Было замѣчено въ другомъ мѣстѣ (отд. 15-й введенія), что теоремы и доказательства геометріи касаются общихъ идей, при чемъ было объяснено, въ какомъ смыслѣ это слѣдуетъ понимать, а именно—въ томъ, что отдѣльныя линіи и фигуры въ чертежѣ предполагаются замѣняющими безчисленное множество другихъ линій и фигуръ различной величины, или, иными словами, геометръ разсматриваетъ ихъ, отвлекая отъ ихъ величины, что подразумѣваетъ не то, чтобы онъ образовалъ отвлеченную идею, а только то, что онъ не заботится о величинѣ въ частности, велика ли она или мала, но считаетъ это безразличнымъ для доказательства. Отсюда слѣдуетъ, что о линіи, имѣющей на чертежѣ всего одинъ дюймъ длины, надо говорить такъ, какъ будто она содержитъ десять тысячъ частицъ, поскольку она разсматривается не сама по себѣ, но какъ общая; но она обща лишь по значенію, поскольку она представляетъ собою безчисленныя линіи, большія, чѣмъ она, въ которыхъ можно различить десять тысячъ и болѣе частей, хотя онѣ могутъ быть не длиннѣе дюйма. Та-

* Исключено во 2-мъ изданіи.

кимъ путемъ свойства обозначенныхъ линій по весьма обычному пріему переносятся на знакъ и потому, по заблужденію, какъ бы мыслятся принадлежащими ему по его собственной природѣ.

127. Такъ какъ нѣтъ такого большого числа частей, чтобы не могло быть линіи, которая содержала бы ихъ еще болѣе, то говорится, что линія въ дюймъ длиною содержитъ частей болѣе всякаго даннаго ихъ числа, что справедливо, но относительно не дюйма, какъ таковаго, а только того, что имъ обозначается. Но люди, не соблюдая этого различія въ своихъ мысляхъ, подпадаютъ убѣжденію, будто небольшая данная линія, начертанная на бумагѣ, заключаетъ, какъ таковая, безконечное число частей. Нѣтъ такой вещи, какъ десятитысячная часть дюйма, но есть десятитысячная часть мили или діаметра земли, которые могутъ быть обозначены этимъ дюймомъ. Когда я поэтому черчу на бумагѣ треугольникъ и приму величину одной изъ его сторонъ, которая не длиннѣе дюйма, равною радіусу (земли), то я предполагаю ее раздѣленною на десять, на сто и болѣе тысячъ частей; ибо хотя десятитысячная часть этой линіи, разсматриваемая сама по себѣ, есть ничто, и ею, слѣдовательно, можно пренебречь безъ всякой погрѣшности или неудобства, но такъ эти начертанныя линіи суть лишь знаки, замѣняющіе большія величины, десятитысячная часть которыхъ можетъ быть весьма значительна, то отсюда слѣдуетъ, что во избѣжаніе замѣтныхъ ошибокъ на практикѣ радіусъ долженъ быть признанъ содержащимъ въ себѣ 10.000 или болѣе частей.

128. Изъ сказаннаго ясно, почему для сообщенія

теоремамъ всеобщаго примѣненія мы должны говорить о начертанныхъ на бумагѣ линіяхъ такъ, какъ будто онѣ содержатъ части, которыхъ въ дѣйствительности не имѣютъ. Поступая такимъ образомъ, мы при точномъ изслѣдованіи найдемъ, быть можетъ, что не въ состояніи представить себѣ самый дюймъ состоящимъ изъ тысячи частей или дѣлимымъ на тысячу частей, а относимъ это представленіе къ нѣкоторой другой линіи, которая гораздо больше дюйма и обозначается имъ, и что, говоря, будто линія дѣлима до безконечности, мы (подразумѣваемъ, если что либо подразумѣваемъ) * безконечно-большую линію. Въ сказанномъ заключается, повидимому главная причина того, почему въ геометріи признается необходимымъ предположеніе безконечной дѣлимости конечнаго протяженія.

129. Многочисленныя нелѣпости и противорѣчія, вытекающія изъ этого ложнаго начала, могли бы каждое служить, какъ кажется, доводами противъ него. Но я не знаю, на основаніи какой логики признается, что доказательства *a posteriori* не допустимы противъ положеній, касающихся безконечности, какъ будто даже безконечный духъ не въ состояніи разрѣшить противорѣчія, или будто что либо нелѣпое и противорѣчивое можетъ быть въ необходимой связи съ истиной или вытекать изъ нея. Но если кто бы то ни было разсмотритъ шаткость этого притязанія, то онъ придетъ къ мысли, что оно было изобрѣтено въ угоду вялости ума, которому болѣе пріятно успокоиться на лѣнивомъ скептицизмѣ, чѣмъ взять на

* Во 2-мъ изданіи: „должны подразумѣвать“.

себя трудъ подвергнуть строгому изслѣдованію тѣ начала, которыя онъ постоянно признавалъ за истинныя.

130. Умозрѣнія относительно безконечныхъ величинъ достигли въ новѣйшее время такихъ размѣровъ и выродились въ столь странныя понятія, что послужили поводомъ къ немалымъ сомнѣніямъ и спорамъ среди современныхъ геометровъ. Нѣкоторые изъ нихъ, имѣющіе громкое имя, не довольствуются мнѣніемъ, будто конечныя линіи могутъ быть дѣлимы на безконечное число частей, но утверждаютъ далѣе, что каждая изъ этихъ безконечно-малыхъ частей въ свою очередь дѣлима на безконечное число другихъ частей или безконечно-малыхъ величинъ втораго порядка, и такъ далѣе до безконечности. Они утверждаютъ, говорю я, что существуютъ безконечно-малыя части безконечно-малыхъ частей и т. д. безъ конца; такъ что, по ихъ мнѣнію, одинъ дюймъ содержитъ не только безконечное число частей, но безконечность безконечности частей *ad infinitum*. Другіе утверждаютъ, что всѣ порядки безконечно-малыхъ величинъ ниже перваго порядка суть ничто, основательно считая нелѣпымъ предположеніе, будто существуетъ какое либо положительное количество или часть протяженія, которая, даже будучи безконечно умноженною, никогда не сравнится съ наималѣйшимъ даннымъ протяженіемъ. А съ другой стороны не менѣе нелѣпымъ кажется мнѣніе, будто квадратъ, кубъ или другая степень положительнаго реальнаго основанія есть, какъ таковая, ничто, какъ это должны утверждать тѣ, которые признаютъ безконечно-малыя величины перваго порядка, отрицая высшіе ихъ порядки.

131. Не вправѣ-ли мы отсюда заключить, что *и тѣ и другіе* ошибаются, и что въ дѣйствительности нѣтъ такой вещи, какъ безконечно-малыя части или безконечное число частей, содержащееся въ конечной величинѣ? Вы однако скажете, что если принять это мнѣніе, то окажется, что самыя основанія геометріи будутъ подорваны, и что тѣ великіе люди, которые возвели эту науку на такую изумительную высоту, всѣ въ концѣ концовъ строили лишь воздушные замки. На это можно возразить, что все полезное въ геометріи и способствующее пользамъ человѣческой жизни остается прочнымъ и непоколебленнымъ и при нашихъ началахъ, что наука, разсматриваемая съ точки зрѣнія практической, извлечетъ больше пользы, чѣмъ вреда, изъ того, что сказано. Но вѣрное освѣщеніе этого вопроса и обнаруженіе того, какимъ образомъ линіи и фигуры могутъ быть измѣряемы и ихъ свойства изслѣдуемы безъ предположенія безконечной дѣлимости конечнаго протяженія, можетъ составить надлежащую задачу особаго изслѣдованія. Въ концѣ концовъ еслибы даже оказалось, что нѣкоторыя изъ самыхъ запутанныхъ и утонченныхъ частей умозрительной математики могутъ отпасть при этомъ безъ всякаго ущерба для истины, то я не вижу, какой вредъ произойдетъ отъ того для человѣчества. Напротивъ, было бы, я полагаю, въ высшей степени желательно, чтобы люди (величайшихъ дарованій и упорнѣйшаго прилежанія) * отвратили свои мысли отъ этихъ забавъ и употребили ихъ на изученіе такихъ вещей, которыя

* Во 2-мъ изданіи: „великихъ дарованій и упорнаго прилежанія".

ближе касаются нуждъ жизни и оказываютъ болѣе прямое вліяніе на нравы.

132. Если говорятъ, что нѣкоторыя, несомнѣнно истинныя, теоремы были открыты при помощи методовъ, въ коихъ примѣняются безконечно-малыя величины, что было бы невозможно, еслибы существованіе послѣднихъ заключало въ себѣ противорѣчіе, то я отвѣчаю, что при тщательномъ изслѣдованіи окажется, что ни въ какомъ случаѣ не необходимо пользоваться безконечно-малыми частями конечныхъ линій или вообще количествъ, или представлять ихъ себѣ меньшими, чѣмъ *minimum sensibile* (наименьшее ощущаемое); скажемъ болѣе: очевидно, что иначе никогда и не дѣлается, ибо дѣлать это невозможно. (И что бы математики ни думали о флюксіяхъ, дифференціальномъ исчисленіи и т. п., небольшого размышленія достаточно для убѣжденія въ томъ, что, слѣдуя этимъ методамъ, они не представляютъ себѣ или не воображаютъ линій или поверхностей меньшихъ, чѣмъ воспринимаемыя въ ощущеніяхъ. Они, конечно, если имъ угодно, могутъ называть эти малыя и почти неощущаемыя количества безконечно-малыми или безконечно-малыми частями безконечно-малыхъ; но въ концѣ концовъ этимъ все и исчерпывается, такъ какъ эти количества въ дѣйствительности конечны, и рѣшеніе задачъ не требуетъ какого либо иного предположенія. Но объ этомъ будетъ болѣе ясно сказано впослѣдствіи) *.

133. Изъ сказаннаго ясно, что весьма многія и важныя заблужденія порождены тѣми ложными на-

* Выпущено во 2-мъ изданіи. Обѣщаніе автора въ настоящемъ сочиненіи осталось неисполненнымъ.

чалами, которыя были нами оспариваемы въ предыдущихъ частяхъ этого трактата, и что мнѣнія, противоположныя этимъ ошибочнымъ ученіямъ, представляются самыми плодотворными началами, изъ которыхъ вытекаютъ безчисленныя слѣдствія, въ высшей степени благопріятныя какъ для истинной философіи, такъ и для религіи. Въ особенности *матерія*, т. е. *безусловное существованіе тѣлесныхъ предметовъ*, оказалась тѣмъ основаніемъ, на которомъ самые явные и опасные враги всякаго знанія, какъ человѣческаго, такъ и божественнаго, всегда находили свою главную силу и надежду. И точно, если различеніе дѣйствительнаго существованія немыслящихъ вещей отъ ихъ воспринимаемости и приписаніе имъ существованія самимъ по себѣ, внѣ умовъ и духовъ, не можетъ объяснить ни одной вещи въ природѣ, а, напротивъ, порождаетъ множество неразрѣшимыхъ затрудненій; если предположеніе о матеріи шатко, такъ какъ въ пользу его нельзя привести ни единаго довода; если слѣдствія этого предположенія не выносятъ свѣта разсмотрѣнія и свободнаго изслѣдованія, но скрываются подъ темнымъ общимъ утвержденіемъ „непостижимости безконечнаго“; если вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе этой *матеріи* не влечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій; если въ ней даже нѣтъ никакой нужды для міра, а каждая вещь такъ же легко и даже легче понимается безъ нея; если наконецъ предположеніе, что существуютъ только духи и идеи, приводитъ навсегда къ молчанію и скептиковъ, и атеистовъ, и совершенно согласуется и съ разумомъ и религіею, то, я полагаю, мы можемъ ожидать, что оно будетъ

принято и удержится прочно, хотя оно было предложено лишь, какъ *гипотеза*, съ допущеніемъ возможности существованія матеріи, что, мнѣ думается, теперь съ очевидностью опровергнуто.

134. Правда, впослѣдствіе вышеизложенныхъ началъ различные споры и умозрѣнія, которые признаются за не незначительную часть учености, отбрасываются, какъ безполезные (и въ сущности не относящіеся ни къ чему) *, но какъ бы это ни возстановляло противъ нашихъ мнѣній тѣхъ людей, которые уже углубились въ подобнаго рода занятія и сдѣлали въ нихъ большіе успѣхи, я надѣюсь, что найдутся другіе, которые не будутъ считать за справедливое основаніе для неодобренія вышеизложенныхъ началъ и мнѣній того, что послѣднія сокращаютъ трудъ ученія и дѣлаютъ человѣческія науки гораздо болѣе ясными, наглядными и доступными, чѣмъ онѣ были доселѣ.

135. Покончивъ съ тѣмъ, что мы имѣли намѣреніе сказать относительно познанія *идей*, мы подъ руководствомъ предложеннаго нами метода переходимъ ближайшимъ образомъ къ изслѣдованію о *Духахъ*, человѣческое познаніе о коихъ, быть можетъ, не такъ недостаточно, какъ обыкновенно воображаютъ. Главнымъ основаніемъ, приводимымъ въ пользу того мнѣнія, будто мы не знаемъ природы духа, служитъ то, что мы не имѣемъ о немъ идеи. Однако нельзя же поистинѣ считать недостаткомъ человѣческаго ума, что онъ не воспринимаетъ идеи духа, если невозможно, чтобы была такая идея. Именно это, если

* Исключено во 2-мъ изданіи.

я не ошибаюсь, было доказано въ отд. 27-мъ, къ чему я здѣсь прибавлю, что духъ оказался единственною субстанціею или носителемъ, въ которомъ могутъ существовать немыслящія вещи или идеи; но чтобы такая *субстанція*, носящая или воспринимающая идеи, сама была идеею или сходна съ идеею,—это, очевидно, нелѣпо.

136. Можетъ быть, скажутъ, что намъ недостаетъ ощущенія, какъ воображаютъ иные *, способнаго познавать субстанціи, при помощи котораго, еслибы мы обладали имъ, мы могли бы познавать свою душу такъ же, какъ треугольникъ. На это я отвѣчу, что въ случаѣ, еслибы мы были снабжены новымъ родомъ ощущеній, мы могли бы получить только нѣкоторыя новыя ощущенія или идеи ощущеній; но, я полагаю, никто не скажетъ, что то, что онъ понимаетъ подъ терминами *душа* и *субстанція*, есть только особый частный видъ идеи или ощущенія. Мы вправѣ, слѣдовательно, заключить, что, взвѣсивъ все основательно, было бы такъ же неразумно считать наши способности недостаточными потому, что онѣ не доставляютъ намъ идеи духа или дѣятельной мыслящей субстанціи, какъ порицать ихъ за неспособность мыслить *круглый квадратъ*.

137. Изъ мнѣнія, что духи познаваемы путемъ идеи или ощущенія, возникло много нелѣпыхъ и несогласныхъ съ истинною вѣрою ученій, равно какъ много сомнѣній касательно природы души. Правдоподобно даже, что это мнѣніе могло возбудить въ нѣкоторыхъ людяхъ сомнѣніе, имѣютъ ли они вообще

* Локкъ.

отличную отъ ихъ тѣла душу, такъ какъ по изслѣдованіи оказалась для нихъ невозможность найти, что они имѣютъ идею души. Чтобы *идея*, которая недѣятельна, и существованіе которой состоитъ въ томъ, что она воспринимается, была образомъ или подобіемъ самого по себѣ существующаго дѣятеля,— для опроверженія этого мнѣнія не требуется, повидимому, ничего иного, кромѣ простого вниманія къ тому, что подразумѣвается подъ этими словами. Но вы скажете, можетъ быть, что если идея не можетъ походить на духъ въ его мышленіи, дѣйствіи или въ его самостоятельномъ существованіи, то она можетъ быть сходна съ нимъ въ какихъ либо другихъ отношеніяхъ, и что нѣтъ необходимости, чтобы идея или образъ были во всѣхъ отношеніяхъ сходны со своимъ оригиналомъ.

138. Я отвѣчаю: если нѣтъ сходства въ упомянутыхъ отношеніяхъ, то идея не можетъ быть изображеніемъ субстанціи въ какой либо другой вещи. Отнимите способность мыслить, хотѣть и воспринимать идеи, и не остается ничего, въ чемъ идея могла бы походить на духъ. Потому что подъ словомъ *духъ* мы разумѣемъ лишь то, что мыслитъ, хочетъ и воспринимаетъ; таковъ, и только таковъ, смыслъ этого слова. Слѣдовательно, если невозможно, чтобы эти способности въ какой бы то ни было степени изображались въ идеѣ (или понятіи) *, то очевидно, что не можетъ быть идеи (или понятія) ** духа.

139. Но могутъ возразить, что если нѣтъ идей,

* Исключено во 2-мъ изданіи.
** То же.

обозначаемыхъ терминами *душа*, *духъ* и *субстанція*, то эти термины ничего не обозначаютъ или лишены всякаго смысла. Я отвѣчаю: эти слова обозначаютъ реальную вещь, которая не есть ни идея, ни сходна съ идеею, но есть то, что воспринимаетъ идеи и хочетъ и размышляетъ по поводу ихъ. Что такое я самъ, что я обозначаю терминомъ *я*—то же самое разумѣется и подъ *душою* или *духовною субстанціею*. (Но если я скажу, что *я* ничто, или что *я* есть идея или понятіе, то не можетъ быть болѣе очевидной нелѣпости, чѣмъ эти два предложенія) *. Если скажутъ, что это значитъ только спорить о словахъ, и что, такъ какъ непосредственное значеніе другихъ названій съ общаго согласія называется *идеями*, то нѣтъ причины, почему бы тому, что обозначается словами *духъ* или *душа*, не присваивать такого же названія, то я отвѣчу: всѣ немыслящіе предметы ума сходны въ томъ, что они вполнѣ пассивны, и что ихъ существованіе состоитъ лишь въ ихъ воспринимаемости, между тѣмъ душа или духъ есть активное существо, существованіе котораго состоитъ не въ томъ, что оно воспринимается, а въ томъ, что воспринимаетъ идеи и мыслитъ. Поэтому необходимо во избѣжаніе двусмысленности и смѣшенія совершенно различныхъ и несходныхъ предметовъ провести различіе между *духомъ* и *идеями* (см. отд. 27-й).

140. Правда, въ широкомъ смыслѣ слова мы можемъ сказать, что имѣемъ идею ** о *духѣ*, т. е. что мы понимаемъ значеніе этого слова; въ противномъ

* Исключено во 2-мъ изданіи.
** Во 2-мъ изданіи: „или, правильнѣе, понятіе".

случаѣ мы не могли бы ничего ни утверждать, ни отрицать относительно него. Скажемъ болѣе, какъ мы познаемъ идеи, находящіяся въ другихъ умахъ или духахъ, посредствомъ нашихъ собственныхъ, предполагая послѣднія сходными съ первыми, также мы познаемъ другихъ духовъ посредствомъ нашей собственной души, которая въ этомъ смыслѣ есть ихъ образъ или идея, такъ какъ она имѣетъ подобное же отношеніе къ другимъ духамъ, какъ синева или теплота, воспринимаемыя мною, къ тѣмъ же идеямъ, воспринимаемымъ другимъ лицомъ.

141. (Естественное безсмертіе души есть необходимое послѣдствіе вышеизложеннаго ученія. Но прежде, чѣмъ мы попытаемся это доказать, намъ надлежитъ объяснить смыслъ этого мнѣнія) *. Не слѣдуетъ предполагать, будто тѣ, которые утверждаютъ естественное безсмертіе души, считаютъ ее совершенно неспособною уничтожиться даже дѣйствіемъ всемогущества Творца, давшаго ей бытіе; они утверждаютъ только, что она не подлежитъ погибели или разрушенію по обыкновеннымъ законамъ природы или движенія. Тѣ же, которые признаютъ, что душа человѣка есть лишь нѣкоторое тонкое жизненное пламя или система животныхъ духовъ (animal spirits), считаютъ ее преходящею и разрушимою подобно тѣлу, такъ какъ ничто не можетъ развѣяться легче такой вещи, для которой естественно невозможно пережить смерть заключающей ее въ себѣ оболочки. И это представленіе съ жад-

* Исключено во 2-мъ изданіи.

ностью принято и излюблено худшею частью человѣчества, какъ наиболѣе дѣйствительное средство противъ воздѣйствія добродѣтели и религіи. Но было очевидно доказано, что тѣла, какого бы устройства и строенія они ни были, суть лишь пассивныя идеи въ духѣ, который дальше и разнороднѣе отъ нихъ, чѣмъ свѣтъ отъ тьмы. Мы показали, что душа недѣлима, безтѣлесна, непротяженна и, слѣдовательно, неразрушима. Ничто не можетъ быть яснѣе того, что движенія, измѣненія, упадокъ и разрушеніе, коимъ, какъ мы видимъ, ежечасно подпадаютъ тѣла природы (и что есть именно то, что мы разумѣемъ подъ *ходомъ природы*), не можетъ касаться дѣятельной, простой, несложной субстанціи; такое существо неразрушимо силою природы, т. е. „человѣческая душа естественно безсмертна".

142. Послѣ сказаннаго, я полагаю, ясно, что наши души не могутъ быть познаваемы тѣмъ же способомъ, какъ нечувствующіе, недѣятельные предметы, т. е. через *идеи*. *Духи* и *идеи* до такой степени разнородны, что когда мы говоримъ: „они существуютъ", „они познаются" и т. п., то эти слова не должны быть понимаемы, какъ обозначающія нѣчто общее обоимъ родамъ предметовъ. Въ нихъ нѣтъ ничего сходнаго или общаго; и ожидать, чтобы мы были въ состояніи чрезъ умноженіе или расширеніе нашихъ способностей познать духъ такъ же, какъ мы познаемъ треугольникъ, является столь же нелѣпымъ, какъ надѣяться увидѣть звукъ. Я настаиваю на этомъ, потому что считаю это существеннымъ для разъясненія различныхъ важныхъ вопросовъ и для предотвращенія нѣкоторыхъ весьма опасныхъ

заблужденій относительно природы души *. Точно также надо замѣтить, что такъ какъ всѣ отношенія предполагаютъ дѣятельность духа, то, строго говоря, слѣдуетъ говорить, что мы имѣемъ не идею, а скорѣе понятія объ отношеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ (habitudes) между вещами.

143. Тутъ будетъ неизлишне присовокупить, что ученіе объ *отвлеченныхъ идеяхъ* немало способствовало запутанности и темнотѣ тѣхъ наукъ, которыя спеціально относятся къ духовнымъ вещамъ. Люди вообразили, будто они могутъ образовать отвлеченныя понятія о силахъ и дѣйствіяхъ духа и разсматривать ихъ отрѣшенно какъ отъ ума или духа, какъ таковаго, такъ и отъ относящихся къ нимъ предметовъ и дѣйствій. Вслѣдствіе этого въ метафизику и мораль было введено большое число темныхъ и двусмысленныхъ терминовъ, притязающихъ на обозначеніе отвлеченныхъ понятій, а отсюда возникло безчисленное множество запутанностей и споровъ среди ученыхъ.

144. Но ничто, кажется, не способствовало въ такой мѣрѣ вовлеченію людей въ споры и ошибки от-

* Во 2-мъ изданіи здѣсь прибавлено: „Мнѣ кажется, что нельзя, строго говоря, сказать, будто мы имѣемъ *идею* дѣятельнаго существа или дѣятельности, хотя можно сказать, что мы имѣемъ о немъ *понятіе* (notion). У меня есть нѣкоторое знаніе или понятіе о моемъ духѣ и его дѣйствіяхъ надъ идеями, поскольку я знаю или понимаю, что подразумѣвается подъ этими словами. Что я знаю, о томъ я имѣю понятіе. Я не хочу сказать, чтобы термины *идея* и *понятіе* не могли употребляться, какъ однозначущіе, если люди того желаютъ; но употребленіе различныхъ названій для весьма различныхъ вещей ведетъ къ ясности и опредѣленности. Но будетъ ли слово *идея* распространено на духовъ, отношенія и дѣйствія, это въ концѣ концовъ есть дѣло словеснаго соглашенія“.

носительно природы и дѣятельностей духа, какъ обычай употреблять, говоря объ этихъ вещахъ, термины, заимствованные отъ идей ощущеній. Такъ, напр., воля называется движеніемъ души; это внушаетъ мысль, будто человѣческій духъ есть мячикъ въ движеніи, получающій толчекъ и направленіе отъ предметовъ ощущеній съ такою же необходимостью, какъ отъ удара лапты. Отсюда вытекаетъ безчисленное множество сомнѣній и погрѣшностей, которыя имѣютъ вредныя послѣдствія для нравственности. Я отнюдь не сомнѣваюсь, что все это можетъ быть выяснено, и истина можетъ представиться ясною, простою и обоснованною, если только философы согласятся (отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ, усвоенныхъ ими, предразсудковъ и способовъ рѣчи и) * углубиться въ себя и внимательно разсмотрѣть свои собственныя мысли. (Но затрудненія, вытекающія отсюда, требуютъ болѣе спеціальнаго разсмотрѣнія, чѣмъ то, которое соотвѣтствуетъ цѣли настоящаго трактата) **.

145. Изъ сказаннаго ясно, что мы не можемъ знать о существованіи другихъ духовъ иначе, какъ по ихъ дѣйствіямъ или по идеямъ, вызываемымъ ими въ насъ. Я воспринимаю различныя движенія, измѣненія и сочетанія идей, которыя показываютъ мнѣ, что существуютъ нѣкоторые отдѣльные дѣятели, сходные со мною, которые сопровождаютъ ихъ и участвуютъ въ ихъ произведеніи. Поэтому знаніе, которое я имѣю о другихъ духахъ, не непосредствен-

* Исключено во 2-мъ изданіи.
** Исключено во 2-мъ изданіи.

ное, какъ знаніе моихъ идей, но зависитъ отъ посредства идей, которыя я отношу къ дѣятелямъ или духамъ, отличнымъ отъ меня самого, какъ ихъ дѣйствія или сопровождающіе знаки.

146. Но хотя есть нѣкоторыя вещи, убѣждающія насъ, что человѣческіе дѣятели участвуютъ въ ихъ произведеніи, тѣмъ не менѣе всякому очевидно, что тѣ вещи, которыя называются произведеніями природы, т. е. несравненно большая часть воспринимаемыхъ нами идей или ощущеній, не произведены человѣческими волями и не зависятъ отъ нихъ. Есть, слѣдовательно, нѣкоторый другой Духъ, производящій ихъ, такъ какъ мнѣніе, будто онѣ существуютъ сами по себѣ, противорѣчиво (см. отд. 29-й). Но если мы внимательно разсмотримъ постоянную правильность, порядокъ и связь вещей природы, изумительное великолѣпіе, красоту и совершенство въ болѣе крупныхъ и величайшее изящество въ болѣе мелкихъ частяхъ мірозданія, вмѣстѣ съ точною гармоніею и соотвѣтствіемъ цѣлаго, въ особенности же превышающіе всякую мѣру удивленія законы страданія и удовольствія и инстинктовъ или природныхъ склонностей, влеченій и страстей животныхъ,—если, говорю я, мы обозримъ всѣ эти вещи и вмѣстѣ съ тѣмъ вникнемъ въ значеніе и важность аттрибутовъ Единый, Вѣчный, Безконечно-Мудрый, Благой и Совершенный, то мы ясно сознаемъ, что они принадлежатъ вышеупомянутому Духу, Который творитъ „все во всемъ“ и „Которымъ все существуетъ“.

147. Отсюда очевидно, что Богъ познается такъ же несомнѣнно и непосредственно, какъ всякій другой умъ или духъ, каковъ бы онъ ни былъ, отличный

отъ насъ. Мы можемъ даже утверждать, что существованіе Бога воспринимается гораздо очевиднѣе, чѣмъ существованіе людей, потому что дѣйствія природы безконечно многочисленнѣе и значительнѣе тѣхъ дѣйствій, которыя приписываются человѣческимъ дѣятелямъ. Нѣтъ ни одного знака, указывающаго на человѣка или дѣйствіе, произведенное имъ, который еще сильнѣе не свидѣтельствовалъ бы бытіе того Духа, Который есть Творецъ природы. Ибо очевидно, что при воздѣйствіи на другихъ людей воля человѣка не имѣетъ другого предмета, кромѣ движенія членовъ своего тѣла; но что это движеніе воспринимается и вызываетъ нѣкоторую идею въ духѣ другого человѣка, вполнѣ зависитъ отъ воли Творца. Онъ одинъ есть Тотъ, Кто, „объемля все словомъ Своего могущества", поддерживаетъ общеніе между духами, дающее имъ возможность воспринимать существованіе другъ друга. И однако этотъ чистый и ясный свѣтъ, который свѣтитъ каждому, самъ невидимъ (большинству человѣчества) *.

148. Повидимому, всеобщая жалоба немыслящей толпы состоитъ въ томъ, что она не можетъ *видѣть* Бога. Еслибы мы могли Его видѣть, говорятъ люди, какъ мы видимъ человѣка, мы увѣровали бы въ Его бытіе, и, увѣровавъ, повиновались бы Его велѣніямъ. Но, увы, намъ стоитъ только раскрыть наши глаза, чтобы увидѣть Верховнаго Владыку всѣхъ вещей съ большею полнотою и ясностью, чѣмъ мы видимъ кого либо изъ нашихъ ближнихъ. Не то, чтобы я воображалъ, будто мы видимъ Бога, какъ утвер-

* Исключено во 2-мъ изданіи.

ждаютъ нѣкоторые, прямымъ и непосредственнымъ зрѣніемъ, или видимъ тѣлесныя вещи не сами въ себѣ, но чрезъ созерцаніе того, что представляетъ ихъ въ существѣ Божіемъ, каковое ученіе *, я долженъ въ томъ сознаться, мнѣ непонятно. Я хочу однако пояснить мое мнѣніе. Человѣческій духъ или человѣческая личность не воспринимается въ ощущеніи, такъ какъ онъ не есть идея; слѣдовательно, когда мы видимъ цвѣтъ, величину, фигуру и движенія человѣка, то мы воспринимаемъ только извѣстныя ощущенія или идеи въ нашемъ собственномъ духѣ, а такъ какъ онѣ представляются нашему взору во многихъ отдѣльныхъ группахъ, то онѣ служатъ намъ для обозначенія существованія конечныхъ и созданныхъ духовъ, подобныхъ намъ самимъ. Отсюда ясно, что мы видимъ не человѣка, если подъ словомъ „человѣкъ" понимать то, что живетъ, движется, воспринимаетъ и мыслитъ, какъ дѣлаемъ мы, а только извѣстную совокупность идей, которая побуждаетъ насъ думать, что есть отдѣльный отъ насъ источникъ мысли и движенія, подобный намъ самимъ, который сопровождается и представляется ею. Такимъ же точно образомъ мы видимъ Бога; вся разница въ томъ, что, между тѣмъ какъ конечная и ограниченная совокупность идей указываетъ на единичный человѣческій духъ, куда бы и когда бы мы ни направили нашъ взоръ, мы во всякое время и на всякомъ мѣстѣ воспринимаемъ явные слѣды Божества, такъ какъ каждая вещь, которую мы видимъ, слышимъ, осязаемъ или какимъ либо

* Принадлежитъ Мальбраншу.

путемъ воспринимаемъ въ ощущеніи, есть знакъ или дѣйствіе Божественнаго всемогущества, подобно тому, какъ и въ нашихъ воспріятіяхъ тѣхъ движеній, которыя производятся людьми.

149. Итакъ, ясно, что ничто не можетъ быть болѣе очевидно для всякаго, способнаго къ малѣйшему размышленію, чѣмъ существованіе Бога или Духа, ближайшимъ образомъ присущаго нашимъ умамъ, производящаго въ нихъ все то разнообразіе идей или ощущеній, которое постоянно воздѣйствуетъ на насъ,—Духа, отъ Коего мы безусловно и вполнѣ зависимъ, короче, въ Которомъ мы живемъ, движемся и существуемъ. Что открытіе этой великой истины, въ такой степени близкой и явной для ума, достижимо разуму лишь немногихъ, служитъ печальнымъ доказательствомъ неразумія и невнимательности людей, которые, хотя они окружены такими ясными проявленіями Божества, столь мало поражаются ими, что кажется, будто они ослѣплены избыткомъ свѣта.

150. Но, можетъ быть, скажете вы, развѣ природа не принимаетъ участія въ произведеніи естественныхъ вещей, и развѣ необходимо приписывать ихъ всѣ непосредственно и единственно дѣйствію Бога? Я отвѣчаю: если понимать подъ природою только видимые ряды дѣйствій или ощущеній, запечатлѣваемыхъ въ нашихъ духахъ согласно нѣкоторымъ постояннымъ общимъ законамъ, то ясно, что природа, понимаемая въ этомъ смыслѣ, ничего произвести не можетъ. Но если подъ *природою* подразумѣвается нѣкоторое сущее, отличное какъ отъ Бога, такъ и отъ законовъ природы и вещей, восприни-

маемыхъ въ ощущеніяхъ, то я долженъ сознаться, что это слово есть для меня пустой звукъ безъ какого либо, связаннаго съ нимъ, понятнаго значенія. Природа при такомъ ея пониманіи есть пустая химера, придуманная тѣми язычниками, которые не имѣли правильныхъ понятій о вездѣсущіи и безконечномъ совершенствѣ Бога. Но менѣе понятно, что это мнѣніе нашло доступъ въ среду христіанъ, исповѣдующихъ вѣру въ Священное Писаніе, которое постоянно приписываетъ непосредственному вмѣшательству Бога все то, что языческіе философы относятъ на долю природы. „Господь Богъ стягиваетъ туманы съ конца земли; Онъ дѣлаетъ молнію въ дождѣ и велитъ вѣтру являться изъ сокрытыхъ мѣстъ“ (Іеремія, X, 13). „Онъ дѣлаетъ утро изъ тьмы и изъ дня темную ночь“ (Амосъ, V, 8). „Ты посѣщаешь землю и орошаешь ее и дѣлаешь ее обильною. Ты благословляешь ея произрастанія и вѣнчаешь подъ Твоею благостью. Выгоны полны овецъ, и поля покрыты густою рожью“ (псаломъ LXV, 10—14). Вопреки свидѣтельству Священнаго Писанія мы чувствуемъ какое-то отвращеніе вѣрить, что Богъ непосредственно занимается нашими дѣлами. Намъ пріятно мыслить Его въ далекомъ разстояніи отъ насъ и на Его мѣсто ставить слѣпую немыслящую силу, хотя (если мы можемъ вѣрить св. Павлу) „Онъ находится недалеко отъ каждаго изъ насъ“.

151. Безъ сомнѣнія, возразятъ, что медленные, постепенные и всюду окружающіе насъ способы, наблюдаемые въ произведеніи вещей природы, повидимому, не имѣютъ причиною непосредственнаго

вмѣшательства Всемогущаго Дѣятеля. Кромѣ того, Уродливости, преждевременныя рожденія, недоразвившіеся плоды, дожди, падающіе въ пустыняхъ, несчастные случаи въ человѣческой жизни и т. п. приводятся, какъ доказательство того, что все устройство природы не непосредственно порождается и направляется Духомъ безконечной мудрости и благости. Но отвѣтъ на это возраженіе въ значительной степени ясенъ изъ 62-го отд., такъ какъ тамъ объясняется, что вышеупомянутыя дѣйствія природы совершенно необходимы для того, чтобы все происходило согласно съ самыми простыми и общими правилами и по постоянному и прочному порядку, что свидѣтельствуетъ о благости и мудрости Творца (ибо отсюда слѣдуетъ, что перстъ Божій не столь явенъ рѣшительному и беззаботному грѣшнику, что и побуждаетъ послѣдняго упорствовать въ своемъ несчастіи и становиться достойнымъ возмездія (см. отд. 57-й) *. Таково искусное устройство этого мощнаго механизма природы, что въ то время, какъ его движенія и различныя явленія поражаютъ наши чувства, рука, создавшая его, невидима людямъ изъ плоти и крови. „Поистинѣ“, говоритъ пророкъ, „Ты еси скрытый Богъ“ (Исаія, XLV, 15). Однако, хотя Богъ скрываетъ себя отъ глазъ чувственника и лѣнивца, который не хочетъ обременять себя мышленіемъ, для ума безпристрастнаго и внимательнаго ничто не можетъ быть яснѣе близкаго присутствія Премудраго Духа, Которымъ создается, управляется и поддерживается вся система сущаго. (Во-вторыхъ) **,

* Выпущено во 2-мъ изданіи.
** Выпущено во 2-мъ изданіи.

изъ того, что было уже замѣчено нами, ясно, что дѣятельность, согласная съ общими и незыблемыми законами, столь необходима для нашего руководства въ житейскихъ дѣлахъ и для нашего посвященія въ тайны природы, что безъ нея все богатство и полнота мысли, все человѣческое остроуміе и размышленіе не могутъ служить никакой цѣли; даже самое существованіе подобныхъ способностей, или силъ духа не было бы возможно (см. отд. 31-й). Одно это соображеніе съ лихвою перевѣшиваетъ всѣ частныя неудобства, которыя могутъ отсюда вытекать.

152. Но намъ слѣдовало бы далѣе принять во вниманіе, что самыя пятна и недостатки природы не лишены извѣстной пользы, внося пріятное разнообразіе и возвышая красоту прочаго мірозданія, подобно тому, какъ тѣни на картинѣ служатъ для выдѣленія болѣе ясныхъ и свѣтлыхъ ея частей. Мы поступили бы также хорошо, еслибы разсмотрѣли, не есть ли наша оцѣнка расточенія сѣмянъ и зародышей и случайныхъ поврежденій растеній и животныхъ прежде, чѣмъ они достигнутъ полной зрѣлости, какъ неосмотрительности Творца природы, послѣдствіе предразсудка, возникшаго отъ привычки вращаться среди безсильныхъ и бережливыхъ смертныхъ. Несомнѣнно, что въ человѣкѣ экономное обращеніе съ такими вещами, которыхъ онъ не въ силахъ достать безъ большого труда и прилежанія, можетъ считаться мудростью. Но мы не должны воображать, чтобы невыразимо тонкій механизмъ животнаго или растенія стоилъ великому Творцу болѣе труда или заботы, чѣмъ созданіе камешка; такъ какъ ничто не можетъ быть очевиднѣе того, что

Всемогущій Духъ можетъ одинаково создать любую вещь простымъ актомъ Своей воли: „fiat“ или „да будетъ“! Отсюда ясно, что роскошное изобиліе вещей природы должно быть истолковываемо не въ смыслѣ слабости или расточительности создавшаго ихъ Дѣятеля, но скорѣе должно считаться доказательствомъ полноты Его могущества.

153. Что касается существующей въ мірѣ согласно общимъ законамъ природы и дѣйствіямъ конечныхъ несовершенныхъ духовъ примѣси страданія и непріятности, то она въ нашемъ, теперешнемъ положеніи безусловно необходима для нашего блага. Но кругозоры наши слишкомъ тѣсны. Мы мыслимъ, напр., идею нѣкотораго частнаго страданія и отмѣчаемъ ее, какъ зло; между тѣмъ если мы расширимъ свой взглядъ такъ, чтобы обнять имъ различныя цѣли, связи и зависимости вещей, и сообразить, по какимъ поводамъ и въ какихъ пропорціяхъ мы испытываемъ страданіе или удовольствіе, равно какъ природу человѣческой свободы и цѣль, ради которой мы помѣщены въ міръ, то мы будемъ принуждены признать, что тѣ единичныя вещи, которыя сами по себѣ кажутся намъ зломъ, обладаютъ свойствомъ добра, если мы станемъ разсматривать ихъ въ связи со всей системой сущаго.

154. Изъ того, что сказано, ясно для каждаго размышляющаго человѣка, что только по недостатку вниманія и широты ума нѣкоторые люди являются поклонниками атеизма или манихейской ереси. Мелкія и неразмышляющія души могутъ, конечно, принижать дѣла Провидѣнія, красоту и порядокъ которыхъ они неспособны или не хотятъ потрудиться

понять; но тѣ, которые владѣютъ правильнымъ и широкимъ мышленіемъ и привыкли къ размышленію, не могутъ достаточно удивляться божественнымъ слѣдамъ Премудрости и Благости, показующимся въ строѣ природы. Но какая же истина настолько присуща нашему уму, чтобы путемъ извращенія мышленія и добровольнаго закрытія глазъ мы не могли достигнуть того, чтобы не видѣть ея, по крайней мѣрѣ вполнѣ и прямо? Можно ли поэтому удивляться, что масса людей, постоянно поглощенная дѣлами или развлеченіями и мало привыкшая сосредоточиваться и раскрывать свои духовныя очи, не обладаетъ всѣми тѣми убѣжденіемъ и увѣренностью въ бытіи Бога, какихъ можно ожидать отъ разумныхъ созданій?

155. Мы скорѣе могли бы удивляться тому, что находятся люди, столь безумные, чтобы пренебрегать такою очевидною и важною истиною, чѣмъ тому, что, пренебрегая ею, они остаются въ ней неубѣжденными. А между тѣмъ можно опасаться, что огромное число людей, обладающихъ способностями и досугомъ, которые живутъ въ христіанскихъ странахъ, погрязло въ (своего рода полу) * атеизмѣ лишь вслѣдствіе своей безпечной ужасающей небрежности (они не могутъ сказать, что нѣтъ Бога, но не убѣждены и въ томъ, что Онъ есть. Ибо что иное можетъ дозволять грѣшникамъ расти и укрѣпляться въ нечестіи, кромѣ нѣкотораго затаеннаго невѣрія, нѣкотораго тайнаго предразсудка ума въ отношеніи бытія, какъ аттрибута Бога) **. Ибо невозможно допустить, чтобы душа, вполнѣ проникнутая и просвѣ-

* Выпущено во 2-мъ изданіи.
** То же.

тленная чувствомъ вездѣсущія, святости и правосудія этого Всемогущаго Духа, могла безъ угрызеній совѣсти упорствовать въ нарушеніи Его законовъ. Намъ слѣдовало бы поэтому серьезно сосредоточиваться на этихъ важныхъ вопросахъ, дабы пріобрѣсти такимъ образомъ вполнѣ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что „очи Господни повсюду видятъ добрыхъ и злыхъ; что Онъ находится съ нами и всюду охраняетъ насъ, куда бы мы ни пошли, и даетъ намъ хлѣбъ, которымъ мы питаемся, и одежду, которою мы прикрываемъ наше тѣло“; что Ему присущи и извѣстны наши сокровеннѣйшія мысли, и наконецъ что мы находимся въ самой безусловной и непосредственной зависимости отъ Него. Ясный взглядъ на эти великія истины необходимо долженъ исполнить наши сердца благоговѣйною осмотрительностью и священнымъ страхомъ, которые служатъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ *добродѣтели* и лучшею защитою отъ *порока*.

156. Ибо, въ концѣ концовъ, перваго мѣста среди нашихъ занятій заслуживаетъ размышленіе о Богѣ и нашемъ долгѣ. Главнѣйшими задачею и цѣлью моихъ трудовъ было побудить къ тому; равнымъ образомъ я сочту эти труды вполнѣ безполезными и безплодными, если сказанное мною не въ состояніи внушить моимъ читателямъ благочестиваго чувства присутствія Бога и, показавъ ложность и тщету тѣхъ безплодныхъ умозрѣній, которыя составляютъ главное занятіе ученыхъ мужей, наилучше расположить ихъ къ благоговѣнію и къ признанію спасительныхъ истинъ Писанія, въ познаніи и исполненіи которыхъ заключается высшее совершенство человѣческой природы.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ:

Бердяевъ, Николай. *Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи.* Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Ц. 2 р. 25 к.

Оглавленіе: Предисловіе П. Струве.—Предисловіе автора.—Историческое введеніе.—I. Субъективизмъ и объективизмъ.—II. Личность и общество.—III. Н. Михайловскій, какъ публицистъ.—Заключеніе.—Указатель именъ.

Мармери, Дж. В. *Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты.* Пер. съ англійскаго. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя русскихъ переводовъ классическихъ и научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе. Предисловіе автора.—I. Древнія знанія.—Методъ изслѣдованія.—II. Наука въ древности.—III. Прогрессъ въ античномъ мірѣ. — IV. Прогрессъ у арабовъ (отъ IX до XV ст.) — V. Прогрессъ въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія.—VI. Многочисленныя причины научнаго прогресса.—VII. Рожеръ Бэконъ.—VIII. Характеръ возрожденія.—IX. Современная наука.—X. Значеніе приборовъ и инструментовъ.—XI. Итоги послѣднихъ четырехъ вѣковъ развитія наукъ. — XII. Страны, гдѣ развились науки.—XIII. Общія слѣдствія.—XIV. Матеріальныя слѣдствія научнаго прогресса.—XV. Значеніе научнаго прогресса въ нравственномъ отношеніи. Приложеніе А. Знаменитые люди науки. Опредѣленіе наукъ. Библіографическія примѣчанія къ книгѣ Мармери.

Спенсеръ, Гербертъ. *Происхожденіе науки.* (The genesis of Science изъ Essays. Vol. 2). Пер. съ англ.—30 к.

Фино, Жанъ. *Философія долговѣчности.* Пер. съ франц. д-ра мед. О. А. Литинскаго. (Образ. Библ., сер. IV, №10).—60 к.

Содержаніе: Введеніе.—I. Тайны долговѣчности.—II. Безсмертіе тѣла.—III. Живое существо всегда остается живымъ.—IV. Ужасы жизни.—V. Искусственное твореніе живыхъ существъ.—VI. Для влюбленныхъ въ жизнь.- Резюме.—Приложенія: I. Жизнь неорганической матеріи.—II. Ощущенія умирающаго.—III. Искусственная жизнь и автоматы.—IV. Нѣсколько опытовъ искусственнаго творенія въ Соединенныхъ Штатахъ.—V. Смерть съ точки зрѣнія науки и разума.

Въ книгѣ много интересныхъ и поучительныхъ фактовъ: недаромъ она во Франціи выдержала въ короткое время семь изданій.

„Кіев. Слово", 1903 г. №5423.

Гюйо. *Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.* Пер. Н. Южина. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.—2 р.

Крепелинъ, Эмиль, проф. *Гигіена труда.—Умственный трудъ.—Переутомленіе.* Пер. съ нѣм.—30 к.

1) При сравнении Р. Беркли с
Д. Локком нужно сказать, что
Беркли не только свел
все качества вещей к вто-
ричным качествам, но так-
же в отличие от Локка
(различавшего внутреннюю
и внешнюю деятельность)
он признает только
внутреннюю деятельность —
это суть дела.

2) Обязательно почитать.

Николай

